

С. Дж. Робертс

"Плененная во тьме" (книга 1)

Серия "Темный дуэт"

Автор: С. Дж. Робертс

Оригинальное название: Captive in the Dark

Название на русском: Плененная во тьме

Серия: Темный дуэт

Перевод: Chechenova

Главные редакторы:

helenaposad

Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Калев – молодой человек, единственной целью которого является месть. Похищенный еще маленьким мальчиком и проданный в рабство властолюбивым преступником, он не может думать ни о чем, кроме мести. Вот уже двенадцать лет, он погружен в мир торговли секс - рабынями, пытаясь найти человека, которого считает ответственным за все свои страдания. Наконец, тот вновь появляется в жизни Калеба, под новым именем, но с прежней сущностью. Для того, чтобы подобраться к нему как можно ближе и нанести свой удар, Калев должен стать тем, кого он ненавидит, и для этого, он похищает прекрасную девушку, чтобы сделать из нее ту, кем когда-то являлся сам.

Восемнадцатилетняя Оливия Руис приходит в сознание в странном месте. С повязкой на глазах и со связанными руками и ногами, она слышит спокойный мужской голос, приветствующий ее. Его зовут Калев, но он требует, чтобы она обращалась к нему Хозяин. Оливия, молода, красива, наивна, и совершенно несговорчива. Со временем, в ней начинает раскрываться темная чувственность, которую невозможно отрицать или скрыть, что она тщетно пытается делать. Несмотря на то, что она напугана сильным и самоуверенным садистом, который держит ее в качестве пленницы, единственным огоньком надежды Оливии в этой тьме, является ее нежелательное влечение к своему мучителю.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Книга содержит описание особо острых ситуаций, принуждение, не нормативную лексику и сцены насилия.

ПРОЛОГ

Месть, напомнил себе Калев. Именно она являлась основной его целью. Двенадцать лет планирования и всего несколько месяцев до ее осуществления.

Являясь наставником рабынь, он подготовил множество девушек. Одни сами этого хотели, предлагая себя в роли секс - рабынь для того, чтобы выбраться из нищеты, жертвуя свободой ради безопасности. Другие доставались ему в качестве вынужденно отданных дочерей обедневших фермеров, которые, тем самым, пытались снять с себя свое бремя за вознаграждение. Некоторые являлись четвертыми или пятыми женами шейхов или банкиров, которых направляли мужья, чтобы те научились удовлетворять их нетрадиционные запросы. Но эта потенциальная рабыня, на которую он смотрел сквозь оживленную улицу – была другой. Она не предлагала себя сама, не отдавалась насильно отцом и не была отдана на обучение своим мужем.

Она была настоящим вызовом.

Калев пытался убедить Рафика в том, что он сможет обучить любую девушку из всех вышеперечисленных. И что они, лучше всего подойдут для этого серьезного и опасного задания, но Рафик был непробиваем. Он тоже слишком долго ждал, чтобы добраться до своей цели, и отказывался полагаться на волю случая. Девушка должна

быть действительно особенной. Она должна стать таким ценным подарком, что о ней, так же как и о ее наставнике, должны заговорить все.

Будучи главным учеником Мухаммеда Рафика в течение нескольких лет, Калеп понемногу заработал себе репутацию умелого и всецело преданного человека, который мог справиться с любым заданием, которое тому поручали. Он никогда не подводил. И сейчас настал кульминационный момент, к которому он так долго шел. Пришло время доказать свою значимость человеку, которому он был обязан, как самому себе. Оставалось только одно препятствие на пути к его отмщению. Последнее настоящее испытание его хладнокровности – намеренное приношение в жертву кого – то ради их собственной свободы.

Он подготовил так много девушек, что даже не помнил их имен. Эту рабыню он тоже смог бы обучить. Для Рафика.

План был простым. Калеп вернется в США для поиска подходящей кандидатуры для "Аукциона Цветов", на языке арабов, "Захра Бай". Аукцион состоится через четыре месяца, в приютившей его стране, Пакистане. На нем, несомненно, будут представлены красивейшие рабыни из типичных стран с патриархальным укладом общества, в которых покупка таких девушек ограничивается только спросом и предложением. Но представление девушки из лидирующей мировой державы – станет апогеем аукциона.

В последнее время, высоко ценились девушки из Европы, но американки были крупнейшим бриллиантом в короне торговли удовольствием. Такая рабыня упрочнит авторитет Калеба в качестве сильного игрока и предоставит ему доступ в закрытый круг влиятельнейших людей этого мира.

Его целью было найти соответствующую его занятию девушку, с красивой, изящной внешностью, бедную, желательно неопытную, и имеющую предрасположенность к подчинению. После того, как он сделает свой выбор, Рафик направит четырех мужчин, которые помогут Калебу похитить девушку и незаконно перенаправить ее в Мексику.

Затем Рафик свяжется со своим помощником, который предоставит им укрытие на Мадере в течение первых шести недель, пока Калеп будет помогать своей пленнице адаптироваться. И когда она станет в меру податливой, они за два дня доберутся до Тустепека и сядут на частный самолет. В завершении, они прибудут в Пакистан, где Рафик будет помогать Калебу последние несколько недель готовить рабыню для аукциона *Захра Бай*.

Слишком легко, подумал Калеп. Хотя, на секунду, ему показалось, что не все будет так просто.

Со своего удобного пункта наблюдения через дорогу, Калеп посмотрел на девушку, за которой он следил в течение последних тридцати минут. Ее волосы были убраны назад, уголки губ опущены вниз, и она, не отрывая взгляда, смотрела на землю под ногами. Иногда она нервно вздрагивала, тем самым, выражая чувство беспокойства, которое у нее не получалось скрыть. Ему стало интересно, почему она казалось такой встревоженной.

Калеп находился достаточно близко, чтобы рассмотреть ее, но при этом был замаскирован так, что любой мог видеть только темную, ничем не примечательную машину с сильно затонированными стеклами. Он был настолько невидимым, насколько невидимой старалась казаться сама девушка.

Могла ли она чувствовать, что ее жизнь уже висела на волоске? Или ощущать на себе его взгляд? Могла ли она шестым чувством распознать монстра? Эта мысль вызвала у него улыбку.

Но где – то в глубине души, часть его надеялась, что эта девушка обладает развитой интуицией и сможет распознать монстра в светлое время суток. Он наблюдал за ней вот уже несколько недель, но она, казалось, совершенно не замечала его присутствия. Кaleb вздохнул. Он был монстром, которого не подумают искать при свете дня. Какая банальная ошибка! Люди часто верили в то, что днем они в безопасности, полагая, что монстры появляются только с приходом ночи.

Но безопасность, ровно, как и свет – просто обман. Под этим светом мир уже давно поглощен тьмой.

И Кaleb знал это. Он также знал, что единственным способом остаться в живых, было принять эту тьму, войти в нее с широко распахнутыми глазами, стать ее частью. Врагов надо держать близко. Так всегда поступал сам Кaleb. Он держал своих врагов близко, настолько близко, что и сам порой не понимал, где заканчивались они, и начинался он. Поэтому для него, слова «безопасность», просто не существовало: монстры скрывались повсюду.

Он посмотрел на часы, затем снова на девушку. Автобус опаздывал. Расстроившись, девушка села на землю и положила свой рюкзак на колени. Если бы это была обычная обустроенная автобусная остановка, то позади нее, сидя на лавочке, болтали бы люди. Но вместо этого, вот уже несколько дней, Кaleb наблюдал, как она одиноко сидит под одним и тем же деревом, неподалеку от оживленной улицы.

Ее семья была бедной – а это немаловажный фактор после ее красоты. Бедным людям легче исчезнуть, даже в Америке. Особенно, если пропавший человек уже достиг того возраста, когда мог просто убежать. Это было обычной отговоркой властей, когда они не могли найти пропавшего. Человек, должно быть, просто сбежал.

Девушка не сделала ни единого движения, чтобы покинуть остановку, даже, несмотря на то, что автобус опаздывал на сорок пять минут, поэтому Кaleb подумал, что, видимо, это было, неспроста. Неужели, она настолько любила школу? Или ненавидела дом? Если она ненавидела свой дом, то это значительно облегчало задачу.

Возможно, в своем похищении она увидит спасение. Он чуть не рассмеялся – *ну конечно.*

Он осмотрел бесформенную, неприглядную одежду девушки: свободные джинсы, серая толстовка, наушники и рюкзак. Это был ее скромный наряд, в котором она пребывала, по крайней мере, пока добиралась до школы. Там она обычно переодевалась во что – то более женственное, даже кокетливое. Но к концу дня она возвращалась к своему прежнему виду. Он снова подумал о ее ненависти к своей домашней жизни. Она одевалась так, потому что та ее жизнь была ограничивающей и непостоянной? Или для того, чтобы избежать нежелательного внимания опасных представителей по дороге в школу и обратно? Он этого не знал. Но хотел бы узнать.

В ней было что – то интересное, что заставляло Калеба сделать выводы о том, что именно она являлась той, кого он искал, кем – то, кто мог бы приспособливаться. Кем – то, обладающей способностью безропотно подчиняться своему Хозяину, и поступать так, как надо перед лицом опасности, чтобы остаться в живых.

Переходя через дорогу, девушка беспокойно теребила наушники. Ее глаза были бесстрастно устремлены на землю. Она была хорошенькой. Очень хорошенькой. Он не хотел делать этого с ней, но какой у него был выбор? Кaleb успокоил себя тем, что она является всего лишь средством достижения конечной цели. Не она, так другая - и он снова окажется в том же положении.

Он продолжал смотреть на девушку, свою потенциальную рабыню, мысленно гадая, привлечет ли она внимание его главного покупателя. Ходили слухи, что среди других участников аукциона появится Владэк Рострович, один из богатейших, и, несомненно, опаснейших людей в мире. Именно ему будет подарена рабыня, для того,

чтобы Калев смог подобраться к нему поближе и уничтожить все, что тому дорого. А затем и убить его самого.

Тем не менее, Калеба, уже не в первый раз, удивляло, почему его так к ней тянуло. Возможно, все дело было в ее глазах. Даже на расстоянии, он видел какими темными, загадочными и грустными они были, насколько зрелым казался ее взгляд.

Калев замотал головой, отбрасывая эти мысли, когда услышал тарахтенье и визг шин школьного автобуса, неспешно ползущего по дороге. Он внимательно посмотрел, как на лице девушки отразилось чувство облегчения. Казалось, что оно относилось не столько к прибытию автобуса, сколько к бегству, возможно, даже к свободе. Наконец, автобус подъехал, принес с собой яркие лучи солнца. И прежде чем исчезнуть в автобусе, девушка подняла свою голову, немного сощутив глаза, позволяя свету прикоснуться к ее коже.

Неделю спустя, Калев сидел на своем привычном месте, ожидая девушку. Автобус приехал и уехал, но девушки в нем не оказалось, и он решил подождать, покажется она или нет.

Он уже было собирался уезжать, когда увидел, как она стремглав вылетела из – за угла, и побежала по направлению к остановке.

Девушка прибежала вся запыхавшаяся, почти отчаявшаяся. И он снова задумался над тем, почему она так стремилась попасть в школу.

Калев посмотрел на нее через окно машины. Сейчас, она уже не бежала, а шла, возможно, понимая, что все равно опоздала на свой автобус. Казалось, несправедливым, что только на прошлой неделе она ждала прибытия автобуса около часа, а на этой неделе, водитель вообще не стал ее дожидаться. Нет девушки, нет остановки. Ему стало интересно, будет ли она ждать еще один час, только для того, чтобы удостовериться в том, что надежды нет. Он замотал головой. Такие действия только покажут степень отчаяния ее натуры. Он и надеялся и не надеялся на то, что она станет ждать.

Калев остановил направление своих мыслей. У него вообще не должно быть никаких надежд. У него есть приказы. Свои собственные планы. Простые. Четкие. Строгие. Когда дело доходит до мести, морали здесь уже не место.

Мораль придумана для слабых людей, а сам он настолько от нее далек, насколько это было возможно. Калев не верил в существование высших сил, или загробной жизни, хотя, прожив на Ближнем Востоке, многое знал о религии. Но если существовал судный день, в котором он должен будет заплатить за все, что сотворил в этой жизни, то он уже был проклят. И он с радостью отправится в ад – после того, как убьет Владэка.

Кроме того, если Бог или Боги существовали, они не знали, что делал Калев, или же, им было на него наплевать, когда они были так нужны ему. Всем было на него наплевать, всем, кроме Рафика.

И, за отсутствием какого – либо наказания в загробной жизни, Калев собрался сделать так, чтобы Владэк Рострович заплатил за все свои деяния здесь, в этой жизни.

Двадцать минут спустя девушка начала плакать, прямо на тротуаре, прямо перед ним.

Калев не мог отвести взгляда. Слезы всегда были для него чем – то мистическим. Он любил смотреть на них, пробовать. По правде говоря, они его даже возбуждали. Он, было, возненавидел эту свою условную реакцию, но уже давно научился подавлять ненависть к самому себе. Эти чувства, эти реакции сейчас уже были частью

него, плохо это было, или хорошо. *Скорее, плохо*, подумал он с улыбкой, и поправил эрекцию.

Что такого было в этих эмоциональных проявлениях, что его грудную клетку сжимало и не отпускало? По нему прошлась волна чистой похоти, словно сильная боль, принося с собой непреодолимое желание, обладать ею, иметь власть над ее слезами. С каждым днем, он все больше думал о ней как о своей рабыне, нежели как о возможной кандидатке. И неважно, что она была воплощением манящей загадки с грустными глазами.

Его разум заполнили образы того, как ее сладкое, невинное личико омывается ее же слезами, пока он держит ее, перекинутую через свои колени. Он мог почти чувствовать мягкость ее обнаженного зада под своими руками, вес ее тела, прижатого к его эрекции, пока он ее шлепает.

Но век фантазий короток.

Внезапно, перед девушкой остановилась машина.

- *Черт*, - застонал он, заставляя эти образы исчезнуть.

Калеб не мог поверить в то, что это происходит. Какой – то придурок пытался забрать его добычу.

Он смотрел, как девушка замотала головой, отклоняя приглашение водителя сесть в его машину. Казалось, тот ее не слушал. Она стала отходить от остановки, но машина последовала за ней.

Сейчас, Калеб видел лишь один выход.

Он выступил из – за угла, почти уверенный в том, что девушка не заметила насколько долго его машина стояла там припаркованной. В этот момент, она казалась напуганной настолько, что не замечала ничего, кроме земли под своими глазами. Она шла очень быстро, держа перед собой рюкзак, словно щит. Он перешел дорогу и медленно направился в ее сторону. Калеб мимоходом осматривал улицу, планируя свой путь таким образом, чтобы они пересеклись.

Но все произошло так неожиданно и так быстро. До того, как он успел придумать какой – нибудь простой план, чтобы избавиться от внешней угрозы, она внезапно бросилась ему в руки, а ее рюкзак с громким шумом шлепнулся на асфальт. Он посмотрел на машину, на тень и размытое изображение мужчины. Еще один хищник.

- О, Боже мой, - прошептала она в его футболку.

- Просто подыграй мне, ладно?

Ее руки стальными тисками обвилились вокруг его талии, в голосе слышалась мольба. На секунду, Калеб ошеломился. Какой интересный поворот событий. Он, что, был героем в этой драме? От этой мысли, он чуть было не улыбнулся.

- Я вижу его, - сказал он, перехватывая взгляд другого охотника.

Придурок, все еще сидел там, и в замешательстве, смотрел на них. Калеб обхватил девушку своими руками так, словно он был с ней знаком. Он полагал, что в некотором роде, так оно и было. Поддавшись игривому импульсу, он провел своими руками ниже по ее телу. Она напряглась, ее дыхание сбилось.

Вскоре, взвизгнув шинами, и оставив облако дыма, машина с соперником умчалась прочь. Не нуждаясь более в защите, девушка быстро отстранилась.

- Прошу прощения, - сказала она быстро, - но этот парень никак не может оставить меня в покое.

Ее голос звучал облегченно, но все еще дрожал из – за произошедшего.

Калеб посмотрел в ее глаза, теперь уже вблизи. Они были настолько темными, манящими и грустными, такими, какими он их себе и представлял. Ему вдруг захотелось забрать ее, отвести в какое – нибудь тайное место, где он смог бы изучить

всю глубину этих глаз, разгадать тайну, которая в них скрывалась. Но не здесь и не сейчас.

- Это Лос – Анджелес - опасность, интриги и кинозвезды. Разве не так написано под вывеской Голливуд? - сказал он, пытаясь поднять ей настроение.

Смущенная, девушка замотала головой. Она, очевидно, еще не была готова к шуткам. Но, как только она нагнулась за своим рюкзаком, она сказала:

- Эм... вообще – то, я думаю, что это *‘Слишком в духе Лос – Анджелеса’*. Но это не написано под вывеской Голливуда. Под ней вообще ничего не написано.

Кaleb сдержал широкую улыбку. Она не пыталась быть забавной. Больше походило на то, что она пыталась найти удобную тему для разговора.

- Мне вызвать полицию? - спросил Кaleb, с деланным беспокойством.

Сейчас, чувствуя себя уже в большей безопасности, девушке пришлось обратить на него внимание.

- Эм...

Ее взгляд скользнул с его глаз на губы, задерживаясь на них чуть дольше, и опустился вниз на ее собственные кроссовки.

- Не думаю, что это необходимо. Он все равно ничего не сделал, здесь таких дураков пруд пруди. Да и вдобавок, - застенчиво пробормотала она, - я даже не запомнила номера его машины.

Она снова посмотрела на него, пробегаясь глазами по его лицу, после чего, прикусив нижнюю губу, опустила взгляд в пол. *Значит, подумал он, девчонка находит его привлекательным.*

Он предполагал, что большинство девушек находили его привлекательным, даже когда позже, или же совсем поздно, они понимали, что скрывается за его внешностью. Тем не менее, такие наивные, почти невинные реакции всегда его забавляли. Он разглядывал эту девушку, которая предпочитала смотреть в пол, и переминаясь с ноги на ногу.

Пока она стояла там, блаженно не ведая о том, что ее скромное, покорное поведение приближало ее судьбу, Калебу захотелось поцеловать ее.

Ему нужно было срочно выбираться из этой ситуации.

- Возможно, ты права, - вздохнул он, одаривая ее сопереживающей улыбкой, - полиция тут ни черта не сделает.

Она слегка кивнула, все еще нервно переминаясь с ноги на ногу, став еще более робкой.

- Послушай, а ты не мог бы...

- Я думаю, мне следует..., - на этот раз он позволил себе расплыться в улыбке на все лицо.

- Прости, ты первый, - прошептала она, так восхитительно заливаясь румянцем.

Ее поведение, милой, стеснительной девочки было просто опьяняющим. Как будто с ее шеи свисала бирка с надписью «Обещаю, я сделаю все, что ты мне скажешь».

И он на самом деле собирался ей сказать. Прямо сейчас. О, но это было так забавно. Он посмотрел в оба конца улицы. Скоро начнут появляться люди, но пока еще никого не было.

- Нет, пожалуйста, о чем ты говорила?

Он рассматривал ее черные как смоль волосы, как она постоянно играла с ними своими пальчиками. Длинные и волнистые, они обрамляли ее лицо. Концы волос закручивались над холмиками ее груди. Грудь, которая идеально поместилась бы в его ладони. Он остановил эти мысли, пока его тело не отплатило ему своей реакцией.

Она подняла на него свои глаза. Солнце светило ей в лицо и она прищурилась, когда встретила его взгляд.

- О...эм...я знаю, что это странно, учитывая то, что только что произошло... но я опоздала на свой автобус, и... - она заволновалась и постаралась выпалить все на одном дыхании, - ты кажешься мне хорошим парнем. То есть, у меня много дел на сегодня, и я предположила, я подумала... Может, ты сможешь подвезти меня до школы?

Его улыбку нельзя было назвать иначе, как порочной. А ее улыбка была настолько широкой, что он мог видеть все ее красивые белые зубки.

- До школы? А сколько тебе лет?

Она залилась темно – розовым румянцем.

- Восемнадцать! Знаешь, я старшеклассница, оканчиваю школу этим летом.

Солнце все еще светило ей в лицо, и ей приходилось щуриться, пока она смотрела ему в глаза.

- А почему ты спрашиваешь?

- Просто так, - солгал он, играя на наивности ее возраста, - ты просто выглядишь старше, только и всего.

Еще одна широкая улыбка и еще больше белых зубов.

На этом надо было бы закончить.

- Послушай, я бы с удовольствием подвез тебя до школы, но я должен встретиться со своей подругой в конце улицы. Обычно, мы по очереди ездим на машине и сегодня ее очередь сражаться с пробками на Четыреста пятой улице.

Он посмотрел на свои часы.

- И я уже опаздываю.

Внутри себя он почувствовал волну удовлетворения, когда она поморщилась от слов "подруга" и "нет". Первым уроком всегда было – Ты не получишь то, чего хочешь.

- Да, конечно, я понимаю.

Все еще смущаясь, пошла она на попятную. После чего, беспечно пожав плечами, отвела от него взгляд.

- Я попрошу маму. Не страшно.

До того, как он успел выразить свои дальнейшие сожаления, она обошла его и надела наушники.

- Спасибо, что помог мне с тем парнем. Увидимся.

Пока она торопливо удалялась от него, Кaleb смог расслышать музыку, которая играла у нее в наушниках. И ему вдруг стало интересно: достаточно ли та громкая, чтобы заглушить ее смущение.

- Увидимся, - прошептал он.

Подождав, пока она завернет за угол, он прошел к своей машине и, сев за руль, достал мобильник. Нужно было отдать приказ, чтобы все подготовили к его прибытию с новой пленницей.

Глава 1

Очнулась я с дикой головной болью, и сразу же отметила две вещи: было темно, и я была не одна. Мы ехали? Затуманенным взглядом, я инстинктивно, начала оглядываться по сторонам, пытаюсь привыкнуть к темноте и понять, где нахожусь. Я была в фургоне, а мое тело было небрежно распластано на полу.

Испугавшись, я попыталась пошевелиться, но поняла, что все мои движения были вялыми и безрезультатными. Мои руки были связаны за спиной, в то время как, ноги хоть и были свободны, но казались безумно тяжелыми.

Я снова попыталась сфокусировать свой взгляд на окружавшей меня темноте. Оба задних окна были сильно затонированы, но даже в кромешной тьме я четко различила четыре фигуры. По их голосам, я поняла, что это были мужчины. Они общались между собой на повышенных тонах, и на языке, которого я не понимала. Он был явно иностранный... возможно, как то даже связан с Ближним Востоком. Да и имело ли это значение?

Мой разум подсказал мне, что да, эта была важной деталью. Но затем и это небольшое облегчение испарилось. Увидев айсберг, *Титаник* все равно утонул.

Моим первым инстинктом было закричать. Ведь именно это ты делаешь, когда понимаешь, что твой самый худший ночной кошмар происходит наяву. Но, повинаясь импульсу, я сжала челюсть. Хотела ли я, чтобы они поняли, что я пришла в сознание? Нет.

По своей природе, я не была глупа. Я пересмотрела достаточно много фильмов, перечитала достаточно много книг, и достаточно долго прожила в неблагополучном районе, чтобы понимать, что самое худшее, что я могла сделать, практически в любой ситуации – так это привлечь к себе внимание. Тоненький голосочек в моей голове саркастично пропищал – Тогда, какого черта ты тут очутилась? Я поежилась.

Это было моим самым жутким страхом – что меня украдет какой-нибудь психопат, затолкает к себе в фургон, изнасилует и оставит умирать. С первого же дня, когда я поняла, что мое тело начало меняться, я не испытывала недостатка в извращениях, которые сталкиваясь со мной на улице, в подробностях рассказывали мне, что бы им хотелось сделать со мной и *с моим телом*. Поэтому, я была осторожна и пыталась придерживаться некоторых правил: всегда держала голову опущенной, быстро ходила и скромно одевалась. Но даже, несмотря на это, мой ночной кошмар настиг меня. *Снова*. Мысленно, я почти услышала голос своей матери, которая спрашивала меня, что же я наделала.

Их было четверо. На моих глазах выступили слезы, а из груди вырвался стон. Я не могла сдержаться.

Внезапно, разговоры вокруг меня стихли. Несмотря на то, что я пыталась не издавать ни звука и не шевелиться, мои легкие двигались от дыхания, поднимаясь и опускаясь в ритме моей паники. Они знали, что я пришла в себя. Мой язык во рту казался тяжелым и опухшим. В порыве, я закричала,

- Отпустите меня, - так громко, как только могла, как будто я умирала, и, судя по тому, что я успела осознать, так оно и было. Я кричала так, словно кто-то там снаружи услышит меня и *сделает* хоть что-нибудь. Голова пульсировала.

- Помогите! Кто-нибудь, помогите!

Я стала брыкаться, колотить ногами, пока один из мужчин не попытался схватить их своими руками. Фургон качнулся, и арабские голоса моих похитителей стали громче и злее. Наконец, я ударила одного из них ногой по лицу, и он завалился на борт фургона.

- Помогите! - снова закричала я.

Рассердившись, мужчина снова шагнул ко мне, и на этот раз очень сильно ударил меня по левой щеке. Теряя сознание, я понимала, что оставляю свое, теперь уже вялое тело, на милость четырех мужчин, которых я не знала. Мужчин, которых я никогда не хотела бы знать.

Когда я снова пришла в себя, грубые руки одного из похитителей держали меня за предплечья, второй же держал меня за ноги. Меня вытаскивали из фургона на ночной воздух. Должно быть, я пробыла без сознания несколько часов.

Моя голова пульсировала настолько сильно, что я не могла говорить. На левую сторону моего лица, казалось, со всей силы приземлился футбольный мяч, и я с трудом могла открывать левый глаз. Почувствовав головокружение, меня затошнило. Поэтому они бросили меня, и я просто откатилась в сторону. Пока я лежала, и меня продолжало выворачивать наизнанку, мои похитители о чем-то спорили между собой, издавая своими голосами бессмысленные, ломанные и резкие звуки. Мое видение вспыхивало, становясь то четким, то туманным. Не имея сил справиться с этим, я положила голову рядом со своей рвотой и снова отключилась.

Через некоторое время, я снова пришла в сознание, или пришла в некоторое состояние, напоминающее сознание. Я дернулась. Болело все. Голова пульсировала, шея была сильно натянута почти до жгучей боли, и что самое ужасное - когда я попыталась открыть глаза, я поняла, что не могу. На них была повязка.

Осознание происходящего начало приходить постепенно, сменяя одну вспышку, другой. Визг колес. Звяканье металла. Звук шагов. Бег. Повязка. Грязь. Тьма. Рвота. Заточение.

Собрав все свои силы и решительность, я попыталась подняться. Почему я не могла двигаться? Мои руки и ноги не шевелились. И хоть мой мозг и приказывал моему телу двигаться, но оно не подчинялось. Меня захлестнуло новой волной паники.

Под закрытыми веками, на мои глаза навернулись слезы. Опасаясь худшего, я попыталась снять повязку, двигая головой из стороны в сторону. Боль скрутила мою шею, но голова почти не сдвинулась с места. Что они со мной сделали? Оставив свои тщетные попытки двигаться, я просто сказала себе, - *Думай, чувствуй.*

Я решила мысленно оценить свое состояние. Моя голова покоилась на подушке, а тело лежало на чем-то мягком, возможно, на кровати. По телу пробежала дрожь. Я, по-прежнему, чувствовала на себе одежду.... и это было хорошо. Ткань вокруг моих запястий, ткань вокруг лодыжек - было нетрудно догадаться, что я была привязана к кровати. *О, Боже!* Я прикусила губу, пытаюсь сдержать рыдания, когда поняла, что моя длинная юбка была задрана на бедрах, а ноги раздвинуты. Они прикасались ко мне? *Соберись!* Сделав глубокий вдох, я остановила эту мысль, пока та не начала развиваться дальше.

Я чувствовала себя нетронутой, все части тела были на месте. Я попыталась сосредоточиться на "здесь" и "сейчас". Зная, что с моим телом было все в порядке, я сделала небольшой вдох, больше напоминающий собой всхлип.

А затем, я услышала ЕГО голос.

- Хорошо, что ты, наконец-то, очнулась. А то я уже начал было думать, что ты серьезно пострадала.

Мое тело застыло при звуке мужского голоса. Внезапно, мне пришлось вновь заставить себя дышать. Голос был пугающе мягким, обеспокоенным... *знакомым?* Его акцент я понимала, значит, голос, который доходил до меня сквозь звон в моей голове, был американским, но кроме этого, в нем было что-то еще.

Я была настолько напугана, что мне следовало бы закричать, но я просто застыла на месте. Он сидел в комнате, и наблюдал за моим отчаянием.

Спустя несколько секунд, я произнесла дрожащим голосом

- Кто Вы?

Вопрос остался без ответа.

- Где я?

Мои слова и голос, казалось, звучали растянуто и почти лениво, словно я была пьяной.

Тишина. Скрип стула. Чьи-то шаги. Громкий стук сердца в моей груди.

- Я твой Хозяин.

Холодная ладонь легла на мой липкий от пота лоб. И снова, это мучительное чувство, что я его знаю. Но это было глупо, у меня не было знакомых с таким акцентом.

- И ты здесь потому, что я хочу, чтобы ты была здесь.

- Я знаю Вас?

Мой голос был хриплым и полным эмоций.

- Пока нет.

За закрытыми глазами, мой мир взорвался неистовыми потоками красного цвета; мой темный взор залился адреналином. Кислый привкус страха стал разъедать мои синапсы, посылая сигналы по всему телу, предупреждая об опасности. *Опасность. Опасность. Бежать! Бежать!*

Мой мозг молил каждый мускул тела о подчинении. Я всеми силами постаралась вырваться из держащих меня оков: Я дернулась. И на меня тут же обрушился приступ истерического плача.

- Пожалуйста... отпустите меня, - разрыдалась я.

- Обещаю, что никому не скажу. Я просто хочу домой.

- Боюсь, что я не могу этого сделать.

С этими словами меня поглотило море отчаяния, накрывая разрушающими волнами. В его голосе не было совершенно никаких чувств: ни сочувствия, ни интонаций, ни эмоций, но в нем было одно единственное, что невозможно было упустить - это его уверенность.

Он убрал мои волосы со лба, и сделал это таким интимным жестом, что меня тут же наполнило плохим предчувствием. Он что, пытался утешить меня? Почему?

- Пожалуйста, заплакала я, - пока он продолжал гладить меня.

Я почувствовала его вес на кровати и мое сердце остановилось.

- Я не могу, - прошептал он, - и более того, я не хочу.

На несколько секунд, только мой плач и глубокие, мучительные рыдания заполнили тишину, которая последовала за его словами. В пустом помещении были слышны лишь его дыхание и мое.

- Я скажу тебе, что я *сделаю* – я развяжу тебя и промою твои синяки и ушибы. Я не хотел, чтобы ты проснулась в ванне, полной воды. Мне, действительно, очень жаль, что тебя ударили по лицу, - он погладил пальцами по моей скуле, - но так обычно происходит, когда ты начинаешь драться, не задумываясь о последствиях.

- В ванне с водой?

Я задрожала.

- Я не хочу ни в какую воду. Пожалуйста, - умоляла я, - просто отпустите меня.

Его голос был таким спокойным и благородным, таким деловым, и таким... напоминающим Ганнибала Лектора из "*Молчание ягнят*".

- Тебе нужно принять ванную, зверушка.

Прозвучал его ужасающий ответ. *Привет, Клариса...*

Все, что я могла делать, пока он развязывал меня - это плакать. Мои руки и ноги были онемевшими и неуклюжими: они ощущались слишком большими и тяжелыми, как будто они принадлежали вовсе не мне. Неужели все мое тело спит? Я снова попыталась пошевелиться, попыталась оттолкнуть его и ударить. И снова, все мои попытки превратились лишь в дерганные, бессвязные движения. Отчаявшись, я стала лежать неподвижно. Я хотела, чтобы мое тело проснулось. Мне хотелось убежать. Бороться.

Мне хотелось причинить ему боль. Но я не могла.

Оставив повязку на глазах, он осторожно взял меня на руки и поднял с кровати.

Я почувствовала, как меня подняли и как, в полнейшей темноте, мое тело оказалось в подвешенном состоянии. Моя тяжелая голова упала на его руку. Я чувствовала его под собой. Своей кожей, я чувствовала его одежду.

- Почему я не могу двигаться? - заплакала я.

- Я дал тебе кое-что. Не волнуйся, это скоро пройдет.

Напуганную и ослепленную тьмой, он обвил меня руками, а его голос стал приобретать структуру и очертания. Он несколько сдвинул положение моего тела так, чтобы моя голова перекатилась на его рубашку.

- Перестань дергаться.

В его голосе слышались нотки веселья.

Перестав сопротивляться, я попыталась сконцентрироваться на деталях, связанных с моим похитителем. Он был ощутимо сильнее, раз переносил меня, и при этом у него не сбивалось дыхание. Своей щекой я чувствовала его сильную, широкую грудь. От него немного пахло мылом, возможно, немного потом, и мужским запахом, который казался и знакомым и таким незнакомым одновременно.

Наш путь был не долгим, всего несколько шагов, но для меня каждая секунда казалось вечностью в параллельной реальности, где я была в чужом теле. Но моя собственная реальность обрушилась на меня, в тот момент, когда он опустил меня внутрь чего-то гладкого и холодного.

Меня охватила паника.

- Какого хрена ты делаешь?

Последовала пауза, после чего он произнес изумленным голосом.

- Я же сказал тебе, что собираюсь помыть тебя.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но вместо у меня получилось издать лишь пронзительный вопль, когда первый поток холодной воды попал на мои ноги. Пока я безрезультатно пыталась вылезти из ванны, перекатывая свое тело к краю, вода стала теплее, и он снова усадил меня на место.

- Я не хочу принимать ванну. Отпустите меня.

Я пыталась снять повязку с глаз, постоянно шлепая себя по лицу своими вялыми руками, что противоречило моей цели. Моему похитителю совершенно не удавалось сдерживать свой смех.

- Мне все равно, хочешь ты, или нет, тебе нужно принять ванну.

Почувствовав его руки на своих плечах, я собрала все силы для атаки. Мои руки беспорядочно потянулись назад, и схватили его, как я думаю, за лицо или шею. Но он тут же погрузился своими пальцами в мои волосы, и сильно потянул их назад, запрокидывая мою голову под странным углом.

- Ты хочешь, чтобы я тоже играл жестко? - прорычал он мне в ухо.

Когда я не ответила, он сильнее сжал свои пальцы, от чего начало покалывать кожу головы.

- Отвечай на вопрос.

- Нет, - всхлипывая, испуганно прошептала я.

Он тут же ослабил хватку. Но прежде, чем убрать руки из моих волос, его пальцы помассировали мою кожу. Я была в ужасе от происходящего.

- Я собираюсь разрезать твою одежду ножницами, - решительно произнес он.

- Не бойся.

Поток воды и биение моего сердца слились воедино и застучали в ушах, при мысли о том, что он собирается раздеть и утопить меня.

- Зачем? - лихорадочно выпалила я.

Его пальцы начали ласкать мое напряженное горло. Я задрожала от страха. Мне было невыносимо, что я не могла видеть то, что происходит, и это заставляло меня *чувствовать* все более ярко.

Внезапно, его мягкие, полные, и незванные губы оказались у моего уха. И пока я пыталась отодвинуться от него и изогнуться, он вдохнул мой запах.

- Я мог бы раздеть тебя медленно, не спеша, просто ножницами будет быстрее.

- Держись от меня подальше, ты, придурок!

Что с моим голосом? Этой бойкой стороне меня, действительно, следует заткнуться. Из-за нее меня могут убить. Я ожидала некий акт мести, но его не последовало. Вместо этого, я услышала тихий звук, похожий на смех. *Гадкий сукин сын.*

Он медленно и осторожно разрезал мою рубашку, отчего я подумала что, он, возможно, наслаждался моей паникой. Эта мысль подвела меня к тем уголкам моего разума, посещать которые я себе запрещала.

Следующей, он разрезал мою юбку.

Хоть я и старалась дергаться, но мои попытки оставляли желать лучшего. Когда мои руки преграждали ему путь, он без особых усилий убирал их назад. Когда я поднимала свои колени, он прижимал их обратно вниз.

Он, до сих пор, не закрыл ванну пробкой, из-за чего та не наполнялась водой. Меня стал охватывать холод, пока я сидела там, в нижнем белье. Когда он прикоснулся к моему лифчику, я перестала дышать, и меня начало бесконтрольно трясти.

- Расслабься, - мягко сказал он.

- Пожалуйста, - еле выдавила я сквозь рыдания.

- Пожалуйста, чтобы Вы не собирались делать, не делайте. Пожалуйста, просто отпустите меня, и я никому не скажу, я клянусь... клянусь.

Не ответив, он приложил ножницы между моими грудями и разрезал лифчик. Почувствовав, как обнажилась моя грудь, я снова зарыдала.

- Нет, нет, не *трогайте* меня!

Он тут же схватил меня за соски и сжал их. Я вскрикнула от удивления и шока. Меня заполнила целая палитра ощущений.

Склонившись ближе к моему уху, он прошептал:

- Ты хочешь, чтобы я отпустил их?

Я кивнула, не имея возможности выговорить словами.

- Да, пожалуйста?

Он еще сильнее сжал мои соски.

- Да, пожалуйста! - рыдала я.

- Ты будешь хорошей маленькой девочкой? снова слышался его голос, пропитанный холодным равнодушием, что совершенно противоречило благородству, которое он пытался демонстрировать ранее.

- Да, - проскулила я сквозь стиснутые зубы и умудрилась положить свои руки поверх его. Его руки были большими и крепко держали меня. Я даже не пыталась убрать его ладони со своей груди. Не было ни единого шанса, что он отпустит.

- Хорошая девочка, - с сарказмом ответил он.

И прежде чем убрать руки с моих сосков, он погладил своими ладонями мои чувствительные и нежные вершинки.

Казалось, моим слезам не было конца, пока я заставляла себя приспосабливаться к его более милосердной стороне. Я сидела тихо, стараясь не заработать новую порцию наказания. Пока он снимал то, что осталось от моего лифчика, и разрезал мои трусики, я могла чувствовать скольжение холодного металла по своей коже, лезвие которое с легкостью разрезало ткань, а, возможно, и даже меня, если бы я слишком резко дернулась.

После того, как он облил мое тело единственным, чем это можно было сделать – съемным душем, он, наконец, закрыл ванну пробкой. Вода была достаточно теплой, и ощущалась гораздо лучше окружающего воздуха на моей обнаженной коже, но я была слишком напугана, чтобы почувствовать какое-нибудь облегчение от того, что я пока была в целости, и в относительной сохранности. Каждый раз, когда вода попадала на кожу в том месте, о повреждении которого я не знала, оно начинало щипать, заставляя меня вздрагивать.

Я попыталась успокоиться и говорить спокойно.

- Вы можете хотя бы снять повязку? Я почувствую себя лучше, если буду видеть, что происходит.

Я сглотнула, в горле пересохло.

- Вы же не сделаете мне больно... правда?

Мои зубы начали стучать, пока я ждала его ответ, все еще с повязкой на глазах, все еще в плену.

На секунду он задумался, после чего произнес:

- Твои глаза должны оставаться завязанными. Что касается причинения боли, то пока, я планировал тебя просто помыть. Но тебе нужно понимать, что у твоего поведения будут последствия, и это означает, что когда ты будешь вести себя неправильно, ты будешь наказана.

Он не стал дожидаться моего ответа.

- Так что, сиди спокойно и мне не придется делать тебе больно.

Он начал мыть мое тело мягким жидким мылом, которое пахло листьями мяты и лавандой. Темнота расцвела с ароматом, заполнившим комнату и окутывающим мою

кожу. Как и его голос. Когда-то, я наслаждалась запахом лаванды. Теперь же.... я его возненавидела.

Когда он опустился к моей груди, я не могла больше сопротивляться желанию и попытаться накрыть его руки своими. Не сказав ни единого слова, он выскользнул одной своей намыленной рукой из-под моей и сжал мою кисть так, что я отпустила обе руки.

Затем, он шлепнул меня по бедру, когда я стала сжимать свои ноги, не давая ему помыться между ними. Эта часть моего тела была личной. С самого детства, ее никто не видел, кроме меня самой. Никто и никогда не касался меня там; даже я сама не успела изучить себя там полностью. А сейчас, незнакомец, который причинял мне боль, пытался узнать... меня. Я чувствовала себя оскверненной, и это ощущение напоминало мне о прошлом, которое я так долго и усердно пыталась забыть. Я сопротивлялась, но с каждым прикосновением, с каждым вторжением, мое тело все больше принадлежало ему, нежели мне. Я не могла унять свою дрожь.

Потом, все закончилось. Вынув пробку из ванны, он вытащил меня, вытер насухо мое тело, после чего, расчесав мои волосы и смазав синяки и ушибы, дал мне халат. Я была напугана, сбита с толку, истощена, и ослеплена, но все же, была рада почувствовать себя чистой – во всяком случае, снаружи.

Его голос обдавал мою шею мягким потоком воздуха, пока я беспомощно стояла перед ним.

- Пойдем со мной.

Не имея возможности поступить иначе, я позволила ему взять себя за руку и вывести ослепленную из ванной.

Глава 2

Калевб провел свою прекрасную пленницу к центру комнаты. Ее шаги были неуверенными и испуганными, словно он подводил ее к краю пропасти. Он направлял ее вперед, а она толкалась назад. Но пока, это его устраивало. Она могла толкаться к нему хоть всю ночь, пока ему не надоест. Никак не препятствуя, он все же позволил ей натолкнуться на него, и с трудом подавил смешок, когда она, ощутив его эрекцию, резко вдохнула и рванула наутек, словно кошка от воды.

Калевб потянулся, чтобы нежно взять ее за руки, и она застыла, очевидно, слишком боясь двинуться вперед или назад. Его тело наполнилось похотью. Наконец-то, она была в его руках, под его контролем. Он на секунду закрыл глаза, опьянев от этой мысли.

Ее привезли более трех часов назад, перекинутую через плечо этого ничтожества - Джаира. Все ее тело было в ушибах, в то время, как сама она была грязной, и от нее ужасно несло рвотой и потом, но не это было самое ужасное.

Кто-то из них - и ему не пришлось долго гадать, кто именно это был - ударил ее по лицу. В ту же секунду, как только он увидел запекшуюся кровь на ее губе и багровеющий синяк, который начал разрастаться под ее левым глазом и на щеке, им овладел гнев. Кaleb с трудом подавил острое желание, убить эту скотину на месте. Он был полностью уверен в том, что это именно Джаир ударил ее, но неужели это было единственным выходом? Неужели так трудно было найти способ утихомирить ее? Ведь это же была девушка.

Ну, по крайней мере, она умудрилась заехать ему по роже. И Кaleb многое бы отдал, чтобы посмотреть на это.

Звуки мягкого глубокого дыхания вернули его в реальность происходящего. Желание, зародившееся в его животе, опустилось ниже, отдавая тяжестью в паху, и заставляя болезненно сжаться его член. Обходя ее слева, он нежно провел пальцами по ее плечу. Ему хотелось получше рассмотреть свою пленницу. Ее розовые губы были слегка приоткрыты, пропуская тоненькие струйки воздуха.

Кaleb больше всего на свете хотелось снять с нее повязку, чтобы заглянуть в эти колдовские глаза, и целовать ее, пока она не растает под ним, но сейчас, они были очень далеки от этого.

Ей, словно соколу, нужна была темнота, чтобы понять, кто ее Хозяин. Таким образом, она научится доверять ему, полагаться на него, предугадывать все, что он от нее захочет. И, как любой стоящий Хозяин, он будет поощрять ее за повиновение. Он будет чрезмерно строгим, но честным, насколько сможет. Кaleb не случайно выбирал инструмент своей мести. Он выбирал прекрасную сабу. А какая саба не умеет приспособливаться и выживать?

Он наклонился ближе, вдыхая легкий аромат лаванды на ее коже.

- Тебе нужен лед на лицо? - спросил он.

Она резко напряглась, услышав звуки его голоса, такого мягкого и низкого.

На секунду, это показалось ему забавным. Девушка, нервничая, переминалась с ноги на ногу, и неспособная ориентироваться, не знала, в какую сторону ей идти. Ее рука медленно потянулась к лицу, и Кaleb знал, что ей нестерпимо хотелось снять повязку. Он издал неодобрительный звук, и ее любопытные пальчики мгновенно вернулись назад, сжав полы халата.

Кaleb, испытывая что-то наподобие жалости, снова попытался вернуть ее на кровать. И когда его пальцы сжали отвороты ее халата, мимоходом коснувшись ее руки, она начала задыхаться.

- Осторожно, зверушка, позади тебя кое-что стоит, и я совсем не хочу, чтобы ты снова ушиблась.

- Не называй меня зверушкой, - произнесла она дрожащим, но твердым голосом.

Кaleb полностью затих. Никто не говорил с ним в таком тоне, а тем более, девушки, стоящие, практически, в чем мать родила и с завязанными глазами. Он тут же резко притянул ее к себе, грубо прижимаясь своей щекой к ее мягкой щеке.

- Черт возьми, я буду называть тебя так, как захочу, зверушка. Ты принадлежишь мне. Это тебе понятно? - прорычал он.

Щекой он почувствовал слабое кивание, а ухом услышал тихий писк, говорящий о повиновении.

- Отлично, зверушка. А теперь, - он отодвинул ее немного назад - ответь на мой вопрос. Тебе нужен лед на лицо, да или нет?

- Дааа, - ответила она дрожащим голосом.

Ответ был уже лучше, но все же не тот, который ему хотелось услышать.

- Дааа? - передразнил ее Кaleb, и прижался к ней, пугая своим размером.

- А ты знаешь, как сказать 'пожалуйста'?

Она подняла голову так, словно видела его через повязку, и сжала губы в тонкую линию, выказывая тем самым, свое недовольство. Он бы рассмеялся от увиденной картины, но в следующую секунду ему стало совсем не до смеха, потому как, *со всего маху*, она ударила его коленом в пах. И почему женщины всегда бьют мужчин по яйцам? Пульсирующая боль стала распространяться по всему телу, скручивая внутренности и заставляя согнуться. Черт, все, что он съел до этого, теперь просилось наружу.

Оказавшись над ним, его пленница продолжила драться, как дикарка. Ногтями, она впиалась ему в руку, пытаясь отцепить ту от своего халата. Но когда эти попытки не увенчались успехом, она снова продолжила наносить ему удары между лопаток. Кaleb попытался втянуть в себя воздух, хотя для нее, это было больше похоже на животное рычание.

- Отпусти меня, ты, чертов придурок! Отпусти! - отчаянно рыдая, кричала она.

Девушка выкручивалась и извивалась в его руках, пытаясь ослабить его хватку на своем халате. Ему необходимо было вернуть контроль над ситуацией, пока она не столкнулась с большим злом, чем его возмездие.

Окончательно рассердившись, Кaleb заставил себя встать. Возвышаясь над ней, его гневный взгляд встретился с ее глазами. Она успела снять повязку и теперь стояла

совершенно неподвижно, смотря на него со смесью страха и удивления. Девушка не моргала, не говорила, не дышала. Она просто смотрела на него. А он смотрел в ответ.

Обхватив ее своими руками, и прижав ее руки по бокам, он от злости сжал ее со всей силы, вытесняя воздух из ее легких.

- Ты? - вопрос сорвался с ее губ на резком выдохе.

Одно единственное слово было произнесено под напором безысходности и скрытой, вновь возникшей ярости. Он знал, что этот момент, рано или поздно должен был наступить. И больше, он не был ее героем. Он никогда им не был. Девушка с трудом глотала воздух, дыша, как собака, и эта мысль его слегка позабавила.

- Черт! - выругался он, когда она со всей силы ударила его головой в нос.

Инстинктивно он отпустил ее, обхватывая пострадавшее место пальцами.

Она двигалась довольно быстро, о чем говорили ее развивающиеся длинные темные волосы и халат, приближающиеся к двери спальни.

Из груди Калеба вырвалось рычание. Кинувшись за ней, он схватил в кулак ткань ее халата, но когда он потянул его на себя, она просто выскользнула из него. Цветущая плоть окутала все его чувства восприятия.

Когда же ее руки добрались до ручки двери, выводящей из спальни, и, нашли ее надежно закрытой, он подлетел к ней сзади, и, вцепившись своими пальцами в ее волосы, сжал их в кулаке. После чего резко потянув назад, заставил ее шлепнуться на пол.

Пресекая все дальнейшие попытки к сопротивлению, и более не потешаясь над ситуацией, он сел на нее сверху.

- Нет! - в отчаянии закричала она, и, царапая его лицо ногтями, снова попыталась ударить его коленом в пах.

- А ты у нас любишь драться, да? - улыбнулся он.

- Я тоже люблю.

С большей, чем он думал, на то потребуется силой, он обернул своими ногами ее ноги, и завел ее руки над ее головой, придерживая их своей левой рукой.

- Да пошел ты! - выкрикнула она, тяжело дыша.

Все ее тело, было напряжено под ним; девушка по-прежнему продолжала бороться, не желая сдаваться, и не понимая, что этот всплеск энергии будет ей многого стоить. Несмотря на то, что ее глаза были дикими и сумасшедшими, она слабела в его объятиях и теперь, удерживать ее, было гораздо легче.

Медленно, осознание того, что ее теплое, дрожащее тело, так тесно прижато к нему, стало заполнять его чувства, одурманивая его. Ее нежная киска была прижата к его животу, и только мягкая ткань его рубашки отделяла его от нее. Ее полная и призывно теплая грудь вздымалась под его грудной клеткой. И прямо под ней он чувствовал стук ее сердца. В попытках освободиться, ее разгоряченное тело двигалось под ним, создавая дополнительное трение. Это было почти выше его сил. Почти.

Все еще, удерживая ее за запястья своей левой рукой, он приподнялся и шлепнул обратной стороной ладони по ее правой груди, а затем по левой. И тут же, с ее губ стали срываться приглушенные рыдания.

- Тебе это нравится? - прорычал Калев и снова шлепнул ее по груди. Он повторил это снова и снова, пока все ее тело не расслабилось, и он не почувствовал, что каждая клеточка ее тела отпустила все напряжение, и она просто плакала, уткнувшись лицом в изгиб своей руки.

- Пожалуйста, пожалуйста, прекрати, - прохрипела она, - пожалуйста.

Она была под ним теплой, сломанной и напуганной. Быстро и совершенно беззвучно она шевелила губами, произнося ничего не значащие для него слова. Калев с трудом сглотнул, когда на него нахлынули старые воспоминания. Он моргнул, пряча их обратно под замок. После стольких лет практики, у него уже выработался рефлекс. Но сейчас он чувствовал, как сталкивается ее страх и его страсть, проникая друг в друга, концентрируясь в воздухе и заполняя пространство. Казалось, что это сродни созданию нового человека, дыханию с ним, наблюдению за ним, вторжению в этот момент.

Его гнев испарился. И он уставился на прекрасную грудь девушки; там, где он шлепал ее, она была ярко-розового цвета, но это наказание не оставит на ее прекрасной коже никаких следов. Осторожно, он отпустил ее запястья, бессознательно растирая красные отметины от его хватки, своим большим пальцем. Нахмурившись, он посмотрел на нее, в надежде, что она больше не выкинет никаких сюрпризов.

Как только она почувствовала, что ее руки свободны, она тут же прижала их к своей груди. Сначала, он подумал, что она просто стесняется, но видя, как она растирает свои запястья, он понял, что сейчас, ее больше заботило облегчение боли.

Она закрыла глаза, не желая видеть его, сидящего на ней верхом. Большинство людей не хотят замечать плохого. Но сейчас, все было куда хуже, потому как она узнала его. И он с легкостью распознал в ее глазах боль предательства. Но она должна справиться с этим, ведь он тоже через это прошел.

Его пленница успокоилась, и Калев, медленно подняв свой вес с ее тела, встал над ней. Он должен быть строгим, чтобы с ее стороны больше не возникало подобных проявлений открытого неповиновения, иначе все они будут пресекаться

незамедлительным и жестоким наказанием. Калев толкнул ее кончиком своего ботинка, в красивый, округлый и мягкий изгиб ее тела.

- Поднимайся.

Его тон был командным. Он не терпел споров или недопонимания. Ее тело дернулось от звуков его голоса, но она отказывалась выполнять его команду.

- Поднимайся, или мне придется помочь тебе. И поверь, тебе это не понравится.

Несмотря на свое желание к сопротивлению, она убрала правую руку от груди и попыталась встать.

Медленно, она поднялась на руки, но от напряжения они так сильно дрожали, что она снова повалилась на пол.

- Хорошая девочка, ты можешь это сделать... поднимайся.

Он мог бы ей помочь, но тогда урок не будет усвоен. Четыре месяца не такой уж большой срок, чтобы подготовить рабыню. У него не было времени на сюсюканья. Чем быстрее в ней проснутся инстинкты выживания, тем лучше – и Калев не имел в виду те, когда она лупит его по яйцам.

В этом доме они проведут вместе шесть недель. И он не собирался тратить их на ее выходки.

Она сердито посмотрела на него, вкладывая в этот взгляд всю свою ненависть. Калев сдержал желание улыбнуться. Он догадывался, что она больше не считала его симпатичным. Вот и хорошо. Оставим симпатичное для слабаков.

Собрав всю свою силу, она прижала ладони к полу и распрямила локти. Ее дыхание было тяжелым, глаза сузились от боли, но слез в них больше не было. Наконец, опираясь на руки и ноги, она попыталась подняться. И когда она полностью встала, Калев взял ее за руку, игнорируя ее решительные протесты. Не отрывая взгляда от пола, она попыталась высвободить свою руку из его хватки. Рассердившись, он все же спустил это на тормозах, и повел ее к кровати, не прикасаясь к ней.

Осторожно сев на край кровати, она прикрыла свою грудь руками, и опустила голову, пряча лицо за завесой спутанный волнистых волос черного цвета. Калев сел рядом с ней. Он едва сдерживался, чтобы не убрать волосы с ее лица. Сейчас она могла прятаться от него, но только до тех пор, пока не успокоится.

- А теперь, - любезно произнес он, - тебе нужен или не нужен лед для лица?

Он мог практически чувствовать, как гнев стал покидать ее тело. Гнев, а не страх? Два эти чувства с трудом связывались в его сознании. Он ожидал от нее проявлений гнева, и ему казалось абсолютно непонятным, что в этой ситуации, девушка до сих пор не обратила внимание на то, что была полностью обнажена. Разве

не должна она больше бояться, чем сердиться? Разве не должна умолять его о благосклонности? Ее реакция на него, не была обычной и предсказуемой. С одной стороны, это сбивало с толку, с другой - интриговало.

- Ну?

Наконец, сквозь сжатые зубы она заставила себя произнести:

- Да. *Пожалуйста.*

Он не смог сдержаться и засмеялся.

- Ну вот, неужели это было так сложно?

Ее челюсть заметно подрагивала, но она молчала, уставившись на свои побитые коленки. Вот и отлично, - подумал Калеб. Он достаточно четко показал, чего ждет от нее.

Встав, он повернулся к двери, но, не успев сделать и шага, услышал ее натянутый голос за спиной.

- Почему ты это делаешь? - шепотом спросила она.

Повернувшись, его губы искривились в улыбке. Ей нужна была причина. У серийных убийц есть причины. Но причины ничего не меняют.

Она же продолжила:

- Это все из-за того случая на улице? Из-за того, что я...

Она с трудом сглотнула, и Калеб знал, что она старалась не заплакать.

- Потому что я флиртowała с тобой? Это я сама виновата?

Несмотря на все усилия, по ее правой щеке скатилась слеза.

В этот момент, Калеб смотрел на нее, как на некое странное существо – сознательное, но очень любопытное.

- Нет, - солгал он, - это никак не связано с тем днем.

Ей нужно было, чтобы он солгал ей; Калеб понял это.

Порой, мягкой лжи достаточно, чтобы снять с себя тяжесть жестокой правды.

Это не твоя вина.

Возможно, ему нужно было солгать и себе, потому как он помнил, насколько сильно он захотел ее в тот день, и это было, никак не связано с его заданием.

- Пойду и принесу лед. А потом, тебе нужно будет выпить аспирин.

Услышав звук отпирающегося замка, они оба посмотрели на дверь.

В комнату, вразвалку зашел Джаир, Кaleb не стал скрывать своей злости.

- Какого хрена ты тут делаешь?

Очевидно, Джаир был пьян, этот факт делал его еще опаснее. Его глаза вспыхнули злобой, когда он посмотрел в сторону девушки, съезжившуюся на кровати. Взглядом, он прошелся по ее обнаженному телу, и на его губах заиграла жадная улыбка.

- Вижу, наша шлюшка пришла в себя.

Девушка была напугана, очень, напугана. Она сжалась, и, взобравшись с ногами на кровать, стала прикрываться руками и волосами, пытаясь одновременно вытащить из-под себя одеяло. Кaleb поразился тому, что с ним наедине она так себя не вела.

На него она, казалось, больше злилась, чем боялась, да и то после того, как сорвала с себя повязку, и поняла кто он такой. Это могло означать одно из двух: во-первых - она чувствует, что знает его, основываясь на их непродолжительном общении; во-вторых - она не чувствовала в нем угрозы. Как бы то ни было, оба этих ее предположения были глупыми.

Кaleb взглянул на Джаира, который смотрел на девушку так, будто хотел одновременно и убить, и трахнуть ее. Зная араба, он понимал, что тот может сделать и одно и второе.

Ну, так значит, нужно воспользоваться ситуацией и проверить ее.

Кaleb заставил себя ответить ему, как будто вопрос Джаира имел для него какое-то значение:

- Ну не знаю, можно ли ее так назвать, но да, она пришла в себя.

Кaleb кинул на девушку через плечо холодный взгляд, и, заметив умоляющее выражение ее лица, улыбнувшись, добавил:

- Уж больно она шустрая.

Желание и похоть отчетливо отражались на лице Джаира, Кaleb слишком хорошо знал, о чем могут фантазировать такие, как он, глядя на запуганную девушку. Не долго думая, пошатываясь, Джаир направился в сторону кровати, на которой лежала девушка, и, схватив ее за лодыжку своими грязными ручищами, потащил к себе. Закричав, девушка вцепилась в стойку кровати.

Пока араб тащил ее к краю кровати, Кaleb быстро повернулся, и успел схватить ее за талию. Притянув ее к себе на руки, он сел, прислонившись спиной к изголовью кровати, и поставив свою левую ногу на пол. Забравшись к нему на колени, девушка зарылась лицом в его рубашку.

От ее неистовой мольбы и отчаянных рыданий у него на груди, стало сотрясаться все его тело. Она использует его как свою защиту? *Интересно.*

Калевб поежился, когда она сильно впилаь ногтями в его ребра. Поспешно и ловко он убрал ее пальцы от своей рубашки и схватил ее за запястья.

- Нет, нет, нет, нет, нет..., - постоянно срывалось с ее губ, пока она снова пыталась найти убежище в его руках. Калевб уже начал раздражаться от всей этой ситуации, и используя ее собственный импульс, отлепил ее от себя. После чего, сложив ее ладони между грудей, он крепко прижал ее к себе.

Но Джаир снова попытался схватить девушку за лодыжки.

- Нет, - спокойно сказал Калевб.

- Твоя работа заключалась в том, чтобы доставить ее мне, но не бить, и не трахать.

- *Дерьмо собачье*, Калевб! - сердито прокричал Джаир, из-за своего сильного акцента, он звучал, как варвар.

- Эта сучка заехала мне по лицу, и я мог бы сделать больше, чем просто ударить ее. За это мне полагается награда.

При звуке своего имени, руки Калеба настолько сильно сжались вокруг девушки, что от боли она захныкала. Последовавшая тишина, красноречиво подчеркивала ярость во взгляде Калеба. Чуть меньше секунды потребовалось Джаиру, чтобы понять, что он наделал. Туман в его глазах прояснился, и пьяный ступор в момент улетучился. Этого было достаточно. Калевб видел, что араб понял свою ошибку, назвав перед девушкой Калеба по имени.

Внезапно, вспомнив про задыхающуюся девушку в своих руках, Калевб ослабил хватку. Она с трудом втягивала один вдох за другим, жадно заполняя свои легкие воздухом, отчего на мгновение, ему показалось, что она перестала рыдать. В напряженных руках Калеба, пленница издавала хриплые, и хныкающие звуки, но Калевб не сделал и малейшего усилия, чтобы успокоить ее.

Своей свободной рукой, он взял девушку за подбородок, и повернул его к Джаиру, чтобы тот мог увидеть ее лицо.

- Наверняка, потребуется несколько недель, чтобы это зажило.

В нем снова начал закипать гнев, и он впился пальцами в лицо девушки.

Комната зазвенела напряжением, тишину которого нарушил звук плача пленницы.

- Черт, - вздохнул он.

- Ты прав, - он сделал паузу, после чего сжав зубы, добавил, - не говори Рафику. Этого больше не повторится.

А этот мужчина был не так глуп, как казался. Он знал, что синяк у девушки – самый мелкий из его проступков. Он назвал имя Калеба перед пленницей. А у имен есть сила. Джаир знал, что это дорого ему обойдется. Если нет, Кaleb сам позаботится об этом. Этот наемник зарабатывал свой хлеб похищением и охраной элитных секс – рабынь, которых приобретали на аукционах по самой высокой цене. Одно слово об этой тупой оплошности, и его *контракты* будут аннулированы. Всего лишь одно упоминание о том, что Джаир пререкался с Калемом, и Рафик обеспечит *первому* вечное погребение, предпочтительно, где-нибудь в песках бескрайних пустынь. Тем не менее, сама идея того, что Калебу нужна была чья-то защита, являлась сильнейшим оскорблением.

- Я сам себе хозяин, *Джаир*, - ответил он, намеренно подчеркнув его имя, - зачем бояться Рафика, который находится за тысячу миль отсюда, когда я могу убить тебя прямо здесь, преодолев расстояние в несколько шагов?

Джаир напрягся, но продолжал держать свой рот закрытым.

О да, подумал Кaleb, ты моя сучка. Голос Калеба звучал как мед, приправленный мышьяком.

- А теперь, *пожалуйста*,... принеси нашей гостье таблетку аспирина и немного льда. Кажется, у нее очень сильно болит голова.

Так и не проронив больше ни слова, напряженной походкой, Джаир вышел из комнаты. Кaleb улыбнулся.

Оставшись наедине, девушка в руках Калеба окончательно сломалась.

- Пожалуйста, умоляю, не дай ему прикоснуться ко мне. Клянусь Богом, я больше никогда не буду драться.

Кaleb раздраженно усмехнулся.

- *Теперь* ты не любишь драться? Почему ты считаешь, что я не сделаю тебе больно?

Сквозь непрекращающиеся всхлипы, он услышал ее ответ:

- Ты сказал, что не сделаешь. *Пожалуйста*, не надо, - добавила она, делая ударение на слове "пожалуйста".

Кaleb усмехнулся, пряча свою улыбку в ее волосах.

Не желая более выставять ее прекрасные изгибы на обозрение Джаиру, он потянулся через девушку за пледом. Для этого, ему пришлось положить ее лицом на кровать, и его неимоверно твердый член прижался к ее зад. Ее так сильно трясло, что

Калеб задался вопросом, надолго ли ее хватит? Отпустив ее запястья, он укрыл ее тело.

- Тебе нужно успокоиться, зверушка. Я не хочу, чтобы ты была напугана.

В ответ, она лишь хныкнула. Рассмеявшись, Калеб погладил ее по волосам.

- Обещаю тебе, зверушка, если ты будешь вести себя хорошо, я всегда буду к тебе добрее, чем ты думаешь.

Джаир вернулся, держа в руках то, о чем просил его Калеб. Пленница задрожала еще сильнее.

Когда он бросил Калебу аспирин, стало очевидно, что Джаир все еще злился.

- Что-нибудь еще? - язвительно спросил он.

Поймав пузырек одной рукой, Калеб покачал головой и цокнул. Он достал таблетку аспирина, и добавил к ней еще одну, похожую на вид таблетку, из своего кармана. Жестом он подозвал Джаира и передал ему таблетки.

- Не будь таким чувствительным, Джаир. Это делает тебя менее привлекательным.

Джаир заворчал.

- Уверен, наша гостья думает, что ты очень милый. И она согласна быть паинькой, если ты не тронешь ее.

Под одеялом, словно по команде, девушка перестала дрожать, и внезапно напряглась, словно натянутая струна. Калеб встал с кровати.

- Давай, покажи нам свои хорошие манеры. Предложи ей то, что ты принес.

Взглянув на Калеба с подозрением, Джаир подошел к кровати и протянул ей стакан с водой.

В ее широко распахнутых глазах явственно отображалась боль, непонятная Калебу.

- Давай, зверушка.

Он подчеркнул ее прозвище, не удивившись тому, что она стрельнула в него взглядом, но в выражении ее лица больше не было гнева, там остался лишь страх.

После того, как он воздержался от последующих комментариев, ее дрожащая рука, наконец, потянулась к таблеткам и стакану. Она очень старалась не касаться Джаира. Весьма умно с ее стороны. Клацнув зубами по стакану, она проглотила таблетки, ухитрившись при этом не пролить ни капли.

Когда стакан опустел, она протянула его обратно, осторожничая, дабы случайно не коснуться Джаира пальцами, при этом глядя несчастными глазами прямо сквозь него, на Калеба.

- Скажи спасибо, шлюха, - выплюнул Джаир, когда она просто свернулась калачиком. Кaleb нахмурился, но оставил это замечание без ответа.

Ее глаза снова искали руководства Калеба, затем, слабым голосом она произнесла «Спасибо» и сильнее закуталась в свой плед.

Под пренебрежительным взглядом Калеба, Джаир покинул комнату. И снова он остался наедине со своей загадочной добычей. Аккуратно приблизившись к холмику из пледа на кровати, он присел, и наклонился к ее лицу.

- Ты очень гордая, - прошептал он.

- Я был к тебе добрым, а ты проказничала. Но перед тем, кто был готов тебя изнасиловать, ты проявила покорность... это о многом говорит.

- Пошел ты на хрен, - был ее тихий, хриплый ответ.

Он захохотал.

- Знаешь, ты очень интересная.

И это было правдой. По какой-то причине, он с самого начала знал, что она будет полна неожиданностей.

Когда его смех медленно сошел на нет, Кaleb заговорил, при этом, голос его был холодным и бархатистым, одновременно.

- Но, знаешь, я бы предпочел, чтобы именно *ты* пошла на хрен... на мой.

Холмик из пледа дернулся, и резко скрутился, когда она повернулась и поспешно попятилась назад, прижимая плед к груди так, как будто это могло остановить его. Не сдержавшись, Кaleb рассмеялся. Ее глаза вонзились в него, словно кинжалы, но он успел заметить, что зрачки в них расширились.

Ее желудок был пустым, а таблетка действовала быстро. Учитывая дозу, которую он ей дал, действия таблеток уже должно было дать о себе знать.

Ее голова упала, но она быстро приподняла ее. Кaleb улыбнулся.

- Что... что со мной происходит? - заплетаясь, произнесла она.

Ее тело расслаблялось помимо ее воли. И она всячески старалась бороться с действием препарата.

- Ты будешь спать, зверушка, - с легкостью произнес он.

- Что? Почему?

Ее глаза были широко раскрыты от шока, и она подергала себя за губу.

- Мое лицо немеет.

Из нее вырвалось забавное хихиканье, вскоре сменившееся глубоким дыханием.

Невольно расплывшись в улыбке, Калев направился к двери.

Глава 3

Мне было семь, когда я впервые услышала слово шлюха. Это случилось в один из тех немногих дней, которые я проводила со своим родным отцом, день, который я, до сих пор, отчетливо помню, потому, как тогда он здорово меня напугал.

Мы смотрели фильм *"Возвращение в Голубую Лагуну"*, нам попался как раз тот эпизод, когда героиня Лилли впадает в панику, обнаружив у себя кровь между ног. Я была слишком маленькой, чтобы понять что произошло, поэтому спросила у своего отца. На что, он ответил, - Женщины - грязные шлюхи, наполненные грязной кровью, поэтому каждый месяц они должны от нее избавляться.

Я была ошеломлена, представив, как из меня выливается кровь, а кожа прилипает к костям.

- Папочка, а я женщина?

Сделав большой глоток виски с колой, отец ответил, - Когда-нибудь, ты ею станешь.

Мои глаза наполнились слезами, когда я представила, насколько это ужасно остаться без капли крови, - А откуда мне взять так много крови?

Улыбнувшись, отец обнял меня. Запах алкоголя в его дыхании, всегда действовал на меня успокаивающе, - Найдешь, малышка... просто не будь шлюхой. Сильнее прижавшись к отцу, и произнеся, - Не буду! - я откинулась в кресле, и, заглянув в его нетрезвые глаза, задала свой главный вопрос - Но, что такое шлюха?

Грубо усмехнувшись, отец ответил - Спроси об этом у своей матери.

Однако я не спрашивала. Я никогда не рассказывала своей матери, о чем мы разговаривали с отцом, хотя каждый раз, когда он приводил меня домой, она старалась расспросить меня об этом. Наверное, инстинктивно, я понимала, что Расскажи я ей, это однозначно привело бы к ссоре.

Два года спустя, на мой девятый день рождения, у меня начались месячные, и я стала жалобно просить маму вызвать врача. Но вместо этого, она затащила меня в ванную комнату и потребовала объяснить, что происходит. Подняв на нее глаза, и излучая всем своим телом стыд, я прошептала, - Я - шлюха.

В следующий раз, когда я увидела своего отца, мне было уже тринадцать. И к тому моменту, у меня уже имелось точное представление о том, что же такое "шлюха".

Моя мама была шлюхой, потому, что в слишком раннем возрасте влюбилась в моего отца и забеременела мной... затем моим братом.... а после, моей сестрой.... и еще одной моей сестрой... а после и еще одним братом... ну, и... всеми остальными. Из-за нее, меня ожидала подобная участь. Казалось, что блуд уже присутствовал в моей крови, точнее, в моей грязной крови. Мои дедушка и бабушка верили в это, так же, как и мои тети, и их мужья, и даже их дети.

Моя мама была самой младшей в семье, и мнение ее старших сестер ложилось на нее тяжким грузом. Но самое важное было то, что *она сама* верила в это. И, более того, она заставила поверить в это *меня*.

Мама одевала меня в длинные платья, запрещала пользоваться косметикой, носить сережки, и все остальное, что было оригинальнее простой заколки для волос. Мне было запрещено играть со своими родными или двоюродными братьями, и даже сидеть на коленях у собственного отца. И все это делалось для того, чтобы ненароком не выпустить мою внутреннюю сущность настоящей шлюхи. К тринадцати годам, я была сыта по горло своей семейкой, обвиняющей меня в демонстрации своей *puta*, поэтому бунтовала при любой возможности.

Я одалживала у своих друзей шорты, юбки и футболки. Экономила деньги с поздравительных карточек на дни рождения и случайных заработков, которые мне давала мама за то, что я следила за своими младшими братьями и сестрами, в то время, как она отправлялась на поиски очередного мужика. На эти деньги я потом покупала неяркий блеск для губ и лак для ногтей. Всякий раз, когда мама находила эти предметы в моей комнате, она набрасывалась на меня с кулаками.

- *Несчастная!* - кричала она, кидая в меня, купленную втайне от нее, косметику.

В ее глазах я была позором.

- Так вот чем ты занимаешься за моей спиной? Носишь это... это... все напоказ! Выставляешь свои сиськи и ноги, как какая-то уличная шлюха!

Я всегда плачу, когда злюсь, и когда меня распирает от эмоций, и мне мало когда удается, контролировать свои слезы и количество бранных слов, вылетаемых из моего рта, - Да, пошла ты, мам. Пошла ты, к черту! Это ты шлюха, а не я, - рыдала я, - Я просто хочу одеваться, как все девочки моего возраста. Я устала расплачиваться за твои ошибки. Я не сделала ничего плохого.

Глаза моей матери наливались слезами и злостью, - Знаешь, Ливви, тебе просто кажется, что ты лучше меня, - сглотнув, она продолжила, - но это не так. Мы похожи намного больше, чем тебе того хотелось бы... и я тебя предупреждаю... будешь вести себя как шлюха, и относиться к тебе будут, как к шлюхе.

Я громко плакала, пока она собирала всю одежду в мусорную корзину.

- Эта одежда моих друзей!

- Значит, они тебе больше не друзья. Тебе не нужны такие друзья.

- Я тебя ненавижу!

- Хмм... знаешь, сейчас, я тоже тебя ненавижу. Я многим пожертвовала ради такой неблагодарной дочери, как ты.

Когда я проснулась, мне было тяжело дышать, и я была полностью дезориентирована, мой сон стал исчезать, но только никуда не девалось чувство страха, сжимающее все мои внутренности. Окружающая темнота была настолько непроглядной, что мне казалось, будто я все еще пребывала в своем кошмарном сне. Затем, медленно, кадр за кадром, ко мне стало возвращаться понимание происходящего. И как только каждый кадр был просмотрен и направлен на хранение в мою мысленную библиотеку памяти, на меня стало снисходить призрачное, но упрямо разрастающееся осознание того, что этот кошмарный сон был реальностью, *моей* реальностью.

Внезапно, я стала испытывать непреодолимое желание вернуться в свой сон. Ведь я понимала, что любой, даже самый страшный ночной кошмар, был лучше этой реальности.

Мое сердце стало тонуть в неизведанных глубинах, а глаза прожигать окружающую тьму. Я спокойно огляделась по сторонам, отмечая незнакомые мне предметы. И как только в моем сознании окончательно рассеялась дымка, и я вернулась в холодную и суровую реальность, вот тогда, я и поняла, что *меня, действительно, похитили*. Эта мысль больно стукнула меня по голове, начав мигать в ней неоновыми лампочками.

Окруженная непривычной обстановкой, я снова огляделась. Незнакомое место. *Я, на самом деле, находилась в странном месте.*

Мне захотелось плакать. Мне захотелось плакать от того, что я этого не предвидела. Мне захотелось плакать, от неизвестности моего будущего, да и просто из-за желания плакать. Мне захотелось плакать от того, что я, скорее всего умру в таком молодом возрасте, не испытав всей прелести жизни. Но больше всего, мне захотелось плакать от того, что я была девушкой с такой ужасной, трагичной и глупой судьбой.

А ведь у меня, было так много фантазий о том дне, когда он помог мне на той остановке. Тогда, я чувствовала себя принцессой, которую спас рыцарь в сияющих доспехах. Господи, Боже, я даже попросила его подвезти меня по школы! И так расстроилась, когда он отказал мне, а упомянув о встрече с другой женщиной, мое сердце и вовсе провалилось в желудок.

В тот день, я проклинала себя за то, что не была одета во что-то более симпатичное. И стыдно признаться, но с того раза, я почти каждую ночь думала о его прекрасных волосах, таинственной улыбке, и о цвете его глаз.

Я закрыла глаза.

Какой же идиоткой я была. Ужасной, безрассудной, маленькой девочкой. Неужели ошибки моей матери, так ничему меня и не научили? Очевидно, нет.

Каким-то образом, я умудрилась отключить все свои мозги при виде красивого придурка с милой улыбкой. И так же, как и маму, заманить меня в свои сети было проще простого. Я позволила мужчине разрушить свою жизнь.

По какой-то неведомой мне причине, в эту секунду я возненавидела свою мать. И это разбивало мое сердце еще больше.

Со злостью, я вытерла слезы, которые грозились брызнуть из моих глаз. Я должна была сосредоточиться на том, как выбраться отсюда, а не лелеять чувство жалости к самой себе.

Единственным источником света в комнате был маленький прикроватный ночник, от которого исходило тусклое сияние.

Болезненность во всем теле исчезла, но дикая головная боль все не унималась. Я не была привязана, и лежала под толстым пледом, с головы до ног покрытая тонким слоем пота. Скинув с себя плед, я ожидала увидеть свое тело обнаженным, но на удивление, обнаружила, что на мне была шелковая ночная рубашка и трусики.

Лихорадочно ощупывая ткань, я поняла, что меня кто-то одел. Но кто? Ведь одевание означает прикосновение, а прикосновение может означать очень и очень многое.

Кaleb? Он это сделал? Эта мысль наполнила меня страхом. Но где-то там, под ним, пряталось еще более опасное чувство - нежелательное любопытство.

Оттолкнув противоречивые эмоции, я сосредоточилась на ощущениях в своем теле. Болело все, даже волосы, но между ног я не испытывала никакого дискомфорта. Отсутствие боли внутри, предполагало, что, худшего, со мной все же не произошло. На секунду, я испытала облегчение, но, еще один взгляд вокруг моей новой темницы - и эта мимолетная радость, быстро испарилась. Мне нужно выбираться отсюда.

Я сползла с кровати.

Комната выглядела убого, с желтыми обоями на стенах, и запятнанным ковром на полу. Огромная кровать с пологом на четырех железных столбах, была единственным относительно новым предметом мебели. Поэтому казалось, что она совершенно не вписывалась в обстановку этого места. Не то, чтобы я много знала о таких местах, но все же.

Постельные принадлежности пахли кондиционером для белья. Точно таким же, каким я стирала вещи своих родных. Мой желудок сжался.

Я не ненавидела свою мать, я любила ее. И даже, несмотря на то, что от нее я этих слов, почти никогда не слышала, мне следовало говорить ей об этом почаще. От слез стало щипать в глазах, но я не могла сейчас расклеиваться. Мне нужно было срочно найти пути для спасения.

Моим первым инстинктом было попытаться открыть дверь, но я тут же отбросила эту идею, посчитав ее глупой. Во-первых, я помню, что она была заперта, а во-вторых, выбежав из этой комнаты, я запросто могла попасть в лапы своих похитителей. Одно воспоминание о взгляде этого Джаира, и мое тело начало бить нервной дрожью.

Между тем, я подползла к занавескам, и отодвинула их. Увидев, что окно было заколочено досками, мне с трудом удалось сдержать крик отчаяния. Просунув пальцы в щели между досками, я попыталась дернуть их, но это оказалось бесполезным. *Черт.*

Внезапно, за моей спиной, открылась дверь. Резко обернувшись, я прислонилась спиной к стене, желая слиться с ней, и спряталась за занавесками так, чтобы меня никто не нашел.

Дверь была не заперта. Он что, ждал меня?

Сквозь приоткрытую дверь, в комнату стал проникать мягкий и тусклый свет, оставляя на полу многочисленные тени. Кaleb. Мои ноги задрожали от страха, когда закрыв за собой дверь, он направился ко мне. Шагая медленно и осторожно, он

выглядел словно Дьявол, одетый в черные штаны и рубашку такого же цвета, застегнутую на все пуговицы. Он был таким красивым, что мои внутренности свело, а сердце стало работать с переборами. Боже, ведь это ненормально.

От света, падающего из-за двери, его тень казалась темной и длинной. Непроизвольно, в моей памяти всплыли жутковатые слова Эдгара По, четко описывающие мужчину, который сейчас приближался ко мне: *"Будто кто-то постучался - постучался в дверь ко мне. Это, верно, - прошептал я, - гость в полночной тишине, Гость стучится в дверь ко мне"*.

Черт, черт. Черт. Так, ладно, гостьей в данном случае, была я.

Подойдя ко мне, Кaleb поднял свою руку, словно собирался ударить меня, и я вскинула обе руки, желая защитить лицо. Но вместо этого, он ударил кулаком в стену. Я вся сжалась, а этот подонок расхохотался.

Медленно опустив руки, я положила их себе на грудь, прикрываясь. Но Кaleb схватил оба моих запястья одной левой и завел их над моей головой. Зажатая между ним и стеной, я могла сопротивляться ему не эффективнее маленького напуганного хомячка. Поэтому, застыла на месте, словно моя неподвижность могла обескуражить его натуру хищника. Он был словно змея, которая только и делала, что питалась живыми грызунами.

- Ты голодна? - спросил он, мягким, низким голосом.

Я слышала вопрос, но его слова не доходили до моего сознания. Потому как мой мозг, прекратил свою работу. Единственное, на чем сейчас мог сконцентрироваться мой разум - это на его физической близости. На тепле его пальцев, сжимающих мои запястья. На чистом, влажном запахе его тела, витающем вокруг меня в воздухе. На невидимом, но осязаемом давлении его пристального взгляда на меня. Что это?

Когда я не ответила, пальцы его правой руки стали пробираться к моей правой груди, отчего ткань атласной сорочки нагрелась, и стала излучать тепло моей плоти. В мое сознание непрошено ворвались недавно сказанные друг другу слова.

- Пошел ты на хрен.

- ... я бы предпочел, чтобы именно ты пошла на хрен... на мой.

Мои колени слегка подогнулись, а соски затвердели. Сделав резкий вздох, я отпрянула от его прикосновения, и крепко закрыв глаза, заставила себя сосредоточиться на своих поднятых руках.

Его губы ласкали раковину моего уха, - Ты собираешься отвечать? Или мне снова тебя заставить?

Еда? Внезапно, при мысли о еде, мой желудок болезненно скрутило. Это было первобытным инстинктом. Когда он напомнил о еде, мне на самом деле захотелось есть. Я была очень голодна.

Сделав глубокий вдох, я попыталась найти в себе силы.

- Да.

Сначала, я почувствовала у своего уха улыбку Калеба, а затем его пальцы приподняли мой подбородок. Боковым зрением я увидела, как он нагнулся ко мне, обдавая мою разгоряченную кожу своим прохладным дыханием.

- Да, - повторил он мой ответ, - ты голодна? Да, ты собираешься отвечать? Или да, мне снова тебя заставить?

Мое сердце понеслось вскачь, когда я почувствовала его дыхание на своей щеке. Мне вдруг стало не хватать воздуха, как будто его близость полностью высосала его из моих легких.

- Или это было просто, ДА?

Я приоткрыла губы, мои легкие пытались втянуть как можно больше воздуха. Что получилось весьма паршиво. Но, несмотря на охватившую меня панику, я заставила себя ответить.

- Да, - произнесла я, заикаясь, - я голодна.

Я знала, что он улыбнулся, хоть и не могла видеть этого. Дрожь, была настолько сильной, что мое тело почти дернулось к нему, а по коже побежали мурашки. Он мягко поцеловал меня в щеку, от чего, я, кажется, даже захныкала. Потом, он вышел из комнаты. И даже после того, как услышала, как за ним закрылась дверь, я так и осталась стоять, словно парализованная.

Вскоре, Кaleb вернулся с тележкой, полностью загруженной едой. И как только, я учуяла запах мяса и хлеба, у меня тут же, засосало под ложечкой, и было сложно побороть непреодолимое желание подбежать к еде.

Следом за ним, держа в руках стул, зашел Джаир. Увидев его, мне отчаянно захотелось, чтобы земля подо мной разверзлась, и поглотила в свои глубины.

Ранее, когда Джаир пытался меня изнасиловать, я (снова) попыталась найти защиту в руках Калеба. Полагаю, что где-то, очень глубоко в моем сознании, до сих пор, теплилась надежда, что он защитит меня. Потому как, в глазах араба, я видела лишь ужасающий, дикий блеск, говорящий о желании, *причинить мне боль*.

Дверь закрылась, и я подняла взгляд, пытаюсь найти Калеба, который расположился возле еды. Мы снова остались с ним наедине.

Мои внутренности разрывало от страха и голода.

- Подойди сюда, - сказал он.

Несмотря на то, что его голос пугал меня, я начала двигаться в его направлении.

- Подожди. Я хочу, чтобы ты приползла сюда.

Мои ноги задрожали. *Приползти? Он, наверное, шутит? Нужно бежать. Бежать прямо сейчас.*

Он встал, смотря прямо на меня.

Но куда бежать? Помнишь, как быстро он повалил тебя на пол и оттащил от двери?

Мои колени опустились на пол.

Да и разве у меня был выбор?

Опустив голову, я все еще чувствовала на себе его взгляд, который сулил его руку в качестве наказания мне за непослушание.

На четвереньках, я проползла через комнату, пока не наткнулась на его обувь. Я в ловушке. Почти обнаженная. Слабая. Запуганная. Его.

Наклонившись ко мне, и собрав обеими руками мои волосы, Калек медленно поднял мою голову, пока наши глаза не встретились. Внимательно посмотрев на меня, его брови нахмурились, а губы сложились в тонкую линию.

- Мне жаль, что он ударил тебя, - сказал он, поглаживая уголок моего левого глаза.

- Ты очень красивая девушка; очень жаль.

Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Воспоминание, *тяжкое* воспоминание стало рваться на поверхность моего сознания, разрушая мою защиту. Мой отчим тоже говорил, что я была красивой. Я была красивой *вещью*, а у красивых вещей в этой жизни сложная судьба, особенно если они попадают в руки таких, как он.

Инстинктивно, я схватила его за запястья, пытаюсь убрать его руки из моих волос, но он крепко держал меня. Именно крепко, не грубо. Таким образом, он давал понять без слов; что еще не рассмотрелся на меня.

Неспособная выдержать его взгляд, я отвела глаза в сторону. Казалось, даже воздух вокруг меня сменился, только чтобы угодить ему.

Он скользил по моей щеке своим дыханием, в то время, как его предплечья, накрытые моими дрожащими, вспотевшими ладонями, намекали на таившуюся в нем недюжинную силу. Закрыв глаза, я сделала глубокий вдох, тем самым, пытаюсь успокоиться.

Его запах смешался с запахом еды и затуманил мое сознание. Странно, но это сочетание, будило во мне первобытные эмоции. Внезапно, почувствовав себя хищницей, мне захотелось оторвать зубами кусок его плоти от костей и запить все это его кровью. Не в силах сдержаться, я прошептала, - Это твоя вина, что он так сделал. Все, что случилась - твоя вина. Ты ничем не лучше его.

Мне было приятно произносить это. Мне даже следовало озвучить эти слова раньше.

Вниз, по моей шее, потекла капля пота, медленно сползая по ключице на грудь, и плавно стекая в ложбинку между грудями, напоминая мне о моем теле. О моем мягком, хрупком теле.

Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Я вздрогнула, не зная, как определить, что именно означал его вздох; был ли это признак успокоения, или же наоборот: он станет наказывать меня, избивая до бесчувствия.

Его голос, такой нежный с нотками любезности, заполнил мой разум, - На твоём месте, я бы сто раз подумал, прежде чем что-то говорить мне, зверушка. Мы с *ним* разные, как небо и земля. И я думаю, что вопреки себе, ты вскоре научишься это ценить. Но смотри, не ошибись; я способен на такие вещи, которых ты и представить себе не можешь. Еще раз спровоцируешь меня - и я с радостью тебе это продемонстрирую.

Когда он отпустил меня, я снова бездумно опустилась на четвереньки, уставившись на его ботинки. Я была уверена в том, что если бы начала думать о тех вещах, "которых я и представить себе не могла", то полностью сломалась бы, потому как мой разум, уже начал красочно вырисовывать их в моей голове. Фактически, я уже

стала мысленно проигрывать в голове жуткие сценарии, когда его голос прервал мои мысли.

- Вся твоя жизнь изменится. Тебе следует попытаться это принять, потому что у тебя нет ни единого шанса этого избежать. Нравится тебе это или нет, будешь ли ты бороться или нет, но твоя старая жизнь уже закончена. И закончилась она задолго до того, как ты очнулась в этой комнате.

Не было этих слов, не было меня, всего этого не было. Это было безумием.

Я проснулась вся взмокшая от пота, испытывая страх ко всему этому, к этой тьме. Меня съедали страх, боль, голод, и этот мужчина. Мне хотелось положить свою голову ему на ботинок, лишь бы прекратить все это. Слова повисли в воздухе, словно облачко с текстом, все еще не покинувшее его губы.

Задолго... но насколько? До встречи на остановке?

Мои мысли снова вернули меня к маме. Она была далека от совершенства, но я любила ее больше всех на свете. И сейчас, Кaleb говорил мне о том, что я больше никогда не увижу ее, что я никогда не увижу никого из тех, кого когда-то любила.

Мне следовало ожидать таких слов. Каждый злодей произносил подобную речь "Даже не пытайся этого избежать, это невозможно", но до сих пор я не задумывалась над тем, какими, на самом деле, ужасающими были эти слова.

Затем он встал, возвышаясь надо мной, словно Бог, который забрал у меня солнце, и которого никак не заботило мое уничтожение.

- Обращайся ко мне не иначе, как *Хозяин*. Каждый раз, когда ты будешь об этом забывать, я буду жестоко напоминать тебе. Так что, выбирай, что тебе больше по душе - подчинение или наказание. Выбор полностью за тобой.

Как только я вскинула голову, мои шокированные, испуганные и непримиримые глаза встретились с его глазами. Я не собиралась называть его *Хозяином*. Хрена. Тебе. Лысого. И была полностью уверена в том, что он смог прочесть эту решимость в моем взгляде. Потому как, невысказанный вызов за ними, так и кричал "*Только попробуй, хоть одним пальцем тронуть меня, придурок. Только попробуй*". На что, подняв одну бровь, его глаза словно ответили, "*С превеликим удовольствием, зверушка. Просто дай мне повод*".

Пытаясь избежать войны, в которой я, вероятно, не смогла бы одержать победу, я снова опустила свой взгляд в пол. Я все равно собиралась валить отсюда. Поэтому, нужно было действовать разумно.

- Ты поняла? - самодовольно спросил он.

Да, Хозяин. Я не ответила вслух, чего Кaleb никак не мог упустить.

- Ты. Меня, - он наклонился вперед, - Поняла?

Он выговаривал каждое слово так, словно говорил с ребенком или с тем, кто не понимал английского. Мой язык прижался к зубам. А взглядом, я уставилась на его ноги, не имея сил ни отвечать, ни воевать с ним. В горле стал формироваться ком, и чтобы избавиться от него, мне пришлось с трудом сглотнуть, но слезы все-таки хлынули из моих глаз. Это были слезы не боли или страха, это были слезы отчаяния.

- Ну и отлично, думаю, ты не особо голодна. А вот я, голоден.

При упоминании о еде, мой рот снова наполнился слюной, а желудок стянуло в тугую узел.

Когда Кaleb стал отрывать кусочек хлеба, мои ногти впились в ковер, на котором я сидела, и на который капали мои слезы. Что ему было нужно от меня, чего он еще пока не мог взять?

Я всхлипнула, стараясь не разрыдаться. А он, снова прикоснувшись ко мне, погладил меня по затылку.

- Посмотри на меня.

Стерев слезы с лица, я подняла на него глаза. Кaleb сидел, откинувшись на стуле, и наклонив голову набок, выглядел при этом так, словно что-то обдумывал. Мне оставалось лишь надеяться на то, что он не думал о *том*, чтобы унижить меня еще больше, хотя, в этом я очень сильно сомневалась.

Не отрывая своих глаз от моего лица, он взял кусочек отрезанного мяса со своей тарелки и медленно положил его себе в рот.

Каждую слезинку, катившуюся из моих глаз, я быстро смахивала тыльной стороной ладони.

Затем, он взял кусочек рубленной говядины. Я с трудом сглотнула. Подавшись вперед, он поднес это восхитительно пахнущее лакомство к моим губам. С нескрываемым облегчением я открыла свой рот, но он быстро убрал еду от меня.

Он проделывал это снова. И снова. И каждый раз, я подползала все ближе и ближе, пока мое тело не оказалось зажатым между его ногами, а мои руки не легли по обеим сторонам от его туловища.

Внезапно, схватив обеими руками его руку, я быстро сунула ее себе в рот, чтобы забрать кусочек мяса из его пальцев. *О, Боже, как же это было вкусно.* Его пальцы на моем языке, были жирными и солеными, но я умудрилась вырвать мясо, которое он ими держал.

Дальше, все произошло довольно быстро: одной рукой он сжал мой язык, а второй впился в мою шею, сжимая ее, тем самым, заставляя меня сильнее открыть рот. Боль каскадом спустилась вниз по моему горлу. От чего еда выпала у меня изо рта на пол, и я, буквально взвыла от чувства потери.

Отпустив мой язык, он так развернул мое лицо так, что мы буквально впились друг в друга взглядами.

- Я был чересчур добрым к тебе, так что теперь, ты узнаешь, каким я являюсь на самом деле. Ты очень гордая и избалованная, поэтому я собираюсь выбить это из тебя.

После этих слов он резко поднялся, и меня отбросило спиной на пол.

Выйдя из комнаты, он закрыл за собой дверь. Однако на этот раз, я услышала щелчок закрывающегося замка.

... рядом со мной, стояла и манила своим присутствием оставленная им еда.

Глава 4

Мой голод был подобен разгневанному существу, которое с ревом разрывало своими когтями мои внутренности. Накинувшись на еду, словно изголодавшееся животное, я запихивала ее себе в рот и, не пережевывая, глотала. Я даже не обращала внимания на то, что заталкивала: был ли то цыпленок или жареные бобы. Главное, это была пища, которой мне нужно было заполнить свой пустой желудок, поэтому я ела, до тех пор, пока не набила его под завязку, и не насытилась.

В момент, когда я проталкивала в свою глотку последний кусок, а все мое лицо и руки были вымазаны в жиру, соли и крупе, переведя свой взгляд на стол, среди пустых бумажных тарелок, я увидела одну единственную пластиковую вилку.

Лихорадочно вцепившись в нее, я побежала к заколоченному окну, начав без толку колотить ею по доскам. И пока моя еда продолжала свой недолгий путь к желудку, я неустанно царапала вилкой по преграде, отделяющей меня от внешнего мира, до тех пор, пока та не начала разламываться в щепки в моих руках. Дыша быстро и поверхностно, из-за несусветного количества съеденного, я от досады бросила обломки вилки на пол, позволяя кусочкам пластика разлететься по комнате.

На меня обрушился новый поток страха и уныния, слезы снова застилали глаза. *Ты не выберешься отсюда. Тебе конец. Он вернется и сделает с тобой нечто ужасное. Нечто действительно, по-настоящему плохое, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить его.*

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, Боже, пожалуйста, прошу тебя, умоляю, избавь меня от этого.

Бросившись в слабо освещенную ванную комнату, я подняла крышку унитаза и выблевала все, что съела. Каждый раз, когда на меня вновь накатывал приступ рвоты, вместе с выходом горькой желчи, из моей груди вырывался крик. Мой голос, напоминал собой сдавленное бульканье, эхом отдаваясь от керамической плитки, пока, наконец, не сменился на плачущие стоны и тяжелое дыхание.

Я быстро нажала на смыв, пока вид моей рвоты не вызвал у меня очередной приступ тошноты. После этого, я и правда, почувствовала себя чуточку лучше. Пусть снова голодной, но на этот раз спокойнее.

Поднявшись, я попыталась включить свет, но, не нащупав переключателя, поняла, что здесь его тоже не было. Источником света, так же, как и в комнате, служил еще один ночник.

Ванная комната была в процессе ремонта, и новое здесь сочеталось со старым. Я пыталась старательно игнорировать джакузи, в которой меня раздевали и трогали. Но всего один взгляд на нее, и я снова ощутила его руки на своем теле.

Резко отвернувшись, я сосредоточила свое внимание на умывании и полоскании рта. Мне нужно было вытравить из своей памяти вкус и запах моей рвоты.

Подняв голову над раковиной, мое внимание привлекла круглая металлическая пластина. Обрадовавшись, я схватила пальцами за ее тонкий край, и попыталась сорвать ее с места, но она была вмонтирована в стену. Оставив свои тщетные попытки, мне ничего не оставалось, кроме как, тупо уставиться на нее. Поверхность была

настолько блестящей и гладкой, что напоминала собой стекло. В ней то, я и увидела отражение своего лица, впервые с того момента, как меня похитили.

Выглядела я ужасно. Кожа вокруг моего левого глаза приобрела зеленовато-фиолетовый оттенок, и была припухшей. Сейчас, я уже могла достаточно широко открывать его, чтобы видеть, но, тем не менее, по сравнению с правым глазом, выглядел он обезображенным. Коснувшись его пальцами, я была удивлена, что сейчас он болел меньше, чем когда я трогала его в прошлый раз.

Кроме моего опухшего от побоев глаза, мои волосы были ничуть не лучше, и пребывали в диком, спутанном беспорядке. Странно, но я попыталась привести их в божеский вид. И почувствовала себя полной идиоткой, когда абсурдность моих действий дошла до моего сознания. *Да, Ливви, тебе непременно нужно выглядеть милашкой для красивого похитителя. Глупая!*

Я не знала, что со мной происходило, но сейчас, центром всех моих мыслей стал Кaleb. Он был источником всей этой боли и замешательства. И то, что со мной уже случилось, или должно было произойти в будущем - все это было бы следствием его искаженных и извращенных желаний. Поникнув, я обернулась и стала выходить из ванной комнаты. Но тут, дверь в спальню распахнулась, заставив меня подпрыгнуть.

Я начала лихорадочно осматривать ванную и искать место, куда спрятаться. Это противоречило здравому смыслу, потому как я понимала - пути к спасению не было. Тем не менее, инстинкт есть инстинкт. И сейчас, мои инстинкты умоляли мне спрятаться, хотя бы на несколько секунд, до тех пор, пока он не найдет меня.

Напевая что-то себе под нос, Кaleb напрямик направился в ванную.

Когда он добрался до двери, я спряталась под раковиной. Но все же оставалась в пределах видимости. Подойдя ко мне спокойно, и без злобы, которую он так красноречиво источал ранее, Кaleb обратился ко мне тихим голосом.

- Я хочу, чтобы ты встала.

И протянул ко мне руку.

Измощенная, я смотрела на нее, как мне показалось довольно долго, думая о том, какую боль мне может причинить эта рука. Его спокойствие и мой страх повисли в воздухе, наматываясь вокруг нас толстой, тяжелой спиралью. Что-то внутри меня подсказывало, что он собирался сделать мне больно. От этого я впала в оцепенение.

Пытаясь найти способ задобрить его, я нерешительно протянула ему свою руку, словно ожидала броска змеи. Прикоснувшись к его вытянутой руке, мне тут же захотелось одернуться и сжаться. Но я этого не сделала.

Он улыбнулся. Эта улыбка поразила меня, потому как одновременно сочетала в себе и красоту и зло.

Обернув своими пальцами мое запястье, он одним лишь своим прикосновением пустил электрические разряды по всему моему телу. Меня словно парализовало.

Он медленно поднял меня, и вскоре я уже стояла перед ним, смотря на него широко раскрытыми глазами, и беспокойно дыша.

Кaleb поднес мою ладонь к своему лицу, и тогда я впервые ощутила теплоту его кожи. Интимность одного единственного движения, заставили меня уронить свой взгляд в пол, и внезапно я стала бояться его доброты больше, чем злости. Проведя

моими пальцами по своему лицу, он крепко сжал мою руку, когда я попыталась одернуть ее.

Он был гладко выбрит, мягок и необычайно мужественен. Его прикосновения были простыми, но конкретными, нацеленными на то, чтобы показать мне, что как любовник он был нежным и душевным, и что как мужчина, он не привык слышать слово НЕТ.

Да. Я поняла. Он был мужчиной, а кем была я? Ведь я была всего лишь девочкой, даже не женщиной.

Полагалось, что я должна была припасть к его ногам, и поклоняться его мужественности, благодаря его только за то, что он позволил мне прикоснуться к нему. И все это, от одного простого касания.

Подняв свою правую руку, он откинул мои волосы с плеча, и стал поглаживать мою руку. По телу пробежала сильная дрожь, побудившая меня попятиться назад, и упереться в холодную керамическую раковину.

Словно в танце, Калек шагнул вперед.

И пока я, упрямо продолжала смотреть в пол, он во властной манере запустил свои пальцы в мои волосы, бережно удерживая мою голову, и стал целовать мои пальцы, покусывая их зубами.

Его слегка заостренные клыки, когда-то, очевидно, являющиеся частью его мальчишеского очарования, теперь, наполняли его образ зловещим мраком. Мое сердцебиение отдавалось в ушах, дыхание стало тяжелым. Через все тело пронеслось беспокойство, которое осело в животе, вызывая тем самым новый приступ тошноты.

Я думала: *Стоит ли мне бороться с ним? Испытывать его терпение?* Мои инстинкты не говорили мне бежать или прятаться - они говорили мне стоять неподвижно. Они просили меня... подчиняться?

Пожалуйста, прекрати.

Он отпустил мою руку, чем только усилил мою тревогу; не зная, что делать со своими руками, я обняла себя. Было ощущение, что своим взглядом, он собирался прожечь во мне дыру. Проницательность, с которой он смотрел на меня, граничила с непристойностью. Что он делал со мной в своих мыслях?

Внутри меня стали происходить странные вещи: в мой мозг стало просачиваться осознание чего-то такого простого и примитивного: мужчина и женщина, мужественность и женственность, твердость и мягкость, хищник и жертва. Да, я была напугана. Но в этом присутствовала еще и глубина чего-то очень туманно - знакомого. *Похоть?* Возможно.

Мой взгляд соскользнул с его лица.

Я представляла себе этого мужчину, мечтала о том, чтобы он прикоснулся ко мне. Я сгорала от желания почувствовать ласку его взгляда на своем обнаженном теле. Грезил о его мягких губах на своей груди. И теперь он был здесь, *касался меня*. Но все было абсолютно не таким, как я себе представляла. Это не было похоже ни на одну фантазию, из тех, что у меня рождались.

Признаю, порой я представляла себя покусанной вампирами Энн Райс. В своих мыслях я видела все это, словно на огромном экране. Восемнадцатый век, я стою у

аллеи, а у меня между бедер пирует прекрасное в своей красоте воплощение зла - Лестат. Я шлюха, и в моих мыслях он был просто еще одним клиентом. Я чувствовала, какой он опасный и хищный, но один его поцелуй - и мне стало на все наплевать. Я знала, что он запустит в меня свои клыки, но я отдавала себя на его милость, в надежде, что физической смертью для меня ничего не закончится.

Но все это было не более, чем просто фантазии. А в них ничего не чувствуется. Каждое прикосновение - плод твоего воображения, потому что ты представляешь, как чувствуется поцелуй, каковы ощущения от настоящего секса, и как воспринимается настоящий страх. И если ты никогда не чувствовала их по-настоящему, то твой мозг не может достоверно воссоздать их.

Я знала о поцелуях, имела слабое представление о ласках, но у меня напрочь отсутствовали какие-либо знания о желании. Когда мой парень трогал меня, я знала, что он остановится в любую секунду, когда бы я его ни попросила, но этот мужчина - напротив - не остановится ни перед чем. Желание определяло все. И оно было реальным. Реальными были прикосновения, его запугивания, страх и сам мужчина.

И сейчас, этот самый мужчина, ласкал мое лицо, водя своими пальцами по мочке моего уха, спускаясь вниз по шее, и скользя по моей ключице. Мое дыхание стало прерывистым, затрудненным. Это было неправильно, но, все же, эти прикосновения были такими приятными. Мой страх осел внизу живота тяжким грузом, но еще ниже, стала формироваться тяжесть иного значения.

Я издала слабый звук протеста, бессловесно умоляя его остановиться. Сделав паузу, достаточную для того, чтобы я смогла отдышаться, он снова продолжил. Я покачала головой, медленно стараясь отодвинуться, но он крепко держал мою голову второй рукой.

- Посмотри на меня, - сказал он контролируемым, но слегка дрогнувшим голосом.

Крепко закрыв глаза, я снова медленно замотала головой. Он вздохнул.

- Я хочу, чтобы ты посмотрела на меня.

Я не подчинилась, застыв, окутанная тревожным чувством. *Этого не могло происходить. Только не со мной.* Однако это происходило, и я была не в силах остановить это.

Я захныкала, отклоняя голову от его руки. И когда я, подняв свои руки, прикоснулась к его запястьям, он стал раздражаться.

- Нет-нет-нет, - сказал он, словно браня маленького ребенка.

Мои руки тряслись, а колени едва держали, готовые подкоситься в любую секунду. Сильнее сжав мои волосы, он заставил меня поднять голову. На что я, еще крепче закрыла глаза, а с моих губ стали слетать бесслезные рыдания. Я шла по тонкой черте его терпения, падая в пропасть с тонкой линии моего здравого смысла.

Наклонившись, он поцеловал меня в щеку, а потом в затылок. Я раздраженно вздохнула, и отпрянула от него, продолжая по-прежнему стоять на том же месте.

Он коснулся моих губ своим большим пальцем, пытаясь заглушить мои рыдания и хныканья.

- И куда же теперь подевалась вся твоя храбрость, зверушка? Не шипишь. Не царапаешься. Где моя боевая девочка?

Мое сердце провалилось вниз. Я понятия не имела, куда запропастилась моя храбрость. И вообще, была ли я когда-нибудь действительно храброй? Я так не думала.

У меня никогда не было причин для этого. Я довольствовалась тем, что стала невидимой, почти призраком. И как бы мне хотелось стать невидимой прямо сейчас. Мой голос пропал, подавившись значимостью момента. Я оказалась во власти приступа паники, когда он отпустил меня.

Сползая на пол, и закрыв лицо руками, я неустанно повторяла себе, что *меня здесь нет, что это сон, ужасный, странный сон. И что я, проснусь в любую секунду.* Прижав колени к груди, и словно читая молитву, которая помогла бы мне очнуться от этого сна, я начала раскачиваться взад и вперед.

Я не заплакала, когда он подхватил меня на руки. Но чувствовала, что слезы были уже близко. Я ощущала такую пустоту, словно мое тело было чем-то вроде оболочки, в которой находилась моя надломленная душа.

Поднеся меня к кровати, он без особых усилий поставил меня перед ней на ноги. Медленно, картинка перед глазами стала понемногу расплываться, словно мой мозг начал потихоньку останавливать свою работу. Я просто стояла и ждала.

Откинув мои волосы с левого плеча, он встал позади меня. Я почувствовала его твердый член, прижатый к моему телу. Это не предвещало ничего хорошего.

Он снова поцеловал меня в шею.

- Нет, - взмолилась я, сорвавшимся голосом.

Он явственно отражал мои собственные ощущения - полного опустошения.

- Пожалуйста... нет.

Его мягкий смех всколыхнул воздух у моей шеи.

- Это - первая вежливая фраза, которую я от тебя услышал.

Обхватив меня своими руками, он прошептал мне на ухо:

- Вот только жаль, что ты пока не научилась правильно обращаться ко мне. Не стесняйся и попробуй еще раз, скажи: 'Пожалуйста, нет, *Хозяин*'. Можешь это сделать?

Мне хотелось плакать, мне хотелось кричать, мне хотелось сделать что угодно, но только не то, о чем он меня просил. Я промолчала.

- Или, может, - он лизнул мое ухо, - тебя нужно подтолкнуть.

Он резко отошел от меня, позволяя прохладному воздуху обдать мою обнаженную спину.

Я опустилась на пол, собирая плед в узлы, и прижимаясь к ним лбом. Присев позади меня, он начал растирать мою спину. Во мне вскипело острое желание противостоять ему, и, хотя я прекрасно знала, чем это потом для меня обернется, я уже не могла себя остановить. Заведя свой локоть назад, я ударила его по голени. Мой локоть тут же прострелила адская боль, и несколько секунд я просто не могла пошевелиться. У него *она* что, *из стали*?

- А вот и моя боевая девочка, - холодно сказал он.

Схватив меня за волосы, он оттащил меня от кровати.

Я дико закричала, впиваясь ногтями в его руку, пытаюсь освободиться, но все мои попытки были напрасными. Не успев начаться, все закончилось, так как он резко перевернул меня лицом вниз и поставил свое колено мне между лопатками. Я была обездвижена. Поражена.

- Ненавижу тебя! - рычала я.

- Я ненавижу тебя, ты, ублюдочный сукин сын!

- К моему счастью, мне на это совершенно наплевать, - сказал он без капли жалости в голосе, - Но я скажу тебе о том, что меня заботит - ты все еще не научилась хорошим манерам. Ты могла бы этого избежать, зверушка, но должен признаться..., - я почувствовала его дыхание на своем лице, - Мне так даже больше нравится.

Потянувшись, он что-то взял с кровати. Я напряглась, чтобы увидеть, что там, но он лишь сильнее прижал меня своим коленом.

Ему пришлось попотеть, чтобы схватить меня за оба запястья, но поймав их и крепко удерживая своей левой рукой, он быстро связал их мягкой веревкой, похожей на шелк. Я плакала, пока боролась под ним, и все еще пыталась высвободиться, однако это было совершенно безрезультатно.

Я исключила любую мысль о боли, о нем, прорывающимся сквозь мою невинность, и уничтожающим мое тело. Внезапное ухудшение ситуации погасило мой стыд. Думаю, это было к лучшему. Мне предпочтительнее было видеть его больным, повернутым садистом. Так мне было проще понять, что я к нему испытывала. Это прогоняло небесного ангела, ниспосланного, чтобы спасти меня. Так улетучивались все мои мечты о его сине-зеленых глазах, или о том, какого будет пропускать его золотистые волосы между своими пальцами. Сейчас, меня тошнило даже от его запаха.

В конце концов, этими действиями он показывал свои истинные намерения, которые заключались в насилии, но никак не в соблазнении или в воплощении моих потаенных фантазий. Не было никакого противоречия. Теперь, он был только монстром. Просто, еще одним монстром.

Подняв меня с пола за запястья, он одним быстрым движением водрузил мои связанные руки на стойку кровати так, что я с трудом стояла на носочках. Повиснув там, на всеобщем обозрении; мое тело было туго натянуто, а дыхание прерывистым. Схватив меня за лицо, он грубо произнес:

- Знаешь, в чем твоя проблема, зверушка? Ты еще не научилась думать благоразумно. Ужин мог бы пройти совершенно иначе, но ты выбрала вот это.

У меня на языке так и вертелся наглый ответ. Слова, которые сделали бы его настолько злым, насколько напуганной я была, но тут.... он поцеловал меня. Этот поцелуй был яростным, властным, требующим оставить мои невысказанные слова там, где они и были. Не было никакого языка; Кaleb был слишком умен для этого - просто неистовое прижатие его полных губ к моим. Но все закончилось прежде, чем я смогла ответить на это.

Он подошел к тележке с едой, рядом с которой лежала черная сумка. *Мои глаза расширились. Откуда она здесь, черт возьми, взялась?* Ничто в жизни не выглядит так

зловеще, как черная сумка; черная сумка - говорит о серьезных намерениях, подразумевает планирование, подготовку, вдумчивое упаковывание содержимого. Внезапно, я почувствовала легкое помутнение рассудка.

Он вернулся, держа в руках какие-то предметы, и улыбался так, словно для нас это было обыденной ситуацией. С заботой и должной осмотрительностью он положил их на кровать.

Спустя мгновение, он поднял кожаный ошейник, чтобы показать его мне; это был широкий кожаный ремешок с маленькими металлическими кольцами на обоих концах, на одном из которых висел небольшой замочек с ключом. Спереди, ошейник был декорирован еще одним кольцом.

Он быстро одел его мне на шею. Застегнутый, он несколько сдавливал мне горло. Подразнив меня ключами, и покачав ими перед моим лицом, он положил их на прикроватный столик.

К ошейнику прилагалась длинная цепь, похожая на ту, которой выгуливают собак, но с зажимом на каждом конце. Прикрепив ее над столбом кровати с громким лязгающим звуком, напугавшим меня до крика, он прицепил обе пряжки к кольцу ошейника, находившегося спереди.

Я должна была смотреть в потолок, чтобы не быть задушенной. И чем сильнее я плакала, тем сложнее мне было дышать, поэтому я заставила себя прекратить, но слезы не желали останавливаться, и продолжали стекать ручьем по лицу, образуя целую лужицу в раковине уха.

Пожалуйста. Не надо. Не делай этого. Я хотела произнести эти слова вслух. Я хотела умолять его. Но я больше не могла произносить пустых слов. Я была слишком напугана, слишком зла, и слишком... горда. Мысли о том, что мне следовало бы сделать, разом проникли в мое сознание. Еще больше рыданий.

Он провел своими ладонями по моим рукам и помассировал мою грудь; мое тело задрожало, а соски затвердели.

Веревку на моих запястьях сменили два толстых кожаных браслета, стилизованных под ошейник, на каждом из которых свисали маленькие колечки, и которые могли скрепляться между собой.

Он отстегнул цепь с моего ошейника, чтобы повернуть меня. И я немного успокоилась, потому, как была в состоянии дышать. Меня не особо заботило, что теперь она была прикреплена к браслетам. Сейчас, у меня было больше свободы передвижения - цепь была длиннее веревки, поэтому я могла встать на пол всей стопой.

Калекб плотно сжал мои предплечья вместе и привязал их к столбу кровати. Это положение делало совершенно невозможной вероятность увернуться от него, и я могла видеть, как при каждом моем движении, напрягались мышцы моих рук.

Сейчас, я уже была напугана до смерти, и никак не могла этого скрыть. Я была в его власти, и только он знал, что меня ждет.

Он отошел назад, предположительно для того, чтобы оценить меня, или, возможно, полюбоваться своей работой. В любом случае, его действия наполнили меня чувством надвигающейся кульминации. Я бросила ему вызов, и он его принял.

Стоя лицом к кровати, мои руки - от запястья до локтя - были прикреплены к столбу. На мне не было ничего, кроме насмешливо сексуальных трусиков, которые он сам же мне и выбрал.

- Раздвинь ноги, - спокойно сказал он.

Когда я не подчинилась, он подошел ко мне сзади, вжимая себя в меня. Издав пронзительный визг, я почувствовала, как его левая рука обхватила меня между ног. Я попыталась вырваться. Бесполезно.

- Если ты не начнешь делать то, что я тебе говорю, я проникну в твою маленькую киску всей своей большой рукой. Тебе это понятно?

Его голос был низким, но твердым. А вопрос, и не был вопросом, всего лишь усилением угрозы. Громко всхлипнув, я все же кивнула.

- Хорошо, зверушка. Теперь, сделай то, о чем я тебя просил.

Снова отступив назад, он ждал.

Медленно, я начала раздвигать свои ноги шире, и шире, пока он не сказал мне остановиться.

- Теперь, подайся бедрами назад, ко мне.

Я сделала так, как он велел, положив свою голову в изгиб связанных локтей.

- Ты готова? - спросил он, делая паузу для усиления эффекта.

- Да пошел ты, - прошептала я, пытаюсь за этими словами скрыть свой страх.

Первый удар пришелся по икрам, взорвавшись в моем сознании и ослепив меня вспышкой белого цвета. Мой рот открылся для крика, но оттуда не вылетело ни звука. Я, мать его, определенно, *не была* готова к такому!

Лихорадочно оглядываясь назад, мне хотелось увидеть, что он держит в своих руках. Это был ремень. И крик, которому сначала было сложно пробиться из моей груди, наконец-то, вырвался наружу.

Следующий поцелуй ремня перекрыл первый, обрушившись на меня быстрее, чем я того ожидала. Колени подогнулись, отчего мое тело повисло на, привязанных к столбу кровати, руках. Ударившись лобковой костью, я завывала от боли, и начала задыхаться от бесконечно льющихся слез.

- Выпрями ноги - крикнул он.

- Если ты потеряешь сознание, я приведу тебя в чувство вот этим ремнем.

Я беспомощно повисла на своих руках, пока он продолжил безжалостно хлестать меня.

Следующий удар я услышала до того, как почувствовала; ремень со свистом рассек воздух и впился в мои бедра. Я всячески старалась увернуться. Продолжая извиваться, я практически, вытаскивала руки из петель. Но раз за разом, они врезались в мою кожу. Я кричала так громко и так протяжно, что в моих легких почти не оставалось воздуха.

Следующий удар Каледб нанес с неимоверной силой, обрушивая его прямо на лодыжки. От этого, я тут же выпрямила ноги, и стала судорожно гладить пораженную лодыжку одной ноги, ступней второй.

Он снова хлестнул меня по икрам, и я стала подпрыгивать вверх и вниз, пытаюсь облегчить боль, поочередно приподнимая свои ноги, отчаянно стараясь унять сильное жжение.

Никогда в своей жизни, я не испытывала такой боли. Я и представить не могла, что такое вообще возможно. Все мое тело горело, зудело и дрожало.

- Пожалуйста, Боже, прекрати! - пронзительно закричала я.

Он хлестнул меня по пояснице, и я думала, что сейчас упаду в обморок.

- Нет... не Боже. Попробуй еще раз.

На мое измученное тело посыпался целый поток ударов. Я стонала и дрожала. Изогнувшись, я пыталась дотянуться до кровати, чтобы ослабить свои оковы.

- Хозяин, - крикнула я, - Хозяин!

Потом, вместе с силой удара, которым Калевб меня полосовал, до моего затуманенного рассудка дошло, что я выкрикнула это ужасное слово - Хозяин. Он победил. Я была неправа; но боль была не лучше. О, Боже, что угодно, только не боль.

- Наконец-то, - сухо произнес он.

- Однако я не думаю, что ты усвоила урок. И близко нет. Тебе еще многое предстоит искупить.

Никогда в своей жизни, я так сильно не плакала. Слезы капали на мою грудь. *Еще? Я больше не выдержу.*

- Пожалуйста, Хозяин. Умоляю, больше не надо.

Он остановился только для того, чтобы спустить мои трусики. Они настолько взошли от пота, что буквально прилипли к моей пылающей коже. Видя, как я часто дышу в свои связанные руки, он должен был остановиться. Должен был. А может он просто пытался убить меня?

Отбросив мои трусики в сторону, он дотронулся своими пальцами до красной полоски на моих ягодицах. Я застонала. Затем, поднявшись, он снова хлестнул меня ремнем по зад, издав влажный шлепающий звук.

- Намного лучше, - сказал он.

- И впредь, каждый раз, когда ты будешь чувствовать мой ремень, я хочу, чтобы ты говорила мне, почему ты его заслужила.

Ремень снова приземлился на мой зад, теперь уже с гораздо большей силой, наматываясь на мою плоть и задевая местечко между ног. Впившись пальцами в железный столб, и прижимая свое лицо к сгибу локтей, я до крови кусала губы. Мой мозг в тот момент работал не так быстро, чтобы незамедлительно ответить ему; все, что я могла делать - это кричать, и умолять его остановиться.

- Еще одна попытка, - сказал он и еще раз хлестнул меня под коленями.

- Прости, что ударила тебя, - вопила я; это единственное, что пришло мне на ум.

- Что ударила тебя ... *кто*? - прорычал он.

Удары сыпались на меня так быстро, что я потеряла им счет. Дернувшись, я закричала от боли, от впившихся в руки веревок.

- Что ударила тебя, Хозяин. Прости меня.

Это была игра, и сейчас я это начала понимать. Когда я забывала обращаться к нему - Хозяин, он хлестал меня еще несколько раз; в противном случае, я получала только один удар.

К тому моменту, как все закончилось, мое горло болело, тело горело, а слово Хозяин произносилось быстрее, чем скатывалась слеза. Мои волосы рассыпались по плечам, намочив от пота, которым я была покрыта с головы до ног. Мои колени перестали меня держать еще во время экзекуции, поэтому я повисла на руках, с трудом втягивая в себя воздух. Он тоже дышал с трудом.

Увидев, как он достал из своей сумки щетку, я всхлипнула.

- Пожалуйста, не надо... Хозяин, больше не надо, умоляю.

Мой голос был тихим, но он меня услышал.

- Шшшш, зверушка.

Расчесав мои волосы и собрав их в узел на затылке, он дал мне воды - столько, сколько я хотела. Большая часть ее проливалась на мое тело, и от этого мне было так хорошо, что, казалось, я делала это нарочно.

Пока он меня развязывал, дрожь прекратилась.

По сути, он только отстегнул цепь от браслетов и развязал мои локти, но как только это произошло, на меня обрушилась новая порция боли. Рухнув на пол, я перекатилась на живот. Ворс ковра натирал мою кожу. Я вскрикнула от ощущения его пальцев на моей израненной плоти, когда он стал поднимать меня.

Плед, на который Кaleb положил меня, ощущался совершенно иначе. Он казался прохладным, и я перевернулась, поднимая зад кверху. Мне было плевать на то, как я сейчас выглядела. Мне было плевать на пристойность и на стыд.

Сжалившись надо мной, он опрыскал мое страдающее тело водой, отчего я протяжно застонала.

- Сейчас тебе будет немного больно, но я обещаю, что когда я закончу, тебе станет легче.

Мое тело напряглось. Я сжала ягодицы, до смерти боясь, что он еще не закончил свои издевательства с ремнем. И вздрогнула, когда его пальцы коснулись моей израненной плоти.

Когда он стал обмазывать меня прохладным кремом, мне было так приятно, что я стала лгнуть к прикосновениям его рук. Я была уверена, что в некоторых местах моя кожа кровоточила. Мне хотелось плакать, когда он закончил, но я не стала.

Кaleb лег рядом со мной, вплотную приблизив свое лицо к моему, но я не отвернулась. Я смотрела ему прямо в глаза. И когда он улыбнулся, он казался теплым, манящим, и даже милым. Так или иначе, и несмотря ни на что, эта улыбка напомнила мне о нашей первой встрече.

Я закрыла глаза. Вымотанная, я снова провалилась в сон. И на этот раз, фантазиям в моем сне, места не было.

Глава 5

Закрыв за собой дверь, отделявшую его от девушки, Кaleb запер ее, и, положив ключ в карман, приложился к ней лбом. Перед его глазами вновь возник образ ее тела, лежащего лицом вниз на кровати и исполосованного ремнем от плеч до лодыжек. Ему безумно хотелось провести языком по каждой, высеченной им, полосе, не оставляя ни единой части ее тела нетронутой.

Услышав через дверь ее приглушенный плач, по его телу пробежала странная дрожь. Внутренности стали сжиматься от напряжения, которое постепенно разрасталось по телу, туго натягивая все его мышцы.

Вытянув руки, он до хруста сжал ладони в кулаки, после чего, расслабляя, потер костяшки пальцев, пытаясь таким образом снять с себя напряжение. Три часа утра. Он был возбужденным, потным, и нуждающимся в чем-то - возможно, даже в женщине.

Отвернувшись от двери, он перевел свой взгляд, туда, где мягкое приглушенное сияние огоньков освещало пространство.

Калебу нравился этот дом. И с каждой неделей, проведенной в нем, он нравился ему все больше. По рассказам, раньше на этом месте располагалась тростниковая плантация, пока мексиканская революция не положила конец эксплуатации рабского труда. И теперь, на некогда буйно засаженном растениями месте, образовался пустырь, на котором и стоял этот самый дом.

Его владелец потратил не одну сотню тысяч на ремонт, вплоть до затрат на проведение электричества по всему периметру, но даже, несмотря на это, многое в нем оставалось незавершенным. Большая квадратная кухня выглядела так, словно вот-вот развалится, хоть в ней и проскальзывали нотки современности. Старая печь здесь соседствовала с ультрановой микроволновкой, в то время как, под электрической плитой, пол был устлан керамической плиткой еще тех времен. Фактически, единственной, полностью отремонтированной комнатой в доме, была спальня, и именно ее он сейчас и занимал.

На заднем фоне, до него все еще доносился плач девушки, казалось, что звуки ее рыданий в его ушах, становились только громче. Когда он закрыл глаза, в его сознании тут же всплыло воспоминание о ее раскрасневшемся теле, привязанном к столбу кровати - открытом и полностью находящемся в его власти.

Выдохнув, Кaleb поправил штаны. Возможно, ему стоит наведаться в бар, что располагается чуть выше по улице, и найти себе более гостеприимную женщину, чтобы отвлечься от девушки за запертой дверью. Запустив пальцы в волосы, и снова протяжно вздохнув, он проследовал на кухню.

Подойдя к холодильнику, он открыл его дверцу, и на него хлынул поток прохладного, вязкого воздуха, который приятно охлаждал его кожу. Сейчас, каждое нервное окончание в его теле, находилось в состоянии боевой готовности. Даже его одежда, при каждом движении, добавляла дополнительное трение.

Подпирая дверь холодильника локтем, Кaleb наклонился и обхватил своими пальцами бутылку *Dos Equis*. Конденсат, образовавшийся на бутылке, мгновенно напомнил ему о поте. И он снова подумал о девушке, и о других девушках, его бывших рабынях; ему никогда не надоедал их солоноватый вкус, и их сладко пахнущие взмокшие тела. Только женщины могли похвастаться этим. Только у них

была способность выглядеть так чертовски сексуально, что хотелось начисто вылизать их, тогда как сами они, считали себя грязными.

Закрыв глаза и прислонившись лбом к морозильной камере, он снова позволил себе раствориться в примитивных чувствах, которые секунда за секундой все больше заполняли его тело. Кaleb слегка улыбнулся себе, прежде чем эта улыбка успела соскользнуть с его лица. Открыв глаза, он отошел от холодильника и бесшумно закрыл его.

Он победил, и она подчинилась. Пусть пока и маленькая победа, но начало было положено.

Открыв бутылку с пивом, позволяя металлической крышке со звоном упасть на гранитную столешницу, Кaleb поднес ее к губам. Крепкая, холодная, газированная жидкость устремилась вниз по его горлу, рассеивая жар его тела.

Сейчас, не было никаких сомнений в том, что, ему было очень хорошо. Кaleb чувствовал себя всемогущим, потому что в этой жизни не было ничего важнее силы. Даже девушка, казалось, знала это, иначе она не стала бы бросать ему вызов на каждом шагу.

Удерживая в своих руках бутылку, Кaleb облокотился о столешницу. *Девушка была абсолютно сумасшедшей*, подумал он. Уголки его губ изогнулись в усмешке, грозившейся расплыться в широкую улыбку. Если бы она только знала, с кем имеет дело, она бы не стала так сильно провоцировать его.

Девчонка была настоящей драчуньей. Он поморщился, вспомнив, как ее колено столкнулось с его шарами. *Блять!* Ей повезло, что он в ту же секунду не перекинул ее через колено и не отхлестал ремнем по заднице. Хотя, с другой стороны, поступи он именно так, инцидента с едой можно было бы избежать.

С губ Калеба сорвался короткий смешок, вспомнив выражение ее лица, когда он сказал ей называть его Хозяином. В тот момент, ее взгляд был красноречивее любых слов.

Он собирался сломать ее до основания, чтобы потом создать заново. Этот вызов был, по меньшей мере, интригующим, и, сказать по правде, совершенно неожиданным.

Внезапно, улыбка Калеба исчезла. Он уставился на капли воды, медленно скользящие по бутылке, которые свисали с его пальцев, словно цепляясь за них из всех сил, старались спасти себе жизнь, прежде чем упасть вниз.

Выпрямившись, он сделал большой глоток.

Да, он мог сломать ее и создать заново - для Владэка. Она была лишь инструментом мести в его с Рафиком руках. Через нее, они как можно ближе подберутся к этому ублюдку, чтобы убить его.

Поэтому, ему нужно было положить конец ее бунтарскому поведению, а не наслаждаться им. Вытащить из нее сущность сабмиссива, которую он в ней разглядел. Сабы живучие.

В некоторой степени, Кaleb недооценил эту девушку. Все эти несколько недель, что он наблюдал за ней, она вела себя как хамелеон. Она ввела себе в привычку, носить, в районе, в котором жила, только неженственную, бесформенную одежду. Сначала Кaleb подумал, что это была просто дань моде, но вскоре усомнился в этом,

особенно после того, как стал замечать ее на территории школы в кокетливых юбках и ярких футболках.

После этого, он уже знал наверняка, что эта девушка понимала, насколько важно подстраиваться под окружающую ее действительность. Она знала, что жила в мире, которым правили мужчины, и вела себя соответственно. Это было важно, для девушки в ее положении, а тем более при ее нынешней ситуации.

Для своих родителей она должна была оставаться девочкой-подростком, о которой не следовало беспокоиться, так как она не носила ничего вызывающего, что могло бы привлечь молодых ребят с бушующими гормонами. В своем районе она была невидимкой, девушкой, не представляющей никакого интереса. Но внутри - кем бы она ни была - она оставалась собой. И свою истинную натуру, она предпочитала прятать под маскировкой. Поэтому, выбор ее в качестве рабыни казался неизбежным.

Она была единственной, кто сама бросилась к нему в руки, хотя он и не совсем понимал, почему. Тогда, в тот день на остановке, во время их странного столкновения, он уже знал, что должен обладать ею. Она произвела впечатление на него; поэтому будет производить впечатление и на других.

Возможно, он допустил ошибку, выбрав девушку, привлекательность которой была не нарочито яркой. А между тем, ее тайна успела притянуть его ближе, и сейчас он уже чувствовал себя все более связанным, и все более вовлеченным. На миг, ему даже показалось несправедливым, что Владэку предназначался такой ценный подарок.

Развернувшись, он облокотился о столешницу, край которой впивался ему в спину. Одной рукой ухватившись за край стойки, а другой, держа бутылку и продолжая пить, он чувствовал, как каскадами, каплями стекающая на его руку вода, быстро охлаждала его вены.

От этой девушки зависело многое, так же как и от него самого. Помимо своей собственной мести, он, кроме всего прочего, не мог подвести Рафика. Владэк Рострович должен был умереть. В этом, их с Рафиком мнения, никогда не расходились. Но кроме мыслей о том, как реализовать каждый свой шаг, Калеба мучило что-то еще.

Сделав еще один глоток и прополоскав свой рот, он сглотнул, чувствуя, как пиво спускается ниже.

Разрушение жизней - было излюбленным занятием Калеба, в этом он был профессионалом, жизнь этой рабыни, ничем не отличалась от жизни других. Или отличалась?

Осушив бутылку, он лишь распробовал вкус, и ему захотелось еще. Повернувшись, он промыл ее, наблюдая, как вода заполняет и выливается из бутылки.

Девушка действительно жутко боялась его; в этом он был абсолютно уверен. И Калеб должен использовать это в своих интересах.

Под его руководством она пройдет через все, что ей понадобится для того, чтобы выжить. Она примет ситуацию, в которой оказалась, и сделает все от нее зависящее, инстинктивно отыскивая крупицы хорошего во всем плохом, независимо от того, как долго это все продлится. Она, несомненно, будет пытаться противостоять ему, но он научит ее полагаться, только на себя.

Несмотря на допитую бутылку, которая никак на него не подействовала, он все еще чувствовал себя беспокойно. Поэтому, снова подойдя к холодильнику, он взял вторую, повторяя все по новой. Еще один похожий вкус, еще один глоток, но жажда только усиливалась.

Его сознание заполнилось новыми мыслями. Что он будет делать с девушкой, когда все закончится?

Он стоял неподвижно, вслушиваясь в звуки дома, и пытаясь разобрать хоть какие-нибудь признаки его рабыни, но за закрытой дверью была полнейшая тишина - ни рыданий, ни плача, ни каких-либо отчаянных воплей. Скорее всего, девушка заняла выжидательную позицию, и просто ждала своего часа.

Подойдя к столу, Калев бесшумно выдвинул стул. Пройдясь взглядом по комнате и сделав еще один глоток пива, он, наконец, сел.

Что бы он сделал с девушкой, которая никогда не будет доверять ему?

Отпив, Калев поставил бутылку на стол и поудобнее устроился на стуле. Запрокинув голову назад и глубоко вдохнув через нос, он закрыл глаза.

Калев не знал, что такое заботиться о женщине, потому что ему никогда не приходилось проводить так много времени с одной и той же пленницей. За последние двенадцать лет, он очень много слышал о любви, но сам никогда не испытывал тех чувств, о которых рассказывали люди.

Он стал рассеянно водить пальцами по горлышку бутылки.

Единственным человеком, к которому он чувствовал какую-либо привязанность - был Рафик, но он сомневался, что это можно было назвать любовью. Калев понимал Рафика, понимал его гнев и его жажду мести. Он мог бы доверить ему даже свою жизнь. Без этого человека, который указал ему цель в жизни, Калев был бы потерян, и за это он уважал его. Но могло ли понимание, доверие и уважение приравняться к любви? Калев не знал ответа на этот вопрос.

Рафик научил его писать и читать, говорить на пяти языках, соблазнять женщин, быть невидимым при свете дня, убивать, но не любить.

Он снова откинулся на спинку стула, и сделал еще глоток, после чего, переставив бутылку на другое место, устался на кольцо воды, оставленное на гладкой лакированной поверхности стола. Наклонившись, он провел по нему рукой, образовывая две длинные полупрозрачные полосы, которые протягивались вдоль всей гладкой и пустой поверхности стола и при соединении его пальцев, вливались одна в другую.

Несколько лет назад Рафик встретил девушку, которая впоследствии, стала его женой и подарила ему двух сыновей. Калев никогда не встречался с ними, но не потому, что он этого не хотел, просто он понимал свою роль в жизни Рафика.

Несмотря на проявление глубокого уважения, и приложение Рафиком соответствующих усилий для становления Калеба, как мужественного и сильного человека, он никогда не был частью его семьи. И Калеба никоим образом это не смущало, эти границы были четко определены и постоянно поддерживались с самого начала.

Хотя, пожалуй, бывали моменты, когда к семье Рафика он испытывал что-то похожее на ревность. Однако, Кaleb утешал себя тем, что с Рафиком их связывало нечто более глубокое. Их объединяла жажда мести.

Он был равным ему партнером, с которым они вместе платили по старым счетам. Поэтому для Калеба, было совершенно нормальным ничего не знать о жизни семьи Рафика. Да, он едва ли помнил о своей собственной.

Было много вещей, которых Кaleb не мог вспомнить: свой день рождения, возраст, и даже свое настоящее имя. Не то, чтобы это особо его волновало, но порой у него возникало стойкое желание узнать, где он родился, и происходило это, лишь по одной простой причине: чтобы больше никогда туда не возвращаться. Поэтому каждый раз, отправляясь в Штаты, эта маленькая деталь внушала ему противоречивые чувства.

Что, если у него была мать, которая думала, что он мертв? Мысль, что когда-нибудь она увидит его и узнает в нем своего сына, была его личным кошмаром. Потому как, ее похищенному ребенку, определенно предназначалась смерть, и Кaleb предпочитал, чтобы именно так она и думала.

Бутылка каким-то образом снова опустела, но продолжала покоиться в его руке, все еще оставаясь прохладной на ощупь. Поднявшись с места так же тихо, как и сел, он, молча, прошел в другой конец кухни.

Ополаскивая бутылку, он слушал мягкие звуки *поглощающего* воду слива раковины. Закончив, он взял мягкое полотенце, и вытер все доказательства своего присутствия. Ему не нравился не тот факт, что он не забывал, а тот, что он вспоминал.

Сейчас, ему нужен душ и много пива. Ведь вернувшись в сухой, запретный для алкоголя Пакистан, ему будет очень не хватать его, как лучшего средства для избавления от незваных сюжетов из прошлого. Оставалось только надеяться, что бар в этой дерьмовой части города, был все еще открыт.

Оказавшись в своей комнате, Кaleb снял с себя одежду и зашел в ванную, чтобы принять душ. Установив нужную температуру воды, от которой всю комнату тут же заволочло паром, он, наконец, встал под горячие струи, подставляя под них свое лицо.

Вода омывала его обнаженное тело, слегка ошпаривая кожу, но Кaleb был не против легкой боли. Он никогда не признавался себе в этом, но временами, у него возникала острая потребность как причинять боль, так и испытывать ее самому.

Кaleb вновь представил себе девушку, лежащую на кровати лицом вниз и с исполосованным ремнем телом, от плеч до лодыжек. Это было извращением, но от картинок, всплывающих в его голове, он почувствовал возбуждение.

Какая ирония.

Не в силах бороться с этим, Кaleb окунулся в их с Рафиком прошлое.

Владэк не всегда был таким богатым и влиятельным.

Когда-то, давным-давно, этот русский бандит был наемником и торговцем всего, что только можно было продать за деньги - наркотики, оружие, люди - ему было без

разницы. Путешествуя по всей России, Индии, Польше, Украине, Турции, Африке, Монголии, Афганистане, он, в один роковой день, оказался в Пакистане.

Мухаммед Рафик в то время был молодым капитаном Вооруженных Сил Пакистана, под предводительством ревностного Генерала. Война против Саддама Хусейна, названная американцами "*Буря в Пустыне*" была в самом разгаре, и Рафик был призван содействовать силам коалиции на суше.

Рафик, чей отец не так давно ушел из жизни, предпочел остаться недалеко от своего родного дома, пока не устроит необходимое убежище для своей матери и сестры, но этому не суждено было сбыться. Генерал жаждал получить звание, а этому могло поспособствовать только участие в войне. Поэтому, отсутствие Рафика было делом неизбежным, которое, в конечном счете, повлекло за собой катастрофические последствия, потому как во время его двухлетней отлучки, Владэк положил глаз на сестру Рафика, Ануд.

К моменту возвращения Рафика домой с радостными известиями о получении им звания подполковника, его мать уже как полгода была убита, а сестра числилась в списке пропавших без вести. Чувствуя на себе ответственность за произошедшее, Рафик бросил все имеющиеся в его распоряжении ресурсы на то, чтобы выяснить личность убийцы своей матери.

Идя по каждому следу и хватаясь за любую новость, он пытался убедиться в том, что его сестра все еще жива. Рафику потребовалось долгих три года, чтобы услышать имя Владэк Рострович.

Как оказалось, после убийства матери Рафика, этот человек похитил его сестру Ануд, но, вероятно, вскоре та ему надоела, и он отдал ее в публичный дом, который, как позже выяснил Рафик, располагался в Тегеране.

Рафик сразу же отправился туда, но к моменту его приезда, она также, как и его мать, давно уже была мертва. Надежда найти ее живой, рассеялась как пепел на ветру, а жажда мести лишь росла и становилась все сильнее и могущественнее. Он собирался сжечь дотла этот публичный дом, убить каждого клиента, оставив напоследок владельца заведения. И ему было все равно, что потом его отдадут под трибунал и приговорят к смертной казни - он осознанно шел на этот риск.

Но затем, он услышал душераздирающий крик, отражающий силу его собственных страданий. Пойдя на голос и открыв дверь, он увидел картину, которая в дальнейшем изменила все его намерения: в крошечной тьме сидел окровавленный, грязный, дрожащий, одичавший мальчуган, которому отчаянно нужен был врач.

Хозяин мальчика, называл его *Кальб* - *Пес*. Рафик, терзаемый отвращением, и муками утраты, узнал в глазах этого мальчика взгляд маленького Пса. Это был взгляд, выражающий всю боль чудовищной несправедливости. Эти глаза жаждали смерти, которая никак не наступала.

Рафик предложил его владельцу купить у него мальчика, на что тот предупредил, что *Кальб* почти при смерти, и если он все-таки умрет, Рафик не получит свои деньги обратно. Согласившись с условиями и осторожно обернув израненного, хныкающего *Пса* в простынь, он тут же отвез его в больницу.

Поначалу, *Кальб* был крайне недоверчивым, и все время сомневался в том, что Рафик не собирался брать у него то, что раньше брали у него насильно. Частенько нападая на Рафика, нанося удары, царапаясь и неистово брыкаясь, он не заботился о

том, как сильно в такие моменты мог пораниться сам. Рафик сочувствовал ему, но не желал становиться объектом неугомонных нападок обозленного подростка. Поэтому, чтобы успокоить *Пса*, Рафику периодически приходилось прибегать к силе, чтобы тот успокоился. Но так продолжалось до тех пор, пока Рафик не дал ему попробовать то, чего так жаждал мальчик, и что принесло *Псу* нечто иное, чем постоянное чувство страха.

Под покровом ночи он впервые убил человека. Это было так легко и так быстро.

Пока Рафик стоял на страже у двери, *Пес* выстрелил и убил человека, который мучил его большую часть его жизни. Стоя над телом, Кальб любовался огромной дырой, проделанной в голове Нарви. В своей руке он держал 44 Магнум, который Рафик позволил ему взять для этого события.

Этот револьвер был преподнесен Рафику американским офицером, в качестве выражения благодарности за то, что тот спас ему жизнь. Рафик сказал, что это пушка "Грязного Гарри", но *Пес* не знал этого человека. Он знал только, что эта чертова штукавина, своей силой отдачи, повалила его на землю. И из-за этого, он пропустил зрелище, как взрывалось лицо Нарви, и успел увидеть только последствия выстрела. Кем бы ни был этот "Грязный Гарри", *Пес* восхищался его оружием.

Позже, тем же вечером, Рафик передал владение этой пушкой мальчику, и рассказал ему историю о том, как он нашел его в Тегеране. Рафик так же поделился с ним трагической историей о своей матери и сестре, и о тщетности попыток отыскать Владэка, но что было самым главным - он поведал ему о своем неумном желании отомстить.

К моменту окончания его рассказа, образовался крепкий союз, у которого была одна общая цель, а все остальное больше не имело значения. В тот же вечер, мальчик признался, что не помнил другого имени, кроме имени *Пса*, и Рафик переименовал его в *Калеба*, что означало верный ученик.

Калеб моргнул; вода на его коже уже остыла. Выйдя из душа, он чувствовал себя так, словно и не принимал его вовсе.

С той самой ночи в Тегеране, прошло двенадцать лет. *Двенадцать лет*. Последние пять из которых, он задавался вопросом, почему он поступал так, а не иначе.

В самом начале, когда он был молодым парнем в тени могущественного армейского офицера Пакистана, их постоянно преследовали кривотолки об их отношениях и прошлом Калеба. Жизнь преподносила свои уроки неожиданно, хотя, сейчас, став взрослым мужчиной, он понимал, что некоторые из этих уроков были неизбежны.

Как это было в один из дней, когда Рафик учил Калеба, каким способом нужно было навсегда подавлять слухи. Это было сложнее, чем убить Нарви, но легче, чем ему казалось в начале. Мужчины, говорящие о таких вещах были нехорошими людьми, и это обстоятельство облегчало ему задачу - убить их.

Но, несмотря на такие жесткие меры, он продолжал замечать перешептывания, снисходительные улыбки и испытующие взгляды, что в очередной раз доказывало ему, что не все верили в его побуждения, и истинную природу их отношений.

В криминальном мире за уважение приходится платить весьма высокую цену, тем более, когда речь заходит о Ближнем Востоке, особенно для такого жителя Ближнего Востока, как Калев.

Рафик постоянно напоминал ему о том, что нельзя допускать ничего половинчатого; либо все, либо ничего. И если у Калеба была хоть одна возможность найти Владэка, то ему нужно было проникнуть в его мир. Так и началось его путешествие в мир обучения секс - рабынь.

Отбросив полотенце в сторону, и пройдя через всю спальню, минуя свою кровать, он подошел к огромным окнам. Отодвинув штору, он посмотрел через стекло. Звезды, темный горизонт; черная пелена ночи и луны, не желающая показываться на небосводе.

Это путешествие было не из легких. Гораздо проще было убивать виновных мужчин, чем продавать невинных девушек. Это было обучение бессердечности, целеустремленности, и выбор пути, который предусматривал уничтожение человеческой души. Но, несмотря ни на что, Калев решил на это.

Сначала, он обучал девушек вместе с Рафиком, потом стал заниматься этим в одиночку. И с каждой проданной на аукционе рабыней, Калев зарабатывал себе авторитет в этом грязном мире торговли удовольствием.

С каждой одобрительной оценкой богатого, влиятельного и ведущего двойную жизнь бизнесмена, который хвалил мастерство Калеба, он глубже проникал в недра элиты преступного мира. С каждым своим успехом, он все глубже проникал во тьму, и, как он надеялся, ближе подбирался к Владэку.

Но проходили годы, а Владэк оставался неуловимым. В то время как сам Калев все больше становился вовлеченным в мир, который так хотел уничтожить. С каждым разом, он подбирался все ближе к его сердцу, пока однажды, оглянувшись назад, не понял, что уже не видел обратного пути. Ему хотелось выйти.

Прошло так много времени без единой вести о Владэке Ростровиче, о том, куда он пропал и что с ним случилось. Казалось, что жажда мести Рафика никогда не унималась, и порой Калев задавался вопросом, не переросла ли она во что-то более похожее на привычку. Калев уже хотел рассказать Рафику о смятении, поселившимся в его душе. Но, как назло, именно в эти дни, через семь лет после того, как Рафик вытащил его из публичного дома, кто-то узнал Владэка Ростровича в Дмитрие Балке, ныне находящимся на двадцать шестом месте самых богатых людей мира.

За эти семь лет, Владэк стал состоятельным, обзавелся необходимыми привилегиями и властью. Он использовал ресурсы, полученные нелегальным путем для финансирования своих вполне законных стремлений. Сейчас ему уже принадлежала большая часть стального бизнеса по всему миру, существенная территория с богатыми нефтяными месторождениями в России, алмазные месторождения в Африке, и контрольные пакеты акций в крупнейших европейских компаниях для того, чтобы заставить весь мир закрыть глаза на его более чем сомнительное начало жизненного и профессионального пути.

Его хорошо охраняли и он никому не доверял. И если у Калеба и была хоть малейшая возможность оставить ту жизнь, которую он сам себе создал, то в эту секунду она бесследно испарилась. У них с Рафиком снова появилась одна цель, одно

стремление. И они пожертвовали бы кем и чем угодно, для достижения самой главной в их жизни задачи.

Калев зашел слишком далеко и сейчас он собирался довести начатое до самого конца. Это было самое малое, чем Калев был обязан Рафику. Но спустя двенадцать лет постоянного напряженного ожидания, не только месть толкала Калеба в эту тьму. Это была еще и бессмысленная надежда, что где-то там, в непроглядной темноте, он, действительно, отыщет некий свет.

Опустив шторы, и убирая с глаз скучный вид, он в который раз вернулся мыслями к своей рабыне, заточенной в комнате, находящейся по ту сторону большой гостиной, дальше по коридору от его комнаты.

Ее роль была гораздо важнее, чем она могла себе представить. И когда-нибудь, он тоже будет обязан ей. Но сейчас, он нуждался в ней.

К Владэку было не так-то просто подобраться, особенно сейчас, когда он был в обличье миллиардера Дмитрия Балки. Ему понадобилось пять лет, чтобы вернуться к своим истокам - торговле рабынями.

Калев покрутил головой, и поморщился, когда мышцы его плеч сокращаясь, снова вернулись в прежнее напряженное состояние. Он подошел к шкафу.

После двенадцати лет планирования, манипулирования и проникновения в нужные круги, наконец, наступал момент, которого они с Рафиком так долго ждали. Через четыре месяца, в Пакистане состоится "*Захра Бай*". Первый этап пройден.

По факту, он не был уверен в том, что девушка была девственницей, но он это обязательно выяснит. Иначе, произойдет серьезная заминка, если на "Аукцион Цветов" он выставит девушку "без цветка", но Рафик заверил его, что ее национальность в паре с ее красотой - если верить Калебу на слово - поднимет ее статус как самой желанной рабыни на аукционе.

Наполовину одевшись, Калев натянул рубашку от Agmani и начал застегивать пуговицы ловкими пальцами.

Сначала, он не соглашался с Рафиком в том, что нужно было искать именно американку, с их то распушенными нравами и фирменным упрямством. Но сейчас, уже ощутив некоторое ее своеобразное обаяние, Калев должен был признать, что Рафик прав. Эта девушка была необычной, уникальной.

Подняв руки, он закончил застегивать рубашку, оставляя несколько верхних пуговиц расстегнутыми. После чего, занялся рукавами.

Когда - не если - Владэк станет повышать на девушку цену, он может спросить о ее наставнике. Вот тогда и наступит тот самый момент: Калев предложит Владэку девушку в качестве подарка, в знак уважения, после чего с его стороны незамедлительно последует предложение о встрече. Именно с того момента, все и будет зависеть от впечатления, которое он сможет произвести.

Владэк будет очень впечатлен не только девушкой, но и им. Настолько впечатлен, что предоставит Калебу доступ в свой узкий и избранный круг общения. И он проникнет туда; и найдет способ лишить Владэка всего, что тот любит, и о чем заботится, после чего убьет его. Но смерть Владэка не будет такой быстрой, как у Нарви. Он не станет второпях стрелять ему в лицо своим 44 Магнум. Калев и Рафик

ждали двенадцать лет, чтобы почувствовать вкус своей мести, и они собирались насладиться ей сполна.

В то же время, Калевб ожидал, что его рабыня будет вести себя согласно своей природе, начнет выживать. После того, как все закончится, каждый из них пойдет своей дорогой.

Полностью одевшись, он взял длинный ключ из заднего кармана снятых штанов и переложил их в эту пару. Затем, пробежавшись пальцами по волосам, Калевб оценивающе посмотрел на себя в зеркало. Его ресницы были слишком длинными, а губы слишком полными, да и, в общем, все его лицо противоречило его неоспоримой мужественности. Он был чертовски... симпатичным, и это всегда было для него проблемой. Если бы у него был хоть какой-нибудь физический недостаток - хоть малейший - вся его жизнь, возможно, сложилась бы иначе.

Направляясь к двери, он взял с собой револьвер "Грязного Гарри"; ему нужно было ощущать наличие холодного, тяжелого металла, чтобы напоминать самому себе о том, что он больше не был "симпатичным".

Схватив пиджак, он надел его, и поправил кобуру. После чего, не оглядываясь назад, и бесшумно закрыв за собой дверь, он прошел по коридору, мимо старого дивана, направляясь к входной двери.

В это время суток, тусклое освещение огней дома служило только для предостережения. Никто не знал, что они были здесь, за исключением тех, кто был в связке с Калевбом, но им он доверял меньше, чем незнакомцам.

Приближаясь к выходу, его глаза снова замерли на двери, ведущей в спальню девушки. Он проведет с ней шесть недель. Шесть недель, чтобы заставить ее понять все, что он будет требовать от нее. После чего, они отправятся в Пакистан, где их встретит Рафик.

Учитывая его неуступчивую натуру, он будет менее добрым к ней, если она не станет выполнять все по одному его приказу. Владэк и подавно. Она должна быть готова приспособливаться и выживать.

Калевб прошел через прихожую, мягко постукивая обувью по керамическому полу. Открыв дверь, его тут же окутал ночной мексиканский воздух. Он задержался на пороге.

Внезапно, ощутив себя не возбужденным, не голодным и не похотливым, на мгновение, ему захотелось остаться. Но он знал, что ему нужно, поэтому вышел.

Ночной воздух был теплым, но комфортным, и некоторое чувство тревоги стало понемногу отступать. Немощенные, грязные улицы этого района казалось, опустели. Из маленьких, бетонных и деревянных соседских домов не доносилось ни единого звука.

По дороге, Калевб слушал мягкий, почти неразличимый глухой стук своих шагов по утрамбованной дорожной пыли. В тишине ночи слышались сверчки, неутомонно потирающие лапки, что казалось, вливалось в некий гул, сопровождаемый звуками его шагов.

Чем дальше Калевб шел по дороге, тем меньше он слышал стук своей обуви о дорогу, пока они окончательно не утонули в звуках музыки и шума. Бар в этой дерьмовой части города, был действительно открыт. Уголки губ Калеба изогнулись в улыбке.

Глава 6

Снаружи шел дождь. Я его слышала.

Сделав глубокий вдох, я медленно открыла глаза, забыв на мгновение, где нахожусь, но потом, ко мне снова вернулась, теперь уже привычная для меня, грусть.

Я точно не знала, какой день недели сегодня был. Он всегда держал меня во тьме, где единственным источником света был ночник, тусклые лучи которого помогали мне передвигаться в маленьком пространстве своего заточения. Я не знала, почему он поступал так со мной. Если, таким образом, он пытался дезориентировать меня, то у него это получилось.

Раньше, я никогда не понимала, как чувство потери времени может посеять хаос в понимании реальности, и как можно потеряться в бесконечной тьме и незаметно утекающих часах. Сейчас же, я испытывала это на себе.

Я много думала о доме, о своей матери, и о том, что она, возможно, переживала... или не переживала. Возможно, она сожалела о том, что за все это время, она ни разу не сказала мне, что любит меня. И о том, что никогда не заключала меня в свои теплые материнские объятия, в которых я так отчаянно нуждалась. Но теперь, было слишком поздно. Я задавалась вопросом, располагали ли они хоть какой-нибудь информацией о том, где я нахожусь, или полиция уже сообщила моей матери, что надежды на то, чтобы отыскать меня, не было.

Я вела свой отсчет времени - по периодичности пищи, которую мне давали. И по моим подсчетам, с тех пор, как я попала сюда, я съела шесть завтраков.

Мне хотелось вернуться домой.

С момента моего первого жестокого наказания прошло несколько часов, может, даже суток, или больше, но после этого, отношения с моим мучителем, стали несколько иными. Пока я спала, он провозгласил себя хозяином моей судьбы, и мне ничего не оставалось делать, кроме как позволить ему это.

На следующий день после моего наказания, открыв глаза, я увидела Калеба, входящего в мою комнату и держащего в руках баночку холодного крема, которым в последствие, он обмазывал меня. Его лицо было серьезным, и лишенным малейшего намека на улыбку. Я сразу поняла, что не стоит испытывать его терпение. Не имея ни сил, ни желания двигаться, я лежала на животе, именно в том положении, в котором он меня оставил.

Моя кожа, от плеч до лодыжек, а особенно на попе, была болезненно стянута и жутко зудела. Всякий раз, когда я поворачивала голову, мои плечи ныли и горели. И эта боль распространялась ниже, до самых пальчиков ног.

Подойдя к кровати и возвышаясь надо мной, он глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Я подумала, испытывал ли он хоть капельку стыда за то, что сделал со мной.

- Ты можешь встать? - спросил он.

Его голос звучал отстранено, словно ему было наплевать на мой ответ.

- Не уверена, - прохрипела я, чувствуя, как на глаза стали набегать слезы.

- Мне больно, Хозяин.

Не поднимая головы, я надеялась, что он понял, насколько трудно это было для меня: обращаться к нему так, как он того хотел.

Его голос стал ниже и несколько мягче, - Уверен, что больно, но, кажется, это научило тебя хорошим манерам.

Сжав челюсть, я оставила его слова без ответа. Сейчас, спустя все эти дни, я с одной стороны - боялась, а с другой - с нетерпением ждала его появления, но только из-за разъедающего меня желания хоть на несколько минут разделить свое одиночество и окружающую тьму.

Сползая с кровати, я впервые за несколько дней не почувствовала этой жуткой, пронизывающей боли. Я осторожно встала, ощущая напряжение и сопротивление всех своих мышц, и поморщилась, от вновь прострелившей меня боли.

Все эти дни - не могу сказать точно, сколько их было, возможно три - после нашего первого жуткого противостояния, я провела лежа на животе, рядом с Калемом. Когда мне нужно было в туалет, он помогал мне подняться, и даже там, под предлогом моей беспомощности, ни в какую не оставлял меня одну. Он купал меня, кормил, кладя каждый кусочек пищи на мои губы так, чтобы я могла осторожно взять его с руки. Порой, я чувствовала себя подобно кукле.

Когда я сопротивлялась или проявляла нерешительность, один шлепок его ладони по моему голому зад, становился достаточным стимулированием к подчинению. Подчинение своей воли - вот цена, которую я платила.

Холодный крем втирался в мою кожу, как минимум, дважды в день, и это всегда будоражило во мне странные эмоции. Растирая крем по моей коже, он трогал меня. Хоть это и выглядело как бы случайно, но мне казалось, что он делал это специально, преднамеренно.

Он всегда начинал с лодыжек, отчего мне приходилось кусать свои губы, чтобы не выдать чистого удовольствия, которое дарили его руки. Никогда раньше, мне не делали массаж, поэтому я не могла сказать с полной уверенностью, требовалось ли уделять моим лодыжкам так много внимания.

Когда он прикасался ко мне, я чувствовала себя настолько хорошо, что забывала, что мне следует его бояться. Лежа неподвижно, я старалась не издавать ни единого звука, чтобы никоим образом не выдать того, как именно на меня действовала его помощь.

После лодыжек, он приступал к моим икрам, растирая их своими пальцами до тех пор, пока я долго и протяжно не выдыхала в подушку. И каждый раз, ему каким-то образом удавалось слегка раздвигать мои ноги, массируя настолько близко с моей промежностью, что я едва сдерживалась, чтобы не закричать "Остановись!"

Принимаясь же за мой зад, он почему-то всегда начинал разговаривать со мной. Думаю, он был бесконечно счастлив, ставя меня, таким образом, в неловкое положение.

А в один из дней, он и вовсе вогнал меня в краску, устроив мне неожиданный допрос.

- Значит, ты никогда не была с мужчиной.

Это было скорее утверждение, чем вопрос, словно он говорил о вещах, о которых уже знал наверняка. Я недоумевала, каким образом этот факт оказался столь очевидным.

- Нет, Хозяин.

- С женщиной?

Я быстро замотала головой.

- Нет, Хозяин.

Но я солгала. Прежде, я была с женщиной, даже не так, с девочкой.

Не знаю, можно ли это было считать за секс, но в основном, она позволяла мне прикасаться к ней и целовать ее. Ни я, ни Николь, никогда прежде, не были с парнями, поэтому думаю, что в тот момент, мы просто экспериментировали.

Ее кожа была розовой и нежной, и от нее всегда исходил легкий аромат ванили. Мне нравилось ощущать, как ее маленькие соски напрягались под моим языком, пока я нежно посасывала их, изредка покусывая зубами. Ее грудь была намного меньше моей, но это не делало ее менее прекрасной. Ее губы были совсем не такими, как у моего парня. Они были гораздо мягче, нежнее и приятнее. Я так и не успела полностью изучить ее.

Казалось странным думать о ней, в то время, как меня массажировал Калед. И пока мое тело таяло под его руками, а мой разум тонул в фантазиях, у меня между ног образовался небольшой комок напряжения, и буквально на секунду, мне захотелось, чтобы он тронул меня... *там*.

- Ты когда-нибудь прикасалась к себе?

Мое лицо тут же вспыхнуло, я отвернулась и спрятала его в свои руки, зарываясь в них, словно в подушку. На что он, разразился дразнящим смехом, но не стал принуждать меня к ответу.

Со временем, я стала привыкать к его помощи, считая ее скорее рутинной, нежели интимной. Но вот от другой вещи, мне все еще было не по себе. Нагота, было определено тем, к чему нужно было привыкнуть. Я была благодарна, что никто кроме Калеба не заходил в мою комнату, но даже в его присутствии мне было невероятно стыдно.

Любая одежда, была слишком неудобной, чтобы носить ее. И даже плед, когда-то казавшийся таким мягким на моем теле, сейчас ощущался, словно наждачная бумага. Мне даже не хотелось сидеть на нем, когда я принимала пищу.

Зайдя в ванную комнату, словно голая арестантка, я посмотрела на себя в зеркало. Мой синяк побледнел, и стал светло-зеленого цвета, припухлость с лица спала, вот только волосы, по-прежнему, оставались в беспорядке.

Я долго изучала себя. Кто была эта девушка, смотрящая на меня из зеркала?

Приподняв волосы, я стала внимательно рассматривать надетый на меня ошейник. Должна признаться, что эффект от него был впечатляющим. И сейчас, я больше напоминала себе экзотическую зверушку, пойманную в тропических лесах Бразилии.

В миллионный раз я спрашивала себя, для каких целей Калеб держал меня здесь. Каждый день, видя меня абсолютно обнаженной, он до сих пор не сделал ни единой попытки полностью воспользоваться моим уязвимым положением. Я была в его полной власти. Порой, казалось, будто он из всех сил старался сдерживать себя... и ему это всегда удавалось.

Просунув свой указательный палец в колечко спереди, я потянула - ошейник был пристегнут намертво. Браслеты на запястьях так же стали частью моего постоянного облачения, и они так же, как и ошейник, запирались на замок. Я могла бы попробовать срезать их, но в комнате не было ни единой вещи, с помощью которой, я могла бы это сделать.

Из-за своих "украшений" я чувствовала себя еще более обнаженной; они привлекали внимание к тому, что кроме них на мне *вообще ничего* не было.

Словно совершая часть своего ежедневного ритуала, я повернулась спиной, чтобы рассмотреть постепенно исчезающие, широкие отметины от ремня... но тут открылась дверь, и в комнату вошел Хозяин, держа в руках поднос с завтраком.

Шагнув из ванной, я наблюдала за тем, как он закрывал дверь ногой. Клянусь, этот мужчина никогда не спал. Я не знала, который сейчас был час, но в любом случае, мне казалось, что было слишком рано для того, чтобы успеть принять душ и одеться. Он всегда выглядел так, словно собирался идти на вечеринку, и ни разу не надел чего-нибудь повседневного или удобного. Кроме, конечно, того дня, когда мы с ним впервые встретились.

Когда он обратился ко мне, я подпрыгнула.

- Почему ты прикрываешься?

Обратив свой взгляд в пол, я не стала убирать руки со своей груди.

- Я голая, Хозяин, - ответила я дрожащим голосом.

Он поставил поднос на кровать.

- Я и раньше видел тебя голой. С чего это ты вдруг стала такой стеснительной? Опusti руки и подойди сюда.

Опустив руки, и сложив их перед собой, я направилась к нему. Когда я подошла, он, тяжело вздохнув, убрал их в сторону от моих гениталий.

- Не прикрывайся передо мной. Это просто смешно.

Я прикусила губу.

- Да, Хозяин, - почти шепотом произнесла я.

Я была в каком-то непонятном настроении. Сказать по правде, я чувствовала себя очень подавленной, да и кто бы чувствовал себя иначе, окажись в подобной ситуации? Злость, страх, смутение и одиночество - все это стало привычными эмоциями для меня. Но сегодня, в дополнении ко всему вышеперечисленному, я почувствовала что-то еще, и вопреки всякой логике, мне захотелось, чтобы Калеб.... понял меня. Мне хотелось, чтобы он сказал мне приятные слова, может, даже обнял меня. Слово "*странное*" не могло даже частично передать мое нынешнее настроение. Мне вдруг захотелось плакать, но вместо этого, я уставилась в пол, стараясь ни о чем не думать.

Глубоко вздохнув, он взял мое лицо в свои ладони, - У меня не так много времени, чтобы научить тебя, как нужно себя вести.

Я нахмурилась, услышав эти загадочные слова. *Что, черт возьми, это значит?*

- Я чувствую себя лучше, - прошептала я.

Хотя была абсолютно уверена, что выражение моего лица говорило об обратном.

От ощущения его мягких и теплых ладоней, по-прежнему удерживающих меня, мое сердце ускорило ритм. Его лицо, эти губы были так близки, чтобы подарить мне хоть чуточку спокойствия... или не достаточно близки.

- Нет никаких причин, по которым я не могу снова носить одежду.

Прошло несколько секунд, прежде чем, его синие глаза нашли мои карие, а его губы изогнулись в усмешке. Эту улыбку я уже достаточно хорошо изучила. Обратившись к нему, я забыла сказать Хозяин. Более того, я произнесла это в утвердительной форме, что могло звучать как приказ. Кажется, я вся съежилась, и думаю, это было именно то, чего он и ожидал.

Отстранившись от него, я мгновенно опустилась на колени у его ног, в надежде, что он сжалится надо мной и проявит великодушие к моим мольбам. Увидев, как он потянулся к пряжке своего ремня, мое сердце пустилось вскачь. Неистово замотав головой, я потянулась к его рукам, чтобы крепко взять их в свои ладони.

- Пожалуйста, не бей меня, - взмолилась я хриплым шепотом, вытирая слезы, которые начали градом сыпаться из моих глаз.

- Прости, Хозяин. Пожалуйста, не бей меня.

Издав звук, напоминающий собой раздраженное ворчание, он шлепнул меня по рукам, и откинул их от себя.

- Встань, - сказал он спокойным голосом, но я только крепче обхватила его ногу и заплакала.

Тяжело вздохнув, он грубо выдернул свою рубашку из брюк, и стал быстро расстегивать пуговицы. Я не знала, что пугало меня больше, мысль о том, что он будет снова меня лупить или то, что он раздевался. И когда он потянул меня за волосы, вынуждая таким образом, подняться на ноги, меня накрыло еще более сильное чувство дикого ужаса.

- Сними с меня рубашку.

Медленно открывая глаза, я слово за словом, переваривала этот приказ. Кажется, я была потрясена.

Из-за его высокого роста, я упиралась взглядом в его гладкую, загорелую грудь. Его дыхание ускорилось, отражая мое собственное. Возможно, было ошибкой говорить ему, что я чувствовала себя лучше. Возможно, именно мое болезненное состояние и держало его от меня на расстоянии последние несколько дней.

Мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться, поэтому положив свои руки ему на плечи, я осторожно потянула за ткань, пока она не соскользнула с него, и не упала на пол. Взяв мое лицо в свои ладони, он начал вытирать мне слезы.

- Ты все еще думаешь, что кусочек ткани поможет тебе защититься от меня?

Я устала на него умоляющим взглядом.

- Подними рубашку, - сказал он.

Медленно встав на колени, и продолжая смотреть на него, потому как он все еще удерживал мое лицо в своих руках, я кончиками своих пальцев подняла рубашку.

- Надень ее.

Он одарил меня широкой улыбкой, когда я одела рубашку. Она свисала мне почти до колен, а ее рукава были лишь чуточку короче.

- Посмотрим, - прошептал он мне на ухо.

Я вздрогнула.

Когда он повернулся и вышел из комнаты - как я думала, за другой рубашкой - я позволила себе облегченно вздохнуть от мысли о том, что он не стал меня наказывать. Начав застегивать пуговицы, я удивилась тому, как его запах заставил трепетать низ моего живота. Я была окутана его рубашкой, ароматом его тела. Это был первый раз, когда его присутствие дарило мне некое успокоение.

Не отказывая себе в удовольствии, я поднесла оба манжета к своему носу, и глубоко вдохнула. Это конечно нельзя было сравнить с объятиями, но все равно это дарило мне приятное чувство умиротворения. Мне нужно было убираться отсюда ко всем чертям, пока я окончательно не сошла с ума.

Он вернулся быстрее, чем я ожидала, и без рубашки. Мои глаза были не в состоянии отвести взгляд от его высокой, мускулистой фигуры, его тонкой талии, и маленькой дорожки волос, ведущей от пупка к поясу его дорогущих брюк.

Он завез тележку, а после принес стул, оставив его около двери. Я поморщилась, а все мое тело напряглось при воспоминании о той ужасной ночи. У меня не было ни малейшего желания заново пережить хоть один из эпизодов, произошедших тем вечером.

Я ничего не сказала, а лишь молча, подчинилась, когда он развернул меня, и, соединив вместе мои запястья, зафиксировал их за моей спиной. На этот раз Кaleb мог быть уверен, что я не стану забирать у него пищу; не то, чтобы у меня было большое желание делать это. На самом деле, я была не очень голодна... мне было просто грустно.

Было сложно притворяться, что мне хотелось есть, когда в голове до сих пор прокручивались ранее произнесенные им фразы. Пока он кормил меня завтраком, я сидела перед ним на коленях, со сцепленными за спиной руками. Он часто улыбался, но не все время, и был очень холоден, и расчетлив. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что все, что он делал - даже улыбался - он делал ради какой-то тайной цели.

Я снова вспомнила его слова, когда он сказал, что у него было не так много времени на то, чтобы научить меня. Чему я должна была научиться? И когда мы собирались начать? Планировал ли он, когда-нибудь отпустить меня? Смогу ли я вообще все это пережить?

Он был красавцем, никто не мог отрицать этого, тогда почему? Почему он брал женщин силой, когда, очевидно, мог запросто получить любую без принуждения? Уж больно все это напоминало фильм *"Целуя девушек"*.

Я отвернулась, когда он попытался скормить мне еще одно яйцо.

- Не голодна?

Я замотала головой.

- Нет, Хозяин.

- Прекрасно. Я доем за тебя.

Мне хотелось поговорить с ним. Задать ему важные вопросы, на которые, я знала, что он не ответит. Каждый вопрос вертелся на кончике моего языка, готовый сорваться в любую секунду. Собравшись духом, я облизала губы и готова была уже озвучить первый из них, как он произнес:

- Ложись на пол.

Я нахмурилась.

- Что непонятного? Ложись на пол.

Положив свою руку на мое левое плечо и потянув за цепь прикрепленную к моему ошейнику, он опустил меня на пол. Мне было немного неудобно в таком положении, потому как, мои сцепленные руки давили на копчик, а подошвы моих ног упирались в ягодицы. Слегка поерзав, я вытащила из-под себя ноги и сдвинула их вместе.

- Ты хоть понимаешь, насколько это сексуально? - спросил он.

Стиснув зубы, я отвернулась.

- Белый цвет тебе очень идет, надо будет взять себе это на заметку. Я даже рад, что ты захотела одеться. Видеть тебя одетой, заставляет меня думать о том, как бы тебя раздеть. Однако, думаю, что для тебя, это очень хорошая возможность чувствовать себя комфортно в своей наготе, рядом со мной, и в добавок, это открывает мне прекрасный вид, в то время, когда я ем.

Я крепко сжала вместе колени, но когда он заметил это, мне пришлось вновь развести их в стороны. Я все еще достаточно хорошо помнила свое наказание, и у меня не было ни малейшего желания злить его.

В комнате было тихо, за исключением моего тяжелого дыхания. Никогда раньше, я не чувствовала себя настолько открытой.

- Прекрасно, - резко вдохнув, его голос стал напряженным и слегка хриловатым, - Самый красивый оттенок розового. Теперь... держи свои ноги открытыми. Не зли меня.

Закрыв глаза, я пыталась сдержать неминуемый поток слез. Страх и смущение сменились на гнев, медленно бурлящий в моей груди. Пытаясь успокоиться, я сосредоточилась на своем медленном дыхании.

Пока он ел, я оставалась неподвижной, тупо уставившись взглядом на стену. Для меня было странным, представлять его взору свои раздвинутые ноги.

Воздух касался каждой клеточки моего оголившегося тела. Порой, моя плоть, казалось, открывалась сама по себе, словно жадный маленький ротик. Интересно, замечал ли он это.... я молилась о том, чтобы это было не так.

Я попыталась представить себе, как я выгляжу. Была ли я красивой? Или выглядела отталкивающе вульгарно? Какого хрена, я вообще думала об этом?

Прокручивая в голове множество мыслей, я внезапно ощутила прикосновение холодного металла к своей плоти, которое и вернуло меня к реальности.

Опустив цепь между моих ног, он начал двигать ею вперед и назад, между моими половыми губами. Посмотрев на него прищуренными глазами, мне больше всего на свете хотелось долбануть его чем-нибудь, чтобы навсегда стереть эту улыбку с его наглой рожи.

- Несмотря на свое высокомерие, ты очень красивая.

Мой страх сменился чувством неподдельной гордости, но я не могла не уколоть его в ответ.

- Забавно, - сказала я, пытаюсь сомкнуть свои ноги, - вот уж кого точно можно назвать высокомерным, так это тебя.

Он едва сдерживал свой смех.

- Точно, но это не я сейчас лежу на полу с раздвинутыми ногами.

Расплакавшись, я со слезами изливала наружу свою досаду и злость, показывая, таким образом, свою слабость.

- *Ненавижу* тебя.

- Ты не ненавидишь меня, - сказал он так, словно был в этом полностью уверен и знал мои чувства наверняка.

Встав на колени между моими раздвинутыми ногами, он наклонился ко мне, упираясь своими руками на ковер. Я отвернула голову в сторону, а он.... поцеловал меня, сначала за ухом, затем вниз по шее.

- Но тебе бы очень этого хотелось.

- Прекрати, - прошептала я.

- Почему? - мягко прошептал он в ответ.

- В моей рубашке вдруг стало слишком жарко?

С моих губ сорвался тихий стон, когда его теплая рука легла мне на грудь, поверх мягкой ткани. Открыв, было рот, я уже хотела сказать ему, чтобы он не льстил себе, как почувствовала, что его другая рука опустилась вниз и коснулась меня между ног.

Я лежала, застыв на месте, парализованная чувством страха. Не отрывая своего взгляда от моих глаз, он стал нежно водить своими пальцами через ткань. Он не входил в меня - мешала рубашка - но даже так, прикосновения его пальцев овладевали каждой частичкой моего тела. Я ощущала его повсюду.

Затем, вопреки всякой логике, я почувствовала внезапный прилив теплоты. Удовольствия, желания, но не боли. Неожиданно, все мое тело сосредоточилось на пальцах Калеба и на том, что они делали. Мое сердце отбивало бешеный ритм, и я попыталась сдержать рвущийся из моей груди стон.

Кaleb расплылся в понимающей улыбке, а затем, медленно убрав руки, оставил меня, задыхающуюся, на полу.

- Сейчас. Скажи, что ты не ненавидишь меня.

- *Нет*.

Прижавшись ко мне своей обнаженной грудью, жар которой, стал пронзать мое тело неконтролируемой дрожью, он поцеловал меня в шею, обдавая кожу теплыми потоками воздуха своего дыхания, проводя пальцами вниз по моим бедрам.

Даже через его брюки я чувствовала тепло его эрекции, а потом.... он стал толкаться ею, словно таким образом хотел войти в меня. Задержавшись в своих оковах, я попыталась освободить руки. На что он, сбавив темп, начал успокаивающе ласкать меня, мягко и нежно. Раскачиваясь на мне взад и вперед, он целовал меня, трогал, вдыхал запах моей кожи.

Что-то в моем теле начало меняться, но я не хотела этих изменений. Мне стало жарко, очень жарко. Мое дыхание участилось, и все, что я могла делать, это дышать им, пропитываться его запахом, заполнявшим мое тело.

Целуя мою грудь, он по-прежнему держал мои колени раздвинутыми.

- Остановись... остановись.

Мое первое возражение было уверенным, а второе... не очень.

Губы Калеба сомкнулись вокруг моего соска через ткань его рубашки, и начали мучить меня, разрушая любые мои попытки противостоять ему. Он стал сосать еще сильнее, делая мой сосок твердым, влажным и горячим. Не то, вздохнув, не то, простонав, я больше не могла сдерживать себя. Выгнув спину и запрокинув голову назад, я закрыла глаза, начиная тонуть в ощущениях, которых никогда не испытывала раньше.

- Ты не ненавидишь меня, думаю, я тебе даже нравлюсь.

Я плакала, но не, потому что мне было больно.

- Кажется, я знаю, что еще тебе может понравиться.

Его руки и губы начали спускаться ниже, и хотя я знала, что должна была противостоять этому, я так и не смогла заставить себя сказать что-либо. Он собирался сделать то, что хотел, и ему было все равно, "за" я была или "против". Будет ли это так ужасно, если я не стану ничего предпринимать? Могу ли я винить себя в этом?

Мои глаза распахнулись, и я резко села, почувствовав, как своим горячим ртом он накрыл мою плоть. Подняв голову, он схватил меня за ошейник, и резко притянув к себе, впился в губы яростным поцелуем, после чего повалил обратно на пол.

Потрясенная, хныкая и даже плача, я стала крутиться из стороны в сторону. Я чувствовала себя на своих губах; я была на его губах.

Простонав в меня, он начал скользить своим языком вверх и вниз по моей тайной плоти, вытягивая из моей груди стоны и даже крики удовольствия. Я со всей силы пыталась сжать ноги вместе, но он вновь разводил их в стороны, впиваясь своими пальцами во внутреннюю сторону моих бедер. Я не чувствовала ничего, кроме его губ и языка на мне. Мое тело стало продолжением этого маленького, розового ротика между моих ног. Не было ни мук совести, ни стыда, этот ротик получал то, что хотел, и ему было все равно, кто пробуждал в нем желание. Мое собственное тело меня предавало.

Мои мышцы напряглись, объединяя все ощущения тела в одном месте, в том, которое Калек ласкал своим языком. У меня начала кружиться голова и в один ослепительный момент, мне показалось, что мое тело взорвалось. Выгнув спину и

вгрызаясь в свои губы, я извивалась напротив его лица, пока неопиcуемый спазм не пронесся сквозь меня к нему.

Я лежала на полу, тяжело дыша и постанывая, ощущая нежные покалывания по всему телу. Кaleb лег на меня сверху, и поцеловал в шею.

- Говорил же, что тебе понравится, - прошептал он.

На это, мне было нечего ответить. Повернув голову, я посмотрела на него через полуприкрытые веки.

- Не нужно было так сильно кусать губу, в следующий раз просто отпусти это, - сказал он, вытирая мою губу пальцем.

Его губы были влажными, то ли от пота, то ли от меня... *пожалуйста, пусть это будет пот*. Улыбнувшись, он поцеловал меня в губы... все-таки это *была* я. Господи, какое унижительное положение.

- Я действительно ненавижу тебя, - тихо сказала я, глядя в потолок, раскрывая, насыщая и отпуская некое чувство.

Убрав волосы с моего лица, и снова поцеловав, он прижался своими пальцами к моей влажной плоти, заставляя меня хныкать от неумолимой пульсации во всем теле.

- Но твоя киска так не думает... а это куда важнее.

Увидев, как он снова улыбнулся, я закрыла глаза и отвернулась в сторону.

- На самом деле, я даже знаю, как буду тебя называть... Котенок.

Мое сердце внезапно пронзила боль. У меня *есть* имя. *Оливия. Ливви*.

До меня только сейчас дошло, что он никогда не спрашивал моего имени, даже в тот день на улице, и это означало лишь одно - он никогда не видел во мне личность, никогда. В горле встал ком. Был ли на этой земле хоть один человек, кому я была небезразлична? Я подумала о Николь, своей лучшей подруге. Ей я была небезразлична. Она бы никогда не оставила надежду на то, чтобы найти меня.

Когда мои глаза, наконец, перефокусировались, я увидела, как Кaleb смотрел на меня со странным выражением на лице. Он по-прежнему улыбался, не так ярко, просто с любопытством, словно каким-то образом знал, что только что, я была в сотне миль отсюда. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и я не могла сказать наверняка, что творилось в голове у каждого из нас. Мы просто не могли отвести взгляд.

Мою грудь начало сотрясать от рыданий, которым до этого я не позволяла вырваться наружу. Чары рассеялись, и Кaleb медленно выпутался из моего тела, он взял меня за руку и помог подняться.

Моя голова кружилась, а ноги дрожали. Я уже хотела вырвать свою руку из его хватки, когда вдруг почувствовала, как по моим бедрам стал стекать поток теплой влаги. Инстинктивно, сжав свои ноги вместе, я посмотрела вниз, и до смерти испугалась, увидев капельку, пытающуюся скатиться по моему бедру. Кaleb тоже увидел ее. Мое лицо вспыхнуло румянцем, Боже, мне было так стыдно, что я не смогла сдержать нового потока слез.

Издав нечто среднее, между вздохом и стоном, Кaleb нагнулся, и провел кончиками пальцев по всей длине сползающей полоски. После чего, подняв свою

руку, и растерев подушечками пальцев собранную им влагу, он, к моему ужасу, закрыв глаза, облизал свои пальцы, наслаждаясь, блять, моим унижением. Я всхлипнула. На этот раз громко.

- В чем дело, Котенок? - стал он давить на меня, - Тебе чем-то не понравилось удовольствие, которое я тебе доставил?

Даже в тот момент, когда мои слезы катились по щекам, и падали на пол, он не скрывал своего удовольствия, наблюдая за мной.

- Ответь мне, Котенок, - настаивал он, без раздражения в голосе.

Я не могла ответить ему.

Взяв меня за обе сцепленные руки, он целенаправленно повел меня к кровати. Сев первым, он очень испугал меня, когда потянул к себе на колени. Я, было, взвизгнула от удивления, но быстро замолчала. Какие еще муки ада, он, черт возьми, приготовил для меня?

- Почему ты плачешь, Котенок? - полюбопытствовал он, - Разве сегодня, я сделал тебе больно? - он нежно поцеловал меня в плечо.

- Да, - выдавила я, между рыданиями.

Сегодня боль была эмоциональная, а это намного хуже.

Искренне удивившись, он отодвинулся от моего плеча, но быстро исправился, вновь надев маску равнодушия. Наклонившись, он снова коснулся меня своими губами, на этот раз, начав прокладывать дорожки из поцелуев к моей шее. В ответ на что, я напряглась, всячески пытаясь увильнуть от его нежности, хотя знала, что это невозможно.

- Ответь мне, пожалуйста, как положено, - пробормотал он, - Разве я трахнул тебя?

Резко втянув в себя воздух, я замерла от переполняющего меня страха.

- Нет, Хозяин, - чуть ли не шепотом ответила я.

Крепко обняв меня своей левой рукой, он притянул меня к своей груди, заставляя положить голову ему на плечо. И если исключить мой страх, унижение, и наши полураздетые тела, это было именно тем, в чем я так нуждалась буквально час назад. Я хотела, чтобы он обнял меня. *Будь осторожна со своими желаниями, Ливви.*

- Ты кончила? - прошептал он все тем же мягким голосом.

Закрыв глаза, я изо всех сил старалась не вздрагивать в своем тихом рыдании.

- Все хорошо, Котенок; ты можешь сказать мне правду. Давай, скажи "спасибо, Хозяин, что позволил мне кончить".

Своей правой рукой, он с силой раздвигал мои ноги над своими бедрами, пока я безрезультатно пыталась свести их обратно. И пока я боролась со слезами, в голове что-то щелкнуло.

- Ты начинаешь меня злить, Котенок; ответь на вопрос.

И вот тут-то меня и понесло.

- Меня зовут не Котенок! - крикнула я, впадая в истерику.

Почти сразу же, Калев перекинул меня через свое левое колено, и, удерживая мои ноги своей правой ногой, стал обрушивать на меня поток быстрых повторяющихся ударов, заставляя меня кричать от каждого движения его руки. И пока мои мысли в ужасе расплывались по разным направлениям, отчаянно пытаюсь отыскать хоть какие-то крохи здравомыслия, удары продолжали без остановки сыпаться на мой голый зад.

- Пожалуйста, остановись, - умоляла я.

- Пожалуйста, не надо, я сожалею. Клянусь Богом, я очень сожалею.

Милосердие, казалось, значилось последним пунктом в чертовых мыслях Калеба. По всей видимости, он собирался серьезно взяться за мое извивающееся тело, потому как, навалившись своим весом на мои плечи, стал сильнее шлепать меня, в то время как я тщетно пыталась бороться с охватившим меня ужасом.

- Пожалуйста... пожалуйста, Хозяин, - нескончаемо и протяжно орала я во все горло.

Мне ужасно хотелось потерять свой зад, но он крепко держал мои сцепленные руки.

- До тебя доходит только через боль, *Котенок*? Неужели, без хорошей трепки твоя гордость не позволяет тебе повиноваться?

Его голос был низким, грубым – возбужденным. Под своим животом я чувствовала пульсацию его эрекции. Или это было мое сердце? Он шлепнул меня еще раз, требуя ответа, который я отказывалась ему давать.

Ощувив очередной шлепок, я вдруг поняла, что после каждого удара, он растирал пораженное место. Я задалась вопросом почему, ведь после этого он и дальше продолжал наказывать меня. Мои мысли начали ломаться, когда я попыталась отыскать способы, как избежать того, что со мной происходило. *Просто дай ему то, что он хочет, и он остановится.*

Что я сделала, чтобы заслужить все это? *"Веди себя как илюха, и относиться к тебе будут как к илюхе..."* Эти слова всегда меня преследовали.

Внезапно, я успокоила себя мыслью о том, что как только Калев накажет меня, он простит меня. Он не будет держать на меня зла за мои воображаемые проступки и... простит. Я хотела, чтобы меня простили.

Потом, случилось нечто странное. По моему телу пробежала дрожь, а мое сознание вдруг стало совершенно пустым. Я ни о чем не думала. В прямом смысле этого слова, НИ О ЧЕМ. Ни о боли, ни о стыде, ни о желании, ни о грусти. Остались только звуки шлепков Калеба по моему задку, мои крики, и его контролируемое дыхание. Его удары больше не были болезненными; моя задница онемела, и горела. Я медленно обмякла у него на коленях. Это было странно, но я почувствовала... умиротворение.

Потом Калев остановился; все еще крепко удерживая меня, я чувствовала, как его тело, рядом с моим, стало понемногу расслабляться. В момент все затихло, осталось только наше дыхание. Мое - быстрое и хриплое, его - медленное и глубокое.

Он стал, молча гладить меня по заднице, и делал это так, словно гладил лошадь, но я не возражала. Я нуждалась в этом, хотела этого.

Я расслабилась еще больше.

Через несколько минут, он осторожно нарушил молчание, тихо спросив, - Как тебя зовут?

- Котенок, - ответила я, находясь где-то, вне своего тела.

Он нежно потер мои покрасневшие и припухшие ягодицы. Мое дыхание замедлилось, тело гудело.

- Когда ты сдаешься, Котенок, намного легче, - тихо сказал он, - намного проще.

В ответ я захныкала.

Воспользовавшись моей слабостью, он медленно усадил меня на свои колени. Мои спутанные волосы прилипли к моему лицу, шее, и даже спине. Кaleb убрал их назад.

Нормальные, рациональные мысли пока еще не вернулись, и за это я была им безмерно благодарна. Потому как, нормальные, рациональные мысли стали бы требовать, чтобы я испугалась, рассердилась или что-то в этом роде. А сейчас, было так приятно не испытывать этих чувств.

Взгляд Калеба блуждал по моим губам, после чего вернулся к моему отсутствующему взгляду. Вытащив из кармана маленький ключ, он расстегнул замок, фиксирующий за спиной мои руки. Я осторожно положила их на колени. Сознание стало медленно возвращаться на свое законное место. Мне это не нравилось.

- Поцелуй меня, - сказал он.

- И прежде, чем сказать "нет"...

Я оборвала его, прикоснувшись своими солеными губами к его мягкому, податливому рту. Сначала, он немного отпрянул от моей импульсивной смелости, но потом, тяжело вздохнув, подался вперед, ко мне.

Я глубоко вдохнула, игнорируя давление всех эмоций, пытающихся проникнуть через мое оцепенение. И борясь с желанием отвернуть свое лицо в сторону, я изо всех сил старалась сделать так, чтобы этот поцелуй казался естественным.

Его движения стали мягче. Он никогда не был нежным, когда целовал меня. Это казалось странным, но я чувствовала, что что-то в нем менялось.

Он тихо простонал; никогда раньше я не слышала от него этого звука. Потянувшись к моей груди, он тут же убрал свои пальцы. Снова, сдерживая себя.

Совершенно неожиданно, я ощутила чувство, отдаленно напоминающее контроль. При каждом столкновении с ним я была безвластна, но сейчас я знала, чего он хотел. Он хотел *меня*. Не только мое тело - *всю меня*. И, несмотря на то, что в данный момент именно он управлял мной, предопределяя мое будущее, в этом поцелуе.... я владела им.

Вдруг, он оттолкнул меня.

- Хорошая девочка, - мягко сказал он, но небольшое колебание в его голосе выдало его растерянность.

Он встал, и, посмотрев на меня, заметил, что я не отрывала от него своих глаз. Улыбнувшись, Кaleb схватил меня за волосы.

- Тебе не следует смотреть на меня без моего позволения, Котенок, себе же сделаешь хуже.

Момент испарился. Он снова контролировал себя, став на этот раз злее. За что? За то, что потерял себя на какие-то доли секунды?

Не удержавшись, я улыбнулась, но не успела достаточно быстро скрыть этого. На что он усмехнулся, и повел меня за волосы в ванную, где, не произнеся ни слова, быстро помыл меня. Пройдясь по мне полотенцем и расчесав мои волосы, он снова зафиксировал мои запястья вместе - на этот раз спереди.

- Подними руки, - строго сказал он.

Услышав в его голосе силу, я вздрогнула.

Взяв меня за талию, и приподняв мои сцепленные запястья над столбиком кровати, он подвесил меня. Мне было немного неудобно в этом положении, потому как мое тело было растянuto настолько, что мне приходилось стоять на цыпочках.

В ожидании начала еще одного дикого избиения, мое тело забило нервной дрожью. Но когда он надел мне на глаза толстую кожаную повязку, мое беспокойство достигло критической отметки.

- Пожалуйста, не надо, Хозяин, пожалуйста. Это очень больно.

Проведя руками по моей груди, он сжал мои соски, пока они не стали твердыми и похожими на камушки, между его пальцами. Вздрогнув, я начала переступать с ноги на ногу, пытаюсь освободиться.

- Мне нравится причинять тебе боль, Котенок... это доставляет мне особенное удовольствие.

Застыв на месте, я ничего не ответила, ожидая самого худшего.

- Я не собираюсь закрывать твой рот кляпом, но если ты не будешь вести себя тихо, я вставлю тебе такой большой кляп, что ты забудешь о любой боли.

Я прикусила нижнюю губу. И даже после того, как он покинул комнату, я все еще стояла там, и гадала о том, что же меня ждет.

Глава 7

Сосредоточившись, я могла стоять на цыпочках, что хоть частично снимало невыносимое напряжение с моих плеч и спины. Сейчас, во мне не было ничего, кроме боли. Ни мыслей, ни эмоций - только тело, молящее об освобождении.

Мои икры дрожали от болевых ощущений, и их стало сводить судорогой. Поэтому мне пришлось всем своим весом тянуться к полу, чтобы облегчить охвативший мои ноги огонь. Начав крутиться и так и этак, я надеялась найти положение, которое приносило бы мне меньше страданий, чем предыдущее.

Минуты перетекали в бесконечные часы. Боль пронизывала каждый мускул моего туго натянутого тела. Я начала тихонько хныкать, увеличивая громкость с каждым втягиваемым мною глотком воздуха. Паника на вдохе, паника на выдохе.

Раньше я очень боялась, что он меня накажет. Теперь же, я была согласна и на это, лишь бы он отвязал меня.

В голове возникла ужасающая мысль. *Что, если его здесь даже и нет? Что если он не вернется в течение долгого времени?* Как я смогу выдержать такого рода пытку еще хоть один час, не говоря уже о целой ночи? *Если, конечно, сейчас вообще была ночь.*

Я попыталась перестать идти на поводу у боли и подчинить свое тело разумом, направив все свое внимание на звуки трения своих кожаных оков на запястьях о столб кровати. На свое дыхание. На то, как тепло моего тела согревало железный столб, в который я уже упиралась спиной. Я пыталась найти кусочек мира, который вознес бы меня над этой болью, над этими страданиями. Точно так же, как это было, когда он шлепал меня - но на сей раз освобождающего разум и тело волшебства не происходило.

Казалось, что с каждым сделанным вдохом, мои путы натягивались все сильнее. Я начала плакать. Сначала тихо, потом это перешло в громкие, завывающие стоны. Мой желудок скрутило и до меня вдруг дошло, почему он не вставил мне в рот кляп... на меня накатила тошнота. Я изо всех сил пыталась выровнять дыхание и отвлечься на другие успокаивающие мысли, что позволило бы держать мои желудочные спазмы в узде. Например, подумать об истории своей жизни.

По ложбинке между грудей начали стекать капельки пота, собираясь в пупке. Ощущение того, что я вся была покрыта липким потом, жутко действовало мне на нервы. Мои волосы липли к лицу, спине и плечам. Это просто сводило с ума. Я бесконечно дрожала от бессилия, а каждая мышца превратилась в расплавленную боль.

А потом, я услышала то, что ожидала услышать меньше всего.

На секунду я отбросила эту мысль, посчитав ее плодом своего измученного воображения. В прошлом, я сбилась со счета, как часто мне доводилось просыпаться с мыслями о том, что я что-то слышала. *В такие моменты, я воображала, фантазировала.*

Перестав шевелиться, я сконцентрировалась на окружающих меня звуках. Не имея возможности наострить свой слух, я не могла точно определить источник этого шума. Он был повсюду. Задержав свое и без того неглубокое дыхание, я пыталась не позволить ему отвлечь меня от поиска.

Я услышала это снова. Это, определенно, была женщина. Она плакала? Нет, тут было что-то другое. Это были крики - да, и некоторые из них напоминали крики от боли, но они накатывали волной какого-то более примитивного звучания.

На моей перегретой коже выступили бусинки пота, которые, собираясь в большие капли, скатывались вниз по контурам моего тела. Я напряженно вслушивалась, но старалась не чувствовать.

Прислушавшись сильнее, я отчетливо уловила громкий повторяющийся стук какого-то неподвижного предмета, о стену или о какую-то другую твердую поверхность. Я застыла. Быстро вдохнув и выдохнув, я попыталась разобраться во всем, что меня окружало.

Кто-то занимался сексом. Это был... Калев? С ней, с кричащей женщиной?

Задавая себе этот вопрос, я уже знала на него ответ. Ну конечно. Это Калев занимался сексом. Сукин. Сын.

Меня бросило в жар. Я не могла дышать. Я не могла кричать. Но ко мне вернулись эмоции.

Он привязал меня - голую - к столбу кровати. Страдать. А сам, где-то в этот же доме трахал какую-то *иллюху* до потери пульса, и не думал ни обо мне, ни о той боли, которую я испытывала по его вине. Ему. Просто. Было. Плевать.

По моим щекам потекли горячие слезы. Умываясь ими, я не могла не задаться вопросом, был ли он добр к ней. Зарывался ли он лицом между ее ног, как делал это со мной? Эта мысль разбудила во мне странные чувства.

Никогда раньше я не испытывала оргазма. Никогда. Но Калев выжал его из меня. Что это могло значить?

Я запаниковала, лихорадочно пытаюсь собрать все свои оставшиеся силы, и потянулась, чтобы освободиться... но ничего не вышло. Крики этой женщины стали громче и глубже. И что интересно, пока я внимательно прислушивалась к ней, ее стоны чередовались с мягким, тихим мурлыканьем и громкими, пронзительными визгами. Тихо, затем громко - и так без остановки.

На мгновение я забыла о боли, парализованная голосом этой женщины. Чем внимательнее я вслушивалась, тем больше мне казалось, что я была в состоянии их различить. Кажется, она получала удовольствие.

Внезапно, в этом шуме наслаждения стали примешиваться плохо различимые, низкие, тяжелые стоны. Я вспомнила эти звуки - я слышала их, когда Калев ласкал меня своим языком.

От этого воспоминания по всему моему телу разнесся жар, принося с собой еще больше пота, головокружения и слез. К ним так же добавился стыд и удовольствие, но я не переставала думать об этом ни на секунду. Я закрыла глаза. Блять, ну почему я не могла просто взять и потерять сознание?

Его стоны стали другими - более агрессивными и затрудненными, словно он был бегуном, пытающийся добежать до финиша. Стиснув зубы, я, по неизвестным мне причинам, дернулась вперед. Мои плечи горели, а все мои отчаянные попытки освободиться так и оставались безрезультатными.

Женщина снова издала какие-то хриплые, скрипучие звуки, которые, казалось, шли откуда-то из глубины ее горла. Она что-то выкрикивала. Мне стало интересно, могло ли это быть его имя.

Почему-то, эта мысль меня хорошенько рассердила. Я стояла здесь, в этой темной комнате, привязанная к долбанному прикроватному столбу, пока какая-то другая женщина выкрикивала его имя. И не было никакого сомнения в том, что именно в этот момент она испытывала сильнейший оргазм. В то время как я, должна была называть его Хозяином, и мне не разрешалось произносить его имени, даже когда я кончала - не то, чтобы я стала его выкрикивать - но все же.

Она снова закричала, и на этот раз я не смогла сдержаться, чтобы не взвыть с его именем на губах, но не в экстазе, как она, а в агонии. Никогда раньше мне не доводилось произносить его имени вслух, и осознала я это только сейчас. С тех пор, как я здесь оказалась, я думала об этом каждый день. В моей голове он всегда был Калевом, но я никогда не позволяла этому имени соскользнуть со своего языка. Я снова повторила имя, отваживаясь произнести его чуть громче, желая всем сердцем, превзойти свою конкурентку.

Между ног возникла новая для меня боль - тяжелая, теплая и влажная. Я сжала их вместе.

- Калепб. - простонала я.

- Калепб! - выкрикнула она.

Я снова толкнулась вперед в своих оковах, не обращая внимания на боль во всем теле, на жжение в ногах, на все, что хоть как-то отвлекало меня от подслушивания. Я слышала его.

- Калепб...

Я рванула вперед.

Он часто дышал - низко и тяжело. Его дыхание становилось все быстрее, в то время как непонятные стоны женщины стали протяжными и какими-то чужеродными.

Внутри меня зародилось чувство паники. Меня прошиб пот. Гребаный пот прилипал ко мне, раздражал и доводил меня до крайней степени безумства, которого я никогда не испытывала. Если бы я знала, что эта затея увенчается успехом, я бы перегрызла свои руки, словно дикий койот, только бы освободиться.

- Освободи меня! - кричала я.

- Освободи меня!

Жалобно плача и тяжело дыша, я втягивала в себя воздух так часто и быстро, как только могла. Я шептала его имя. Мои мышцы сводило судорогой. Мои крики смешались с ее, с его, соединяя нас вместе в симфонию удовольствия и боли. Услышав ее пронзительный пик наслаждения, который едва перекрыл мой собственный истощенный крик отчаяния, я потеряла сознание. Наконец-то.

Я не знаю, как долго я оставалась там, уязвимой, в подвешенном состоянии, и пропавшей для всего мира. Я помню только, как проснулась от ощущения теплого и крепкого груза, накрывшего мои бедра. Я даже не испугалась. Мои волосы были мокрыми, но чистыми, и пахли знакомым ароматом лаванды.

Сильные руки прижали мои плечи к мягкой кровати, оказавшейся подо мной, и, не имея сил сдержаться, я одновременно застонала от облегчения и захныкала от воспоминаний о боли. Я знала, что это были его руки, и независимо от того, кто прикоснется ко мне в будущем, я всегда узнаю его руки. Единственное, что я не знала - это как мне на них реагировать.

Своими большими пальцами он нажал по обеим сторонам от моего позвоночника, между плечами, и провел ими к основанию моей шеи. Пробравшись пальцами в мои влажные волосы, он осторожно потянул их на себя. От чего, кожу моей головы стало покалывать, за ней последовало и все мое обмякшее тело.

Я чувствовала, что должна что-то сказать, что-то сделать. Выругаться на него, ударить, расцарапать ему лицо, накричать, сделать что-нибудь жестокое, чтобы причинить *ему* невообразимую боль, но его руки ощущались так хорошо, и мое больное тело так сильно в них нуждалось. Кроме того, мне в любом случае, никогда не справиться с ним.

Его большие ладони прижались к моим плечам. Я протяжно выдохнула. Нет. Не буду ему сопротивляться. Потом, ну просто ничего не могла с собой поделать, я все-таки спросила, - Почему ты это делаешь? Почему я?

Он резко вдохнул, затем выдохнул. Не переставая массажировать меня, он не стал притворяться, что не понимал, о чем я спрашивала.

- А почему не ты, Котенок? Ты бы выбрала кого-нибудь другого, чтобы занять твое место?

Нежные прикосновения стали грубее.

- Если бы я согласился отпустить тебя в обмен на другую девушку, это было бы лучше?

Я хотела крикнуть ДА.

Тишина. Только его руки, разминающие мое тело.

- Что со мной будет? - тихо спросила я, почти надеясь, что он ничего не услышал.

Я не была уверена, что хотела знать ответ. Поначалу он ничего не говорил, но потом произнес:

- Все, что я захочу.

Прежде чем я снова смогла заговорить, его пальцы опять зарылись в мои волосы и начали творить чудеса. Только на этот раз он осторожно наклонил мою голову, водя своим большим пальцем по изгибу за ухом. Мой рот тут же расслабился. Закрыв глаза, я потонула в мириадах ощущений, которые затопили мое тело. Неужели мне всегда так не хватало прикосновений? Ответ в мое сознание так и не просочился.

- Кто была та женщина, с которой ты был?

Его пальцы замерли, и я проклинала себя за то, что я была такой... Ливви. Но, тем не менее, мое сердце ускорило свое биение, пока я с нетерпением ожидала его ответа.

Я едва не замурлыкала и не растянулась под ним, как кошка, когда его пальцы вновь начали прокладывать свой путь вдоль моей головы и за ухо.

- Ну и ну, Котенок, а у тебя оказывается большие ушки.

Он рассмеялся, и эти звуки послали по моему телу непонятную дрожь.

- Эй!

Возмутившись, я произнесла: - Мои уши *не* большие. Совсем не большие.

Они и, правда, вообще небольшие!

Его смех начал еще больше раздражать меня, - Можно подумать, она пыталась быть тихой. Кaleb! О, Кaleb!

Его смех тут же прекратился, а его хватка в моих волосах стала менее приятной, хотя, эта его реакция, показалась мне произвольной. Я застыла, до боли кусая свою губу. Неужели я никогда не избавлюсь от своей глупости?

- Прошу прощения, Хозяин, - прошептала я.

Все закончилось слишком быстро, и больше не было произнесено ни слова. Неожиданно, он направился в ванную комнату и вернулся с ведром воды и губкой, которую бросил на пол. Молча подняв меня, он и словом не обмолвился о том, что собирался со мной делать. Я тоже ничего не говорила, слишком боясь спровоцировать его на демонстрацию новой формы пыток.

Он поставил меня на пол, рядом с большим мокрым пятном.

- Ты написала на пол, - сказал он, пряча свои эмоции за маской спокойствия и равнодушия.

Почувствовав неловкость и страх, я отвернулась. Подойдя к двери и взявшись за ручку, он остановился. После чего, стоя ко мне спиной, произнес:

- Больше никогда не называй меня по имени, Котенок. Ты не знаешь меня. Во всяком случае, не так.

После чего он вышел, и закрыл за собой дверь.

Переведя свой взгляд на большое пятно передо мной, я слышала, как он запирает дверь. Мое лицо пылало от стыда. Почему мне было больно в груди?

Моргнув, я сдержала подступающие слезы. Я не знала, как понимать Калеба - порой он был таким добрым и нежным, а иной раз я боялась его всем своим существом.

И кем, черт возьми, была та шлюха? *И почему ей разрешалось называть его по имени?*

Время продолжало свой неспешный ход. Я больше ни разу не слышала этой женщины, и часто задавалась вопросом, что же с ней случилось.

Моя жизнь стала однообразной, наполненной только Калемом, моими наказаниями, редкими оргазмами, и бесконечной тьмой. Прошла целая вечность с тех пор, как я видела солнце, или луну, или любой другой источник света, исключая свечи и ночник.

Я потеряла счет дням. Если раньше я могла отслеживать их по количеству приемов пищи, то больше это не работало. Сейчас, Калек кормил меня тем, чем считал нужным и когда считал нужным. Я теряла ощущение реальности. Если бы я только обладала хоть каким-то чувством времени, я могла бы... не знаю... что-нибудь.

В итоге, меня так сильно рассердила вся эта ситуация, что я выдернула ночник из стены, и швырнула его со всей силы на пол, услышав, как он разлетается вдребезги.

Я провела, как мне показалось, несколько часов, изливая свои слезы черной тьме, боясь выдернуть ночник из ванной и принести его сюда, потому как потом я точно не смогу найти пробку для ванны. Всматриваясь в щель под дверью своей комнаты, я надеялась увидеть хоть что-нибудь, но все, чем мне пришлось довольствоваться - это темнотой.

Я со всей силы колотила в дверь, кричала и плакала, но никто не приходил... никого это не заботило. Уставившись в темноту, я гадала, так ли ощущается смерть. Я легла на спину, и, глядя в никуда, представила себя в гробу, совершенно забытой. Кажется, я даже уснула с открытыми глазами.

Хоть я и не могла сказать наверняка, но казалось, что Калек стал заходить в мою комнату все реже и реже. А меня, между тем, все меньше и меньше нервировало его присутствие - на самом деле, с каждым его приходом, я все больше успокаивалась. Но он, кажется, напротив, все больше раздражался по поводу меня.

Ухудшая ситуацию, его гнев часто выливался в мои наказания, поэтому я была просто зациклена на том, чтобы избежать и одного и второго. Когда он прикасался ко мне, я, напрягалась и оставалась неподвижной. Когда он говорил со мной, я не

произносила ни слова в ответ. Но когда я все-таки выказывала ему свое сопротивление, я тут же начинала молить его о прощении. И чем больше я сдавалась, тем более жестоким он становился. Я этого не понимала.

- Подчиняйся, - говорил он.

- Я не понимаю, что ты имеешь в виду, - настаивала я.

Я слегка повернула голову, услышав что-то знакомое. Мой слух стал настолько острым, что мне хватило всего лишь одной секунды, чтобы понять, что это было. Тарелки.

Быстро сев, я стала бить по двери. Ответа не последовало. Тогда, я легла на спину, и, прижав ступни ног к деревянной поверхности, продолжила творить - как я знала - глупость. Я неистово начала колотить ногами в дверь, требуя, чтобы он меня услышал. И снова - никакого ответа. Я не на шутку запаниковала.

- Пожалуйста! - кричала я.

- Здесь темно, я хочу выйти!

Когда и на этот раз моим ответом была тишина, я в отчаянии закричала.

- Калев! Калев... пожалуйста, открой дверь.

Ничего. Это продолжалось до тех пор, пока кто-то не ударил по двери и я не увидела вспышку света. Я начала отползать назад, испугавшись до чертиков. К моему облегчению, дверь была тяжелой, крепкой и она была заперта.

В тот момент, когда я слышала, как в замке поворачивается ключ, меня охватило самое дурное предчувствие во всей моей жизни. Впервые, моя тьма стала мне союзницей. Я заползла под кровать. Там было настолько тесно, что оказавшись между полом и вжимающейся в мое тело пружиной, я даже не могла повернуть головы.

Услышав как открылась дверь, я затаила дыхание. Биение моего сердца буквально сотрясало все мое тело. Крепко закрыв глаза, я желала сейчас оказаться в другом месте. Голос в моей голове ругал меня. *Под кровать? Глупо. Просто охренеть, как глупо.*

- Что за черт? - слышала я его шепот.

Я испытала небольшое облегчение, поняв, что в мою комнату зашел Калев.

- О, Котенок, и что же мы теперь наделали? - дразнил он.

- Прости меня, - сказала я, но не думала, что он меня услышал.

Дверь закрылась, и я могла слышать лишь... свое учащенное дыхание.

Я уловила какое-то шуршание. Я знала, что он ходил по комнате, но не могла понять, где именно, пока не слышала стук его обуви по плитке пола в ванной комнате. Я так сильно кусала губу, что почувствовала вкус крови во рту.

Тут, его голос заполнил пространство темной комнаты.

- Скажи мне кое-что Котенок...

Я почувствовала приближение его шагов.

- Когда именно ты стала представлять себя... моей любовницей?

Мое сердцебиение теперь уже начало отдаваться в моих висках.

- Когда ты кончила от моего языка? Или в один из многих раз, когда я перекидывал тебя через свое колено? Кажется, тебе это нравилось.

Я почувствовала, как кровать прогнулась под его весом. К сожалению, это было не на той стороне, куда была повернута моя голова. Теперь я уже плакала в открытую. Он знал, где я пряталась, и забавлялся со мной.

- Прости меня, Хозяин, - прошептала я.

Он усмехнулся, без слов издеваясь над моим жалким положением.

- Если я стану тебя оттуда вытаскивать, тебе будет очень больно. Тебе лучше сделать это самой, - пропел он.

Рыдая, я сказала ему, что выберусь сама, заранее умоляя его не делать мне больно. Я почувствовала себя глупо, выползая на животе, как какое-то животное. Плача и моля его о пощаде, я была не в состоянии показать ему какую-либо эмоцию, кроме страха... и разочарования, потому как вляпалась в эту дурацкую ситуацию сама.

Не успела я вылезти, как он приподнял меня и, прижав мою голову к своей груди, начал осторожно покачивать меня взад и вперед. Я крепко прижалась к нему в ответ, быстро обернув своими руками его талию. Для меня стало уже привычным находить убежище в его руках, даже если эти руки приносили мне боль во время наказания.

Я начала часто повторять ему, что больше никогда так не сделаю, что очень сожалею об этом. На что он вздохнул и, прижав меня еще крепче, приблизился своими губами к моему уху, - Сделаешь, Котенок.

В следующее мгновение, он повалил меня лицом вниз на кровать. Я захныкала, но не стала сопротивляться. Мне захотелось показать ему, какой послушной я могла быть, и насколько искренней я была в своем обещании никогда больше не называть его по имени. Даже мысленно не допуская, что между нами существовала такая степень интимности.

Своими ловкими пальцами он зафиксировал мои запястья вместе и прикрепил их к решетке у изголовья кровати. Мое тело напряглось, сковывая само себя.

Тем временем, Кaleb поднялся с кровати, и я услышала, как он начал раздеваться. Это было чем-то другим. Совершенно другим.

Я попыталась высвободиться.

- Пожалуйста, не надо.

Я не могла удержаться и не произнести этих слов.

Он не спешил в своих приготовлениях.

Уставившись в окружающую меня темноту, я пыталась уловить его очертания. Моя кровь стучала в ушах, а мой страх стал практически осязаемым.

Вернувшись, Кaleb вновь сел на кровать, слегка покачивая ее своим весом, и я сразу поняла, что мне не избежать того, что должно было произойти. Положив свою голую грудь на мою обнаженную спину, он буквально вдавил меня в матрас.

- Ты хочешь быть моей любовницей, Котенок? Поэтому ты звала меня по имени?

Я стала неистово дергаться, пытаясь сбросить его со своей спины. Это было бесполезно.

Почувствовав, как между моими бедрами, он стал твердым, я замерла, и уже лежала неподвижно. Он был абсолютно голым. До этого, он никогда не раздевался полностью.

Я рыдала, прижимая лицо к простыням, в то время как Калев продолжал говорить мне на ухо все тем же спокойным, не сбившимся голосом.

- Я дал тебе кончить так много раз, но ни разу не просил отплатить мне тем же. Ты должна заслужить право называть меня по имени.

- Хозяин, пожалуйста, - выкрикнула я в темноту.

Он вжался в меня, давая почувствовать свою невероятно горячую и твердую эрекцию.

- Нет, не называй меня так, не сегодня вечером. Называй меня по имени, поскольку, сейчас ты заработаешь это право.

В ответ я разрыдалась еще сильнее. Он вздохнул - хрипло, рассерженно... *разочарованно?* Скатившись с меня, он улегся рядом, заставляя скрипеть кровать под тяжестью своего большого тела. Почувствовав от этого некоторое облегчение, я все равно не смогла перестать плакать. Почему он это делал?

Долго глядя мои волосы, он коснулся кончиками своих пальцев моего лица. Кровать снова скрипнула, когда он, сменив положение своего тела, начал массажировать мою спину, мои руки, ноги.... медленно, нежно... умело. Я продолжала плакать, но уже не так сильно, а потом и вовсе перестала, когда он смог подарить мне некое ощущение безопасности, которое противоречило моему здравому смыслу.

Но стоило ему опять лечь на меня, как я вновь вся напряглась. Он снова и снова приказывал мне расслабиться.

Калев начал целовать меня.... везде, но не так как раньше, не со злостью. И да поможет мне Бог, это не должно было ничего менять, но оно меняло.

Никогда прежде мне не доводилось быть так близко к мужчине. Я и подумать не могла, что жар его обнаженного прижимающегося тела окажет на меня такое действие. Я пыталась сопротивляться рефлексу. Но мое тело желало поддаться ласкам Калеба, в то время как мой разум кричал, что это станет ужасной ошибкой.

Что было бы, прикоснись я к нему так же, как он прикасался ко мне? Он так же оказался бы под воздействием моих чар, как сейчас я находилась под его?

Несмотря на все мои усилия, я потеряла себя в его нежных ласках, а с моих губ стали срывать тихие стоны. Своей ладонью он гладил мой зад, сжимая и осторожно приподнимая его. Я не сопротивлялась ему. Я не сопротивлялась ему даже тогда, когда его пальцы скользнули через изгиб моей попки и раскрыли наружные губы моей плоти. Страх стал отступать, а желание расцвело пышным цветом, когда он нашел мой предательский узелок, спрятанный в них.

Я вздрогнула, но заставила себя расслабиться под его прикосновениями. Он делал это со мной и раньше - использовал свои пальцы против моей жадной до ласк точки, чтобы вознести меня к вершинам экстаза. И он был прав; он никогда не просил того же от меня. Ни разу. Но мне это было нужно. Мне было нужно забыться, хотя бы на несколько минут.

Кaleb дарил мне приятные ощущения, настолько приятные, что, несмотря на то, что я была прикована, и все происходило не по моей воле, мне было очень сложно противостоять ему. Он ласкал меня бесконечно, упиваясь мучительными стонами вылетающими из моей груди. Потом я почувствовала ЭТО – покалывание – приближающее меня к кульминации.

- Раздвинь ноги, - прошептал он, потираясь своим пульсирующим членом о мое бедро.

Мысль об этом заставила меня стонать громче, чем когда-либо. Я не понимала, что со мной происходит. Я знала лишь одно - мне нужно раздвинуть ноги.

- Шире, - застонал он, и я подчинилась.

Я неудержимо задрожала, когда мой оргазм прорвался наружу из глубин моего тела. Подавшись бедрами назад, в поисках его пальцев, я без слов умоляла его о более жестких прикосновениях. И он дал мне то, чего я хотела... он позволил мне цепляться за свое удовольствие как можно дольше.

Едва я успела прийти в себя, как поняла, что Кaleb встал на колени и занял позицию между моими раздвинутыми ногами. Почувствовав, как что-то соприкоснулось с моей задницей, я подскочила. Его рука тут же легла мне между лопаток.

- Опустить голову.

Собрав пальцами влагу, оставленную оргазмом, он умело нанес ее на тугое кольцо мышц. Меня неудержимо трясло. Я была поражена, обнаружив, что мой страх имеет под собой две причины: меня оглушило смущение от его прикосновения в таком интимном месте, и я испытывала боль от самого вторжения внутрь.

Эту часть моего тела никому видеть не полагалось. Я и сама никогда ее не видела.

Когда один из его пальцев протиснулся в ту интимную частичку меня, которую до него еще никто не трогал, я почувствовала, что все мои ощущения сконцентрировались именно там. Я попыталась изогнуться от вторжения, но оно было неминуемым. Он проникал в меня медленно, прося, чтобы я расслабилась, прежде чем выскользнуть, а затем снова войти.

Казалось, это продолжалось, целую вечность, и все это время я больше концентрировалась не на своем смущении, а на том, что он делал со мной. Вскоре, мне было уже не больно. Очевидно, удовлетворившись такой моей реакцией, Кaleb выровнял мое тело и ухватился за поясницу.

Что-то невероятно огромное прижалось к моему отверстию. Я замерла. Не было ни единого гребаного шанса, что он сможет ввести эту штуковину внутрь меня. Я дернулась, борясь с неизбежным.

- Расслабься, Котенок. Расслабься. Сделай глубокий вдох... хорошо, теперь еще один.

Меня разрывало на части. Моя вселенная перевернулась с ног на голову.

Он крепко держал меня, проникая внутрь, и постоянно подсказывая, что мне делать. Внимательно слушая его уверенные слова, я пыталась делать именно так, как

он просил. И в то время когда боль, перевешивала удовольствие, я изо всех сил вгрызалась зубами в простыни.

Прошло немало времени, прежде чем он полностью вошел в меня. Он замер, и положив на меня свою голову, нежно прошептал:

- Не сопротивляйся.

Он ласкал мою грудь, мой живот, целовал меня в плечо, снова и снова заставляя меня стонать от удовольствия вопреки моему желанию. *Вопреки твоему желанию? В самом деле?*

Мое тело расслабилось вокруг его огромного размера, погруженного в меня. Он испустил стон, согревая своим дыханием мою шею. Издаваемый им звук был таким мужественным и таким диким - он просто заворожил меня.

- Пожалуйста, - прошептала я, не зная, о чем я его просила.

Он был внутри меня, в каждой клеточке моего тела. Его член пульсировал во мне, и я это чувствовала. Даже более того, я знала, что он чувствовал меня. Не только мою непрекращающуюся дрожь. А именно меня.

Каждый новый день я была более уязвима, чем в предыдущий. С каждым разом Кaleb все больше обнажал мое чувство собственного "я". И теперь он забирал последнее, последнее от меня. Но кем я стану после? Его продолжением? Другим человеком? Я не знала. Не хотела знать.

Он наклонился ко мне и стал поцелуями осушать мое мокрое от слез лицо. Однако, он по-прежнему не двигался. Ему было недостаточно трахать мое тело, он хотел трахать мой мозг. И у него это получалось.

Я хотела, чтобы он был нежен ко мне. Чтобы целовал меня. Чтобы сделал это для меня приятным. Мне было страшно, что будет больно, и я в очередной раз искала в нем свою защиту. Как же все это ненормально!

Потом... он начал меня трахать.

Никогда в своей жизни я не испытывала подобных ощущений. Чувства заполнили меня, парализовали, словно мой разум, никак не мог решить, как моему телу надо было на это реагировать.

Все мое тело тряслось и содрогалось вокруг него, пока он снова и снова пронзал меня, заставляя испытывать не хилую долю наслаждения. Оно поднималось внутри меня и молило об освобождении. Неужели так будет всегда? Буду ли я испытывать те же чувства, если он трахнет мою... даже в своих мыслях я не осмеливалась произнести слово *киска*. Кaleb называл ее *"твоя киска"*.

Я кончила. Сильно. И от силы моего оргазма, пульсирующего вокруг него, он остановился. Издав мучительный стон, он прижался губами к моему плечу:

- Боже... Я знал, что ты будешь такой.

Прежде чем я успела спросить, что он имел в виду, он снова начал двигаться во мне, заставив все мои мысли испариться.

Я кончила еще несколько раз, пока он трахал меня, и каждый раз это превращало меня в человека, которого я все меньше и меньше узнавала. Наконец, сжав руками мои ягодицы, он потянул меня на себя.

- В тебе так хорошо. Мне нравится твоя маленькая, тугая попка.

Застонав, он стал долбить меня. Его член *увеличился еще*, хотя по моим соображениям это было уже невозможно.

Громко выкрикнув, - Блять! - он через мгновение, заполнил меня своей спермой.

Перестав пульсировать во мне, Калёб навалился сверху, шепча мне на ухо слова утешения. Я тихонько хныкала под ним, а он в очередной раз дарил мне спокойствие и покой.

Потянувшись за чем-то, и положив это под меня, он начал медленно вытаскивать свой член, тем самым, порождая во мне новую волну паники. Что, если его сперма вытечет из меня!

Поэтому я непроизвольно сжала свои мышцы, от чего он зашипел. Ему вновь не составило труда найти способ, унижить меня. По моим пылающим щекам потекли слезы.

Мы в первый раз принимали ванну вместе. Наполнив ее доверху, он устроил мое тело между своих ног, прямо напротив той части его тела, которую я пока еще не видела. Калёб прижимал мою голову к своей груди. Я плакала, равнодушная и вымотанная; я была совершенно без сил. Он гладил меня, купал, говорил со мной.

- Как тебя зовут?

- Котенок, - слабо прошептала я.

- А меня? - я почувствовала, как он напрягся под моими пальцами.

- Хозяин.

После ванны, он молча вытер меня. Я была благодарна ему за это.

Без единого протеста, я забралась на кровать, желая раствориться в забвении сна, с мольбами о том, чтобы я не увидела во сне то, что только что со мной произошло. В голове все путалось - противоречие, замешательство, неизвестность... еще и бессилие. Мои молитвы, как и все до этого, остались без ответа.

Он лег рядом со мной, но я знала, что заснуть мне теперь не удастся. Открыв глаза, я уставилась в темноту. Я онемела - и была полностью разбита. Я пребывала в замешательстве не только от того, что он сделал со мной, но и от того, как он умудрился настроить мое же тело против меня.

Боль была очень сильной, однако иногда мне казалось, что эта самая боль была частью неистовой дрожи, пробегающей по мне, когда он заставлял меня кончать. Мне стало очень стыдно. Ведь часть меня наслаждалась тем, что было.

Несколько раз, до наступления той самой дрожи, он слегка выходил из меня, на что я лишь крепче сжимала его. *А что я должна была делать?*

Я лежала, широко открыв глаза, часто дыша, с разбитой душой, и смотря в никуда. Он лежал рядом со мной - обнаженный и теплый. Я старалась не шевелиться, не думать о нем, не думать ни о чем, кроме этой темной комнаты, которая так быстро заменила мне целую жизнь. По моему лицу бежали слезы, вытекая с правого глаза, скользя по переносице, омывая левый глаз и вниз на подушку. *Мою подушку, мою лучшую подружку.*

Рыдая, я заставила себя сохранить эти слезы себе. Они были мои, не его. *Ему, в любом случае, было плевать на них, так же, как и на меня.*

- Котенок, нет совершенно никакого повода для подобного поведения, - сказал он, его голос подчеркивал, что сна у него не было ни в одном глазу, и что он готов был мучить меня и дальше.

- Я знаю, для тебя было не все так плохо - ты кончила, и далеко не один раз.

Его слова резанули меня по сердцу, и возникшая в груди боль унижения, заставила меня закрыться в себе еще больше. Мне хотелось уколоть его чем-нибудь в ответ, сказать что-то мерзкое, но я подавила в себе это намерение.

Мне не хотелось открывать свой рот, потому как, сделав это, я снова разрыдаюсь, а мне не хотелось больше плакать. Мне до смерти надоело плакать.

Он поцеловал меня в голову и я отбрыкнулась от него. Сглотнув, я сделала глубокий и медленный вдох.

- Все, что ты можешь, это причинять мне боль, - спокойно сказала я.

В моих словах проскользнул намек на страх. Я ожидала, что после этих слов, последует наказание, но, по всей видимости, Калеба они мало волновали.

Вместо этого, он мягко произнес:

- Ш-ш-ш. Иди сюда, - даря чувство защищенности.

- Все будет хорошо.

Грубо схватив меня, он прижал мое лицо к своей груди. Не успев даже подумать о том, что я делаю, я обняла его своими руками так сильно, как только могла. Он был моим мучителем и моим утешением; создателем тьмы и светом внутри. Мне было безразлично, что он в любой момент мог бы с легкостью причинить мне боль; прямо сейчас, я нуждалась в ком-то, кто бы обнял меня, был добр ко мне, в ком-то, кто сказал бы мне именно эти слова. Что *все будет хорошо*.

Я, конечно, знала, что так не будет. Но мне было все равно. Мне нужна была ложь. Мне нужны были мои книги, мои фильмы, а прямо сейчас - мне нужны были руки Калеба.

Он обнимал меня и нежно убаюкивал, казалось, целую вечность, до тех пор, пока все мои слезы не высохли, и я просто лежала в его объятьях.

- Пожалуйста, не оставляй меня здесь. Я ненавижу быть здесь.

Его пальцы, ласкающие мою щеку, вселили в меня надежду. Но, когда я почувствовала, как он стал медленно выбираться из постели, эта надежда тут же рассыпалась на кусочки. Не сказав ни слова утешения, он собрал свою одежду и оставил меня.

Потерянная, я снова легла на кровать, придвинув ближе свои подушки. Они пахли, как он.

Глава 8

Дверь медленно открылась, впуская в комнату немного зловещую тень Калеба, окруженную сиянием света, падающим из-за его спины.

Смею признаться, я испытала облегчение, увидев его. *Кaleb*. Прежде чем я успела произнести его имя вслух, я остановила себя, сделав вместо этого глубокий вдох.

Я сидела... и ждала.

А он в это время стоял возле двери, и небрежно прислонившись к ней, сжимал в своей левой руке ткань, напоминающую собой шелковую ночную сорочку. Я не сводила глаз с его тени, когда он протянул ее мне. И, несмотря на свою усталость, я попыталась разглядеть выражение его лица в темноте.

Это что, очередная гребаная игра? Если так, то это жестоко.

- Ну, Котенок? Ты собираешься надеть ее или ты, наконец-то, переступила через свою капризную скромность?

Я ждала, что он и дальше будет поддразнивать меня, начиная свою игру, но он лишь продолжал сверлить меня насмешливым взглядом. Подойдя к нему, я ухватилась за ткань в его руках, ожидая встретить сопротивление. Но когда его не последовало, я, не устояв на ногах, завалилась немного вперед, и прежде чем выровнять положение своего тела, на мгновение коснулась его груди своей щекой.

Он рассмеялся, и это было почти... мило.

Мягкая и чувственная ткань скользила сквозь мои пальцы, когда я всматривалась в дверной проем. Еще никогда я не была так близка к открытой двери, и мне едва удавалось скрыть свое волнение. Свет, просачивающийся из комнаты за его спиной, неотвратимо притягивал меня, вынуждая мять в руках этот скользкий шелк.

Неожиданно *Кaleb* потянулся к моим рукам и крепко сжал их. Таким образом, он, видимо, пытался успокоить их волнительную дрожь.

Подняв голову и посмотрев на него, я, наконец, смогла разглядеть черты его лица в свечении от соседней комнаты. Я была странно взволнованна, увидев его при свете - действительно увидев его, так же четко, как в тот роковой день на улице. Кажется, с тех пор прошла целая вечность.

Своей правой рукой он потянулся к моему лицу. Пойдя на поводу у инстинкта, мои глаза закрылись, когда его пальцы, поглаживая, скользнули сначала по моей брови, потом по скуле, далее, вниз по моему подбородку, и, наконец, своим большим пальцем он провел по изгибу моих губ. У меня закружилась голова. Мои прежние инстинкты, оберегающие меня от его прикосновений, в какой-то момент оставили меня, и я не могла вспомнить, когда именно они прекратили свою работу.

Сейчас, его прикосновения были желанными. И мое подсознательно жаждущее тело, бесконечно просило о насыщении своего нового голода.

Внезапно, я вновь ощутила на своей спине его вес, а в моих ушах раздавались его стоны, пока он выжимал из моего тела собственное удовольствие.

Выпустив сорочку в его умелые руки, я открыла глаза, одновременно предвкушая и смущаясь.

Я пыталась, но мне так и не удалось сдержать свою дрожь, когда его руки одевали ее мне через голову. Шелк облизывал мою плоть с головы до пят, сначала охлаждая, а потом согревая ее, словно впитывая в себя мое тепло.

- Вот так, - его голос был хриплым.

Пока я пристально смотрела на пуговицы его темной рубашки, он взял меня за руку и повел к двери.

При трении о шелковую материю, мои соски затвердели.

Он действительно собирался выпустить меня?

- Пойдем, - сказал он, ободряюще улыбаясь. Но я застыла на месте. Я спрашивала себя: действительно ли это происходит? И как всегда, ответом было: ДА.

Шагнув в гостиную, я словно попала в совершенно другой мир. Мир, в который я, почему-то, боялась входить.

Я замешкалась; комната казалась слишком большой, слишком холодной и яркой для моих чувствительных глаз, привыкших к темноте. Я сжала руку Калеба, таким образом, убеждаясь, что он был рядом со мной в такой волнительный момент, а потом... я замерла. Я осознала всю нелепость своего мыслительного процесса, но понимала, что у меня не было никакой возможности его изменить.

Как это называется, когда заложник ищет укрытие в руках своего похитителя? *Стокгольмский синдром*? Неужели он меня настиг? Могла ли я подхватить его, например, как простуду? Я знала, что думать об этом было, по меньшей мере, глупо. Потому как, ответ был прост: мне не хотелось нарваться на того другого парня, который привез меня сюда, вот и все. *Да, да, конечно.*

Эти мысли несколько успокоили меня. И Калек тут совершенно ни при чем. *Так, ведь?*

Отмахнувшись от этих размышлений, я отпустила руку Калеба, чтобы подтвердить действием свое убеждение, родившееся в результате моего *внутреннего монолога*.

Всматриваясь в комнату, я пожирала глазами каждую поверхность, каждый предмет, потому что, кто знал, когда он решит поместить меня обратно в мою черную коробку. Подняв глаза к потолку, высотой около шести метров, я с восхищением посмотрела на толстые деревянные балки, простирающиеся от стены до стены. Это

выглядело красиво, старинно и помпезно. Под моими ногами лежала керамическая плитка, одиночные фрагменты которой были украшены цветочным орнаментом. А вся комната была декорирована гобеленами и настенными ночниками, акцентирующими внимание на низких антикварных стульях.

У меня было такое ощущение, что я попала в гостиную восемнадцатого века. И казалось, что в любую минуту, сюда мог войти мужчина, источающий стиль того времени - с широким галстуком и, может, даже с тростью - и предложит мне чай.

Но стоило мне взглянуть на арочный свод над входом в прихожую, прямо напротив моей комнаты, как я тут же поняла, что этот мужчина вряд ли был бы англичанином. В этом месте было много испанских мотивов. Где, мать его, я находилась?

Слева от себя я увидела что-то вроде кухонной зоны. Ну, по крайней мере, там стоял стол. А прямо напротив него, справа от меня, я, наконец-то, увидела... *окно*. Думаю, я даже издала восторженный писк.

Я бросилась к окну, вырываясь из хватки Калеба, на что он, хоть и попытался меня остановить, но преследовать не стал. Схватившись за решетку, я выглянула из окна. Там была ночь! А я так надеялась увидеть дневной свет; ведь я не видела солнца так... долго... очень долго... как долго?

Мой разум отказывался думать о чем-то другом, *кроме мира*, находящегося вне этого дома. Я все еще была в ловушке. Это было тюрьмой в тюрьме. Но, тем не менее, это было большей свободой, чем та, в которой я пребывала длительное время, и мне было достаточно сделать всего лишь маленький глоток, чтобы и дальше поддерживать свое существование.

Переполненная эмоциями, я вглядывалась в ночь. Просунув руку через решетку, желая, чтобы ее там не оказалось, я прикоснулась к теплему стеклу окна.

Открывающийся вид был пустынным, и было сложно что-либо разглядеть; луны видно не было. Я подумала, что Калек специально выпустил меня ночью, зная, что здесь можно было любоваться только черным, ничем не примечательным ландшафтом, по которому ни хрена не понятно, где же, черт возьми, меня все-таки держали.

Я могла быть в трех кварталах от дома, или в совершенно другой стране. Не знаю почему, но я подумала о Мексике. Это терзало меня; Мексика была слишком близко к Калифорнии, и все же слишком далеко, чтобы ожидать какого-либо спасения.

Голос Калеба прервал поток моих мыслей:

- Ты голодна? - спросил он, стоя позади меня... далеко позади меня. Даже не посмотрев на него, поглощенная темнотой улицы и отвлеченная тем, что творилось в моей голове, я едва произнесла:

- Типа того.

- Знаешь, на этот 'типа того' вопрос требуется ответить ДА или НЕТ. Я был бы очень признателен, если бы ты обращалась ко мне как подобает, и поворачивалась лицом, когда я с тобой разговариваю.

Оторвав свой взгляд от окна, я посмотрела на него. На его лице снова заиграла широкая улыбка. Такой же улыбкой он вооружался для порождения во мне внутреннего смятения. В темноте, связывая меня в узлы, а при свете - лишая дара речи.

- Прошу прощения, Хозяин, - сказала я, возвращая себе крупички самообладания.

- Да... я голодна.

Снова отвернувшись к окну, я сжала прутья решетки. Его слова эхом отдавались в моей голове. *"В тебе так приятно. Мне нравится твоя маленькая, тугая попка"*.

- Тут есть цыпленок с рисом или тамале. С чем будешь?

- Эм, с рисом, - ответила я, снова поворачиваясь к нему.

Даже это, казалось, было игрой, некой проверкой. Мне не очень хотелось кушать, но я боялась, что если я откажусь от еды, Калевб снова поместит меня в темную комнату.

Вытащив из холодильника контейнеры с едой, он разложил содержимое по тарелкам. Какой хозяйственный похититель.

- Я как раз собирался поесть, когда ты решила разыграть этот свой маленький... спектакль.

Он произнес это так небрежно, как будто мы обсуждали с ним цветовую гамму комнаты. Тихо и осторожно закрыв дверцу микроволновки, и установив на ней таймер, он занялся другими приготовлениями к нашему ужину.

Мой спектакль. Он был во мне. Глубоко.

От его слов я одновременно почувствовала укол боли и всплеск желания. Мой желудок скрутило. Спектакль. То, что он назвал спектаклем, для меня было событием, которое полностью изменило всю мою жизнь. После этого, я уже никогда не стану прежней, а ему, кажется, было до лампочки. Я быстро заморгала.

Не плакать, Ливви.

Должно быть, у меня не совсем получилось спрятать свои эмоции, потому как он быстро добавил:

- Больше никаких слез, Котенок. Нет тьмы, нет слез.

Сунув в рот ложку, которой он выкладывал еду, он снова открыл холодильник.

Я стояла и пялилась на него, как идиотка, не зная, что мне делать. Я, просто кивнула. Это все, на что я была способна.

Вытащив из холодильника две бутылки пива, он поставил их на столешницу, после чего достал тарелку из микроволновки.

- Вот, возьми, - он протянул мне тарелку, - только осторожно, она горячая. И садись за стол.

Держа тарелку в руках, я по-прежнему продолжала стоять и смотреть на него, и лишь спустя несколько секунд почувствовала, как у меня пылают руки.

- Твою мать! - воскликнула я и поспешила поставить горячую тарелку на стол.

Он рассмеялся, и поставил в микроволновку вторую тарелку с едой. Посасывая свой средний и безымянный палец левой руки, я чувствовала себя настоящей тупицей.

Достав тарелку из микроволновки, и поставив ее на стол, он, прихватил с собой одну бутылку пива, и подошел ко мне.

Кaleb взял мою левую руку, и обернул ее вокруг длинной твердой длины бутылки... моя рука оказалась под его. Было просто потрясающе ощущать под нашими горячими пальцами прохладную влажность бутылки. Подняв на него глаза, мне вдруг стало нечем дышать.

- Так лучше? - спросил он, только я услышала что-то еще, отчего внутри меня все встрепенулось.

Я сжала ноги.

Резко убрав свою руку с моей, он вырвал меня из состояния транса.

Выдвинув стул, я села, угнетенная тем фактом, что была ночь, и что я упустила возможность увидеть солнце. Ни один человек не задумывается о том, насколько ему повезло от того, что он каждый день может видеть солнце. Раньше, я об этом точно не думала... до этого момента.

По мне прошла волна разочарования, и я снова поникла. Кaleb это заметил. Было ли хоть что-нибудь, чего он *не* замечал?

- Что? Что сейчас не так?

Я посмотрела на него глазами, в которых огромными буквами мигало - *ТЫ ИЗДЕВАЕШЬСЯ НАДО МНОЙ?!*

Он пожал плечами.

- Я всегда могу вернуть тебя в твою комнату.

От этого предложения я вздрогнула.

- Нет. Я... благодарна. Просто, думаю, я расстроена тем, что не увидела солнца. Я давно его не видела.

- Хммм, - единственное, что он ответил.

Я всячески старалась не смотреть на него, потому что каждый раз, когда я это делала, все, о чем я могла думать, это о том, что он был во мне. Каким он был ласковым и нежным, заставляя мое тело петь, несмотря на мое сопротивление, и каким он был жестоким после...

Гоняя еду по тарелке, я думала о том, что находилось за пределами моей старой жизни. Я задавалась вопросом, удастся ли мне когда-нибудь сбежать. Ведь чем дольше я оставалась здесь с Калебом, тем менее вероятной становилась эта возможность. Однако, я знала, что я никогда не откажусь от этой надежды.

Неожиданно я задумалась о том, что случится с Калебом, если мне удастся улизнуть. Привлекут ли его к ответственности? Эта мысль оставила во мне смешанные чувства. Блять, наверное, все-таки, у меня был тот самый Стокгольмский синдром.

- Я вывел тебя из той комнаты, чтобы ты поела со мной, а не для того, чтобы ты смотрела только на свою тарелку.

Я подняла свой взгляд. Он снова улыбнулся.

Или, может быть, он просто слишком красивый для тюрьмы. Мысль о тюрьме снова вернула меня к недавнему анальному происшествию.

- Расскажи мне о своем доме, Котенок: у тебя есть братья, сестры? Я почувствовала, как слезы стали пощипывать мои глаза, грозя хлынуть из них целым водопадом.

Положив свою вилку и закрыв лицо руками, я молилась, чтобы они отступили. Мне не хотелось говорить об этом, не с ним - мне было слишком больно. При этом, логическая часть моего мозга подсказывала, что, возможно, если я откроюсь ему, он увидит во мне человека и станет иначе ко мне относиться. Навсегда выпустит меня из этой тьмы. А быть может, вообще отпустит.

Это было возможностью. Джек-потом.

Слезы были прогнаны прочь. Я могу это сделать. Я должна это сделать.

- У меня пять братьев, - ответила я, не желая рассказывать ему о своих сестрах.

Он долго смотрел на меня, а затем снова заговорил.

- А ты...?

- Самая старшая.

Откинувшись на спинку стула, он начал сверлить меня своим темным пристальным взглядом, как будто знал что-то, чего не знала я, и забавлялся этим.

- А твои родители?

С чего это вдруг ему стало интересно?

- У меня только мама. Отца с нами уже давно нет.

- Он умер? - спросил он почти задумчиво.

- Нет, - сказала я резко, - просто ... *ушел*.

- Значит у твоих братьев другой отец?

- Эм... отцы.

Снова опустив свой взгляд в тарелку, я продолжала гонять еду по кругу, и старалась не думать о том, что он пялится на меня.

- У твоей матери дети от нескольких мужчин? — его голос звучал... неодобрительно.

Слегка покачав головой, он пробубнил себе под нос, - Запад.

Его глаза снова впились в меня, - И как ты к этому относишься?

Ты кто такой? Мой персональный мозгоправ?

- Не знаю. Думаю, мне все равно.

- А что по этому поводу думает твой старший брат? - спросил он, подаваясь вперед.

Ему, действительно, было это интересно. Я уже начала немного волноваться.

- Мой брат? - переспросила я.

Я не понимала; для чего ему это нужно? Моему брату было четырнадцать и все, чем он занимался - это бегал по улице со своими друзьями. Мама и остальные были на моей ответственности.

- Бремя заботы о тебе и о твоей матери по обыкновению ложится на старшего из братьев, - сказал Калев, любопытствующим тоном, отчего-то пронизанным нотками недоумения.

Я усмехнулась, - Едва ли.

Казалось, что, в какой-то степени, мой ответ вызвал у него недовольство, но он медленно кивнул в знак понимания.

В каких дебрях он вырос?

- Да, конечно. Как же я мог забыть.

Его взгляд стал почти жалостливым. Мое лицо вспыхнуло, а ком, появившийся в горле, становилось все труднее глотать и держать под контролем. Прикусив губу, я посмотрела вниз на свою тарелку с остывающей едой.

- Как же это получается, что на твои плечи взвалено так много ответственности, а ты до сих пор остаешься такой невинной и дрожащей маленькой девочкой, которой нужно говорить, что делать?

- Я не ребенок, - твердо сказала я, но в моем голосе не хватало уверенности.

- Точно, - сказал он, и растянулся в широкой улыбке.

Но она быстро поникла.

- Ты винишь свою мать?

Застигнутая врасплох, я моргнула и просто кивнула в ответ. Как он мог так хорошо знать и видеть меня? Я быстро вытерла слезы, прежде чем они успели сбежать вниз по щекам.

- Да! - выкрикнула я, и, расплакавшись, спрятала свое лицо в руках.

- Я не хотел, чтобы ты плакала, Котенок.

Наклонившись, он положил свою руку на мою.

Еще как хотел. Я пыталась вытащить свою руку, но его хватка была настойчивой. Я осмелилась взглянуть на него. Неужели в океане ЕГО глаз отражалась МОЯ боль? Он сглотнул, и это было так, как если бы он прятал какие-то сильные эмоции.

Он прочистил горло и когда заговорил, снова был похож на прежнего себя:

- Как думаешь, она скучает по тебе?

Он спрашивал это таким будничным тоном, словно мысль об этом не разрывала мое сердце на куски; но ведь это было так, это, действительно, было так. Я плакала так сильно, что мое лицо было залито слезами, а руки мне приходилось вытирать о сорочку.

- Пожалуйста, прекрати. Почему ты такой жестокий?

Он выглядел весьма нетерпеливым.

- Просто ответь на мой вопрос. Он очень простой - думаешь, она скучает по тебе? Или, возможно, она забыла о своей дочери и просто живет дальше?

Я вырвала руку из его хватки и ударила ею по столу.

- Ты не знаешь меня! Ты не знаешь моей семьи. Ты вообще обо мне ничего не знаешь. Ты просто какой-то двинутый извращенец, который похищает женщин и от этого чувствует себя супергероем! Ты думаешь, мне вообще, на хрен, интересно, о чем ты там болтаешь? *Нет!* Я тебя ненавижу!

В ту секунду, как я закончила свою эмоциональную тираду, меня охватил черный, тяжелый, ледяной страх. Кaleb выглядел злым. Он спокойно стучал вилкой по столу, но один только взгляд на его пальцы, костяшки которых побелели от силы, с которой он сжимал эту бедную вилку, и я поняла, что спокойствием тут и не пахло.

Я смотрела ему прямо в глаза, не отпуская его взгляд ни на секунду, и надеясь, что каким-то чудом его гнев отступит. Если я отведу взгляд - надежды для меня нет.

Внезапно, он разразился смехом, настолько громким и сильным, что я подпрыгнула и закрыла ладонями уши. Мне захотелось закричать, только чтобы он перестал смеяться.

Вскочив со стула, он бросился ко мне с распростертыми объятиями. На что, я тут же вскинула руки, защищая свое лицо. Но к моему удивлению, он взял мое лицо в свои ладони и начал целовать меня в губы - с таким жаром, что мне стало даже немного больно.

Прервав поцелуй, его лицо ненадолго задержалось рядом с моим, обдавая мои губы теплым дыханием.

- Это я тебе спущу, Котенок. Спущу, потому что этим, ты многое рассказала о себе. И ты мне нравишься, Котенок, мне нравится твой маленький дерзкий ротик. Я не хочу делать ему больно. Я лучше буду целовать его, вот так.

И его губы снова накрыли мои, на этот раз мягко и нежно, лаская их языком, и проникая им в мой рот. Положив свои руки ему на запястья, я осторожно отстранилась от него. Убирая его руки со своего лица, я отвернулась, и вытерла рот тыльной стороной ладони.

Выпрямившись, он схватил меня за подбородок, и запрокинул мне голову. Мы снова смотрели друг на друга.

- Но если ты продолжишь в том же духе, - добавил он, - мне придется преподать твоему дерзкому роту жестокий урок. Ты поняла?

Я медленно кивнула, его рука все еще держала мой подбородок.

Он улыбнулся, - Хорошо.

Сев обратно на стул, он, казалось, был доволен собой. Вот вам и все его сострадание.

- Моя мама действительно скучает по мне, - я была непреклонна.

- Она никогда не перестанет меня искать; ни одна мать не перестанет искать своего ребенка.

Но мой тон был не особо убедительным, даже для моих собственных ушей.

На мгновение, он показался мне таким же сломленным, как и я, но только на мгновение. Хотела бы я знать почему? Неужели ему пришлось вынести больше страданий, чем мне?

- Ну, если ты так говоришь, - прошептал он, теперь уже с более равнодушным выражением лица.

Отведя от него взгляд, я сделала большой глоток пива, и, взяв вилкой побольше еды, направила ее себе в рот. Когда мой рот был набит, я не могла говорить.

В течение нескольких минут мы сидели, молча, окруженные только звуками поглощаемой нами пищей. Я уставилась на свою вилку - свою *металлическую* вилку, и видимо смотрела на нее так долго, что, почувствовав на себе его взгляд, я подняла глаза. Кaleb улыбался мне. Он брал меня на слабо - воспользуюсь ли я ею в качестве оружия? Было странным обнаружить, что я научилась распознавать множество его улыбок.

Кажется, я немного захмелела, потому, как мир стал немного, не знаю... качаться? По неизвестным мне, на тот момент причинам, я чувствовала необходимость повторить свой вопрос... осторожно. Однажды, он сказал мне, что сделает со мной все, что захочет, но он ни разу не сказал мне, что именно это будет. Может, то, что произошло между нами - было из его планов самым страшным? Как ни странно, я на это очень надеялась.

- Хозяин? - я сделала паузу.

Когда он ничего не ответил, я продолжила.

- То, что недавно произошло... это все, что ты хотел сделать со мной?

Казалось, что этот вопрос его нисколько не удивил, для меня же, наоборот, было такое ощущение, что я задала самый важный вопрос из всех, что когда-либо могла задать.

Он продолжал есть, не поднимая на меня взгляда, а я все тыкала вилкой в еду и пила свое пиво. Тем временем, тишина вокруг нас становилась все тяжелее, явственнее указывая на то, что у него был ответ, которым он не хотел со мной делиться.

Мое лицо покраснелось, и думаю, что отчасти, виной тому был алкоголь. Я снова посмотрела на свою тарелку. Оказывается, я успела слопать все, что было; забавно, но я даже не помнила этого.

- Еще одну?

Указав на мою бутылку, на его губах вновь заиграла та самая улыбка.

- Эм, думаю, да.

Он встал из-за стола и обошел небольшой кухонный островок.

Я снова огляделась по сторонам, все еще пребывая в состоянии небольшого шока, и думая о том, как могло получиться, что я оказалась здесь. Я никогда не предполагала, что такое может произойти со мной. И ни за что бы не подумала, что моя жизнь примет такой невероятный поворот. Не то, что бы раньше у меня было много причин для оптимизма.

Он быстро вернулся, держа в руках бутылку, и прежде чем отдать ее мне, открыл ее.

- Не пей слишком много, Котенок, я не хочу, чтобы тебе стало плохо.

Я пила из бутылки, удивляясь про себя тому, что сейчас пиво было на вкус как вода.

Он снова сел на свое место, и включив режим "игнорируем Котенка", продолжил есть и пить. Меня это бесило.

- А что насчет тебя... *Хозяин*? - провоцировала я его.

- Что насчет твоей семьи?

- А что с ней?

- Предполагаю, что она состоит не только из похитителей.

Как ни странно, он улыбнулся. Не обычной полуулыбкой, которую он всегда пытался спрятать. А настоящей улыбкой, во все тридцать два зуба. Боже, он был красивым сукиным сыном. Это нечестно.

- Нет.

- Нет сестер?

- Нет. А у тебя?

- Нет.

Разве мы об этом только что не говорили? Что он еще знал?

- Как насчет твоей мамы?

Лицо Калеба тут же лишилось каких-либо эмоций.

- Умерла.

Между нами разлилось тяжелое чувство потери, и вопреки здравому смыслу, меня это глубоко задело. Если бы моя мама умерла... Я была бы потеряна.

И совсем неважно, что она была невыносимой, и что до сих пор винила меня в том, в чем я не была виновата. Я любила ее. Все остальное не имело значения. Даже то, что эта любовь, скорее всего, была не взаимной.

- Мне очень жаль, - прошептала я от чистого сердца.

- Спасибо.

Он заскрежетал зубами.

- Как она умерла?

В его глазах вспыхнул такой гнев, которого я ни разу у него не наблюдала, но я продолжала стоять на своем. К моему огорчению, он первый прервал зрительный контакт. Он ткнул вилкой в тамале, и я задалась вопросом, не хотел бы он, чтобы сейчас, на месте того самого тамале оказалась я.

Из всего сказанного им, я сделала вывод - *у него были проблемы с матерью*. Но у кого их не было?

- Что произошло с твоей матерью? - спросил он.

- Мужчины приходили в вашу жизнь, давали клятвенные обещания, забирали все, что хотели, и уходили?

- А разве так происходит не всегда? - усмехнулась я.

Или того хуже.

- Иди сюда, Котенок.

При звуке его баритона, мое сердце ушло в пятки. Я сразу же поняла, что означал этот тон. Моя голова сама собой начала *отрицательно* покачиваться, показывая тем самым мой ответ до того, как я успела облачить его в слова.

- Я не сделаю тебе больно, Котенок, во всяком случае, пока ты сама не вынудишь меня. А теперь, иди сюда.

Его голос был нежным, но твердым, и его слова давили на меня своей угрожающей серьезностью.

Я встала и медленно прошла разделяющее нас расстояние, останавливаясь прямо перед ним. Потянувшись, он положил свои руки на мои предплечья, удерживая меня.

- Видишь, - вздохнул он, - сейчас ты такая милая, такая смиренная и послушная. Ты уважаешь меня; ты уважаешь то, что я могу с тобой сделать, если захочу. Вот

такого Котенка мне хочется обнимать, защищать, и стереть все беспокойство с твоего маленького личика. И знай, если я тебе что-нибудь пообещаю, то я сдержу свое слово.

Все еще не отпуская моих рук, он встал со стула. Мое дыхание сбилось, а голова пошла кругом от алкоголя и тревоги, зародившейся в моем сердце. Я посмотрела вниз, на свои ноги, отказываясь встречаться с его глазами, хотя чувствовала на себе силу его взгляда.

Его дыхание стало тяжелее, а его руки сжимали меня все крепче. Когда он наклонился, мое дыхание вообще улетучилось, и он поцеловал меня - почти нежно, сначала в одну щеку, потом в другую. Затем, резко отстранившись, он развернулся, и направился в неизвестном мне направлении, успев лишь кинуть через плечо.

- Положи тарелки в раковину. Я сейчас вернусь.

Я действовала, словно находилась под заклинанием - быстро собрав все тарелки и положив их в раковину, я вытерла губкой со стола. После чего, вернувшись на прежнее место, села за стол.

Мои мысли беспорядочно метались. Если бы не тот факт, что я видела, как он открывал бутылку с пивом, я бы подумала, что он, возможно, что-нибудь подсыпал туда; но нет, видимо, я была просто пьяна.

Прежде, чем я услышала его приближающиеся шаги, до меня даже не дошло, что я была одна и упустила возможность найти способ выбраться отсюда. Он проверял меня?

Я вдруг почувствовала себя дрессированным животным. *Сидеть, Ливви. Сидеть. Хорошая девочка.*

- Ну что, Котенок, это было действительно весело, но боюсь, что у меня есть кое-какие дела, а это значит, что тебе придется вернуться в свою комнату.

По спине пробежался холодный озноб, и меня заметно потрянуло.

- Пожалуйста, Хозяин, - сказала я, глядя ему прямо в глаза, - Я не могу вернуться туда, пожалуйста, не заставляй меня идти туда.

Мое тело начало содрогаться от страха и паники, а не от неистового гнева, как раньше. Алкоголь сделал почти невозможной способность спрятать эмоции.

- Котенок, мы оба знаем, что твои мольбы ни к чему не приведут. Повторяю, у меня есть дела, и у меня нет времени с тобой нянчиться.

Независимо от результата, я бы умоляла его в любом случае.

- Тебе не нужно будет нянчиться со мной, обещаю. Я буду вести себя хорошо, я буду тихой; я буду такой, какой ты скажешь. Только, пожалуйста! Не заставляй меня возвращаться в ту темную комнату. Я сойду с ума.

Я смотрела на него и заклинала всем, что было у меня на этом свете. Я не могла вернуться в ту комнату. Я не могла вернуться к темноте, к одиночеству и страху, заточенных в этих стенах.

Тяжело вздохнув, он, молча, посмотрел на меня оценивающим взглядом.

- Скажи, Котенок, а что мне за это будет?

Глава 9

Кaleb был удивлен, насколько далеко согласилась зайти его пленница в том, чтобы остаться подальше от 'своей комнаты'.

Он задавался вопросом, причем уже не в первый раз, о чем он, мать его, вообще думал. Ведь он прекрасно знал, что последнее, что ему следовало делать - это приглашать ее в свою комнату.

Она и без того уже успела занять в его мыслях слишком много места. И чем дольше он находился рядом с ней, тем меньше, казалось, он доверял самому себе. Особенно сейчас, когда одного взгляда на нее было достаточно, чтобы разбудить в нем воспоминания о ее дрожащем под ним теле, желающем большего, но не осознающего своих потребностей.

С момента их первой встречи, она успела пройти длинный путь, и была уже не той застенчивой девочкой, за которой он следил на улицах Лос-Анджелеса.

Что-то внутри Калеба подсказывало ему, что то, что он сделал - было неправильным, но даже сейчас он не мог со всей уверенностью сказать, что не повторил бы этого снова, представься ему такая возможность. Или что он не хотел сделать этого еще раз.

В ней было нечто такое, к чему Калебу хотелось прикоснуться и попробовать. Что-то, на что ему хотелось заявить свои права.

Это был первый раз, когда девушка предложила ему что-то добровольно, и он был не в силах отказать. По спине пробежала неожиданная дрожь и его член мгновенно затвердел. Пока его разум сомневался в том, что ему было нужно, его тело, очевидно, этим не страдало.

Закрыв глаза, он попытался представить то, что должна была чувствовать она, стоя в нескольких шагах от него с завязанными глазами, и слегка подрагивая. Он ощутил холодный кафель под своими босыми ногами, аромат горящих свечей в воздухе и легкий вкус пота на своих губах. Ему хотелось попробовать *ее* пот.

Он был готов на все, лишь бы отвлечься от стихийного бедствия, произошедшего за кухонным столом. Было большой ошибкой задавать ей все эти вопросы. На самом

деле, ему не особо хотелось знать на них ответы. Тем более, что ему всегда претили эти разговоры о матерях.

Он сказал, что его мать умерла. И судя по всему, так оно и было. То есть, она была мертва во всех значимых для него отношениях.

Страсть Калеба тут же охладилась, вспомнив жалостливое выражение лица своей пленницы. *На хрен эту жалость.* Она ему была не нужна. Ему вообще ничего и ни от кого не было нужно, тем более от нее.

Лжец.

Теоретически, у Калеба была мать, правда, где именно она могла быть, он не знал, и со слов девушки, она все еще могла скучать по нему. Почему он не мог вспомнить ее? Где-то очень отдаленно, он чувствовал, что когда-то... любил ее? Теперь же, когда он думал о ней, он не испытывал совершенно никаких чувств. Это... сбивало с толку. Вырываясь из своих угнетающих и запутанных мыслей, Калев перевел внимание на девушку.

Улыбнувшись самому себе, он посмотрел на нее, стоящую во всем великолепии огромной, старинной ванной комнаты. В некоторых странах, размер этого пространства мог бы служить ему целым домом.

Она стояла в нескольких метрах от него, уязвимая, с завязанными глазами. Но это был ее выбор.

Ее изящная и дрожащая фигурка вновь разожгла его успокоившуюся эрекцию. Она даже понятия не имела, какой эффект на него производила; его маленькая невинная пленница. Ее высохшие волосы, после их совместно принятой ванны, были совершенно непослушными. Они были такими же неукротимыми, как и сама девушка, и почти такими же притягательными.

Прежде чем войти в его комнату, она стала чересчур застенчивой. И он подозревал причину. Ведь ранее он излил в нее свое удовольствие, а после она плотно поела и даже выпила. Не нужно быть гением, чтобы понять, почему она вдруг стала избегать его комнаты, в то время, как совсем недавно, сама так старательно пыталась получить от него приглашение.

Пьяной она была очень хорошенькой. Но ведь она всегда была хорошенькой, не только в хмельном состоянии. И, в конце концов, она пошла с ним. Доверившись его обещанию в том, что он позаботится о ней.

Она резко вдохнула, услышав, как он передвинул стол, и ему вдруг стало интересно, что в ее понимании это могло бы значить.

Он чуть было не застонал, когда увидел, как ее напрягшиеся соски вжались в ткань сорочки, всем своим видом умоляя его взять их в рот и сосать до тех пор, пока ее тело не взорвется в безжалостных конвульсиях.

Он вздохнул. Что, черт возьми, с ним происходит? После отъезда из Тегерана он пресытился женщинами, воплощая с ними все свои фантазии. У него было слишком много любовниц, но ни одна из них не оказывала на него такого влияния, как ОНА.

Если первым уроком для каждой рабыни было принять то, что ее желания не имели никакого значения, то первым уроком для каждого Хозяина было научиться не быть рабом своих желаний. Логика была крайне проста - повелевая рабыней, ты повелеваешь собой.

За три с лишним недели Калебу стало проще склонять его пленницу к своей воле, заставляя ее отзываться на то, на что она, несомненно, отзовется. При этом, чем больше покорялось ее тело, тем меньше покорялся ее разум. И чем меньше он знал ее мысли, тем больше ему хотелось проникнуть в нее всеми возможными способами.

Но на каждом шагу его блокировали, отказывали, отвергали, и это доводило его буквально до бешенства. Его агрессия по отношению к ней возрастала, в то время как динамика ее подчинения оставалась прежней. Это начинало беспокоить Калеба на уровне, которого он никак не мог объяснить.

На самом деле, он должен был быть доволен и спокоен. Владэк не сможет владеть и частью ее. В своем сознании она останется целой и нетронутой, чего нельзя будет сказать о ее теле. Отчего-то мысль о том, что Владэк будет прикасаться к ней взбесила его.

- Сними сорочку, - спокойно, но твердо сказал Калев.

Он улыбнулся, получая удовольствие от того, как она слегка подпрыгнула, услышав его голос.

Заерзав и переминаясь с ноги на ногу, она пыталась понять, что же ей делать со своими руками.

- Эм...? - замешкалась она.

Ее голос почти потерялся в огромном пространстве ванной комнаты.

Как можно тише, Калев направился к ней, желая насладиться очевидным напряжением, охватившим ее нежное тело. Он, действительно, был свихнувшимся ублюдком.

Часто и тяжело дыша, она резко втянула в себя воздух, когда почувствовала, как Калев положил свою руку ей на живот, мягко прижимая ее спину к своей широкой груди. Она была теплой, восхитительно теплой.

- Боишься, что я сделаю тебе больно, Котенок? - прошептал он ей на ухо, - зря, пока я в этом не заинтересован, во всяком случае, сейчас. Я обещал не делать тебе больно, и я не сделаю, но только до тех пор, пока ты будешь держать свое обещание, выполнить все, что я попрошу.

Ее дыхание стало затрудненным и неровным, и ему вдруг больше всего на свете захотелось поцеловать ее в нижнюю губу, которую она сейчас так безжалостно использовала в качестве жвачки.

Вместо этого, он сделал шаг назад и повторил, - Сними сорочку.

Сделав глубокий, судорожный вдох, девушка набиралась смелости. Калевб понял, что с его стороны было хитро и умно позволить ей выпить стопку текилы после ужина. И он был удивлен тем, что она сравнительно твердо держалась на ногах, учитывая тот факт, что на ее глазах была повязка.

Дрожащими руками она стянула лямку сначала с правого плеча, потом с левого, и спустила сорочку до талии, открывая его взору свою прекрасную грудь. С трудом удерживая себя на месте, Калевбу пришлось сосредоточиться на своем дыхании.

Затем, она попыталась спустить сорочку вниз, но ее округлые бедра не позволили ей этого сделать. Он подумал, что это было чертовски наивно и сексуально.

Устав от попыток спустить ткань по бедрам, что выглядело бы куда скромнее, она, наконец-то, решила снять ее через голову, отчего ее грудь колыхнулась, заставив Калеба закачаться на месте.

Его член, наверное, никогда не был таким твердым. Схватившись за него, он поправил его, отыскав положение, в котором ему было не так мучительно больно.

- Остановись, - хрипло произнес он.

- Просто оставь, как есть.

Подойдя к ней, он без особых усилий поднял ее на руки и положил на заранее подготовленный стол. Она, похоже, не знала, что делать со своими руками, поэтому Калевб совсем не удивился, когда она накрыла ими свою обнаженную грудь. Он хотел было убрать ее руки, чтобы исправить ее поведение, но решил не лишать ее этой соблазнительной скромности.

Ее мягкие, тихие всхлипывания, еле различимые на фоне шума набирающейся в ванну воды, подсказали ему, что за этой меховой повязкой скрывалось море слез. Теплых, соленых, вкусных слез, которые ему внезапно захотелось ощутить на своих губах.

- Перевернись, Котенок.

- Что ты собираешься делать? - задыхаясь, выговорила она.

Когда она засомневалась, он добавил, - Я обещал, что не сделаю тебе больно.

Видимо, удовлетворившись его ответом, она медленно перевернулась на живот.... и непроизвольно вскрикнула, когда Калевб взялся за край ее ночной сорочки и поднял

ее до талии. Внезапно, она подскочила, пытаясь встать, но он быстро надавил на нее своим весом, прижимая ее к столу.

- Это для твоей же пользы, не для боли.

Кaleb слышал страх в ее голосе, и хотя его это несколько опьяняло, он чувствовал себя немного неуверенно.

По правде говоря, ему не следовало делать того, что он сделал с ней в ее темной комнате, и неважно, как много удовольствия ему это доставило. Она ему не принадлежала, он не имел права творить с ней все, что ему заблагорассудится.

Но одной этой мысли было достаточно, чтобы разбудить в нем гнев и похоть. Она называла его Калелем. Она выкрикивала его имя: в страхе, в ярости и в потребности в нем, и, да поможет ему Бог - это выворачивало его наизнанку. Предел его желания к ней достиг своего апогея, и он не видел никакого альтернативного выхода, кроме как поиметь ее.

В этот момент, он стал слабым - для нее.

То, как ее тело отвечало на его прикосновения, было необыкновенным, во всяком случае, при тех обстоятельствах, в которых все происходило. Ее тело было таким естественно податливым и возбуждающим своей потребностью быть обласканным. Взяв свое, он причинил ей больше боли, чем намеревался, и сейчас его терзали сомнения в правильности своих действий. Все эти чувства были новы для него.

- Потому что... ранее, тебе было больно. Я сделаю так, чтобы тебе стало лучше.

Все ее тело напряглось, но она промолчала.

- Мне нужно, чтобы ты притянула колени к груди и раздвинула ноги.

Яркий румянец, вспыхнувший от этих слов на ее лице, не поддавался ни под какое описание, хотя Кaleb подумал, что его, скорее, можно было назвать пунцовым. В то время как его улыбка - напротив - можно было с легкостью отнести к категории ослепительная.

Осторожно, она сделала так, как он просил, выглядя благодарной Калебу за помощь. Он заметил, что, когда он настаивал на оказании ей какого-либо рода содействия, она подавалась куда охотнее, чем раньше. Он позволял ей верить в иллюзию своего бесплодного сопротивления, и она уступала его все возрастающим требованиям. Возможно, она чувствовала, что не делала ничего вульгарного по своей собственной воле, а подчинялась тому, что могло быть сделано и без ее согласия.

Девушка никоим образом не выказала протеста, когда он закрепил ее запястья к столу и зафиксировал распорку ей между коленями.

- Это поможет тебе стоять спокойно, - объяснил он, прекрасно зная, что эта помощь ей, несомненно, потребуется.

Она резко дернулась при первом же прикосновении пальцев Калеба, наносящих смазку на ее стыдливую и, однозначно, очень болезненную попку.

Вскоре, ванная комната заполнилась слезливыми всхлипываниями и униженными рыданиями. Еле слышное эхо, отражавшееся от стен большого помещения, на одно короткое мгновение отразилось в его душе незнакомыми ощущениями. Ему не часто приходилось чувствовать себя виноватым, но эта девушка обладала странной сверхъестественной способностью выжимать это из него. Ощущение было... чуждым, неприятным и чертовски раздражающим.

- Все хватит! Ты плачешь больше от смущения, чем от чего-либо еще. Перестань плакать.

Звуки его голоса заполнили комнату и, видимо, испугавшись, девушка замерла. Кaleb вздохнул.

- Вот, это поможет.

Выдавлив небольшое количество смазки на свой палец, Кaleb осторожно зажал ее клитор между большим и указательным пальцами. Она задрожала, парализованная его прикосновением, и он знал, что она, молча, умоляла его отпустить ее чувствительную плоть, чего он делать, конечно же, не собирался.

- Все хорошо, Котенок. Все хорошо, - мягко успокаивая ее, он начал ласкать влажный эпицентр ее естества.

И как опытный Хозяин, каким он и должен был быть, он всегда знал, как трогать женщину - не слишком сильно и не слишком мягко. Он не дразнил ее. Он заглаживал свою вину.

Кaleb наблюдал за тем, как она, сжав губы, отчаянно пыталась не проронить ни малейшего звука. И все же, ее губы медленно раскрылись и с них начали слетать тихие всхлипывания, которые вскоре превратились в хныканье, а те в свою очередь стали быстрым негромким дыханием, переросшим в хриплые стоны. Кaleb в который раз восхищался отзывчивостью ее плоти; тем, как расслабился ее ярко-розовый рот, а ее кошачий язычок то и дело облизывал изящный изгиб ее шелковых губ.

Натягивая наручники, сковывающие ее запястья, она приближалась к своему пику, пытаясь противостоять моменту полного расслабления, и все же она подсознательно подавалась назад в поисках его пальцев и того, чего она так боялась.

Он несколько сбавил обороты, выгадывая момент для того, что он собирался сделать. Протянув левую руку, он взял гибкую трубочку, напоминающую шланг. И когда он в очередной раз возносил свою прекрасную пленницу к вершинам экстаза, заставляя ее стонать и кричать одновременно, он вставил эту трубку ей в зад.

Она резко дернулась от неожиданного вторжения, но он крепко удерживал ее.

Медленно, внимательно он ласкал ее клитор, пока ее кулаки, наконец, не разжались, колени не расслабились, и ее дыхание не стало томным.

Проигнорировав настойчивое давление члена о молнию брюк и пронзительную, острую боль желания внизу живота, Калевб сосредоточился на утешении своей податливой рабыни.

Сейчас, цвет ее щек на фоне ее смуглой кожи выделялся ярко-розовыми пятнами. Результатом такого румянца мог послужить только оргазм, и Калевб не мог не испытать чувства гордости, за то, что именно он был причиной ее удовольствия.

Гладя ее спину, он не был удивлен тому, что она выгибалась под его прикосновениями. Ему будет не хватать. Этого. *Ее*. Отмахнувшись от этих мыслей, он сосредоточился на том, что рассказывал ей о своих действиях.

Она тихонько всхлипывала, пока он наполнял ее водой, убеждая, что давление в животе было нормальным, что ей не надо паниковать, что у нее, опять-таки, не получалось. Ее правая рука крепко держала его за пальцы, а левая была сжата в кулаке.

Когда он почувствовал, что девушка была уже не в силах принять в себя больше воды, он прекратил ее наполнять и заставил вытолкнуть всю жидкость.

Вот тогда она уже начала плакать по-настоящему. Она умоляла его не давить ей на живот, явственно демонстрируя своими неистовыми мольбами и страдальческим выражением лица весь стыд и смущение. Калевб как мог, старался держать ее неподвижно, обещая, что все будет хорошо, что ей нечего бояться или стыдиться, но все его попытки были безрезультатными. В конце концов, он все-таки надавил на нее своим весом.

Он смотрел на ее смущенное лицо, снова и снова наполняя ее водой и опустошая ее тело, и так без остановки, пока в ней ничего не осталось. Когда все закончилось, он снял с нее повязку и освободил ее от оков, чтобы она могла сесть на колени. К глубокому удивлению Калеба, она обняла его своими руками за шею и зарылась лицом в его плечо, отказываясь отпустить. От контакта с ее дрожащей плотью, по его телу разлилось тепло, схожее с чувством соприкосновения солнца с его кожей.

Непроизвольно в его памяти всплыло воспоминание о том, как она смотрела на него во время их первой встречи на остановке. В то утро, когда она пыталась разглядеть его, ей приходилось щуриться от солнца. Калевб находил ее весьма очаровательной, особенно, когда она улыбалась. Ему вдруг до боли захотелось увидеть ее улыбку, которую она посылала ему в тот день.

Вместо этого, он лишь крепче прижал свой дрожащий клубочек, чтобы поцелуями слизать теплые и соленые слезы с ее мягких щек. Даже на вкус она была

как солнце. Что бы он предпочел - ее улыбку или ее слезы? Сбитый с толку своими противоречивыми мыслями, он оставил ее, чтобы она могла умыться, наказав ей прийти в спальню, как только она закончит.

Кaleb медленно ходил по своей спальне, без остановки прокручивая в голове ворох непрошенных мыслей. Рафик сообщил ему, что после их прибытия в Тустепек, все дальнейшее необходимое транспортное обеспечение будет в полном порядке. Он также подтвердил, что их путь до Пакистана свободен от таможенников и заверил в наличии достаточного количества топлива на каждом промежутке дороги.

Все это конечно было хорошими новостями, но сейчас, состояние Калеба в лучшем случае можно было назвать апатичным, а в худшем совершенно раздраженным. После двенадцати лет ожидания, все происходило слишком быстро. В один из дней, который был уже не за горами, ему придется рассказать девушке об ожидающей ее судьбе.

Он должен заставить ее понять, что он сделает из нее шлюху. Шлюху Владэка. Он не мог не представить ее взгляда, каким она одарит его в этот момент. Но он также знал, что будет оттягивать этот момент настолько, насколько сможет. *У него было три недели.*

Остановившись, он задумался над тем, что же могло так надолго задержать ее в ванной комнате. Он уже был готов пойти к ней, но потом передумал. Будет лучше, если он даст ей возможность успокоиться и выйти самой.

Кaleb обвел взглядом свою спальню. Никто и никогда не догадывался о той роскоши и богатстве, спрятанных в стенах этого дома. Он был жемчужиной в этом пыльном мексиканском городе.

Шикарный ковер под его ногами, также как и гобелены, был привезен из Турции. Матрас на кровати был набит гусиным пухом, а постельные принадлежности были сшиты из лучшего египетского хлопка. Мраморный камин, который был, возможно, излишним элементом декора, доставили из Италии. Кaleb не сомневался, что на Мадере никогда не было настолько холодно, чтобы пользоваться им.

Одна стена комнаты была полностью сделана из армированного стекла, невидимая задвижная дверь которой выводила на террасу.

Кaleb вздохнул и улыбнулся. *Вероятно, никогда в своей жизни она не видела такой роскоши.* Где Владэк станет ее держать? Его желудок скрутило.

Услышав, как повернулась ручка двери, он перевел на нее свой взгляд, желая увидеть ее реакцию. И он не был разочарован: ее рука подлетела ко рту, а глаза, наполненные удивлением, широко раскрылись.

- Не то, что ты ожидала? - поддразнил Кaleb.

- Н-н-нет! - ответила она, обводя комнату недоумевающим взглядом.

Калев от души рассмеялся и помог ей пройти дальше в комнату. Она бродила в состоянии полу-транса, прикасаясь пальцами ко всему, что попадалось ей на глаза.

- Ты здесь живешь? Как ты можешь позволить себе такой дом?- спросила она, пропитывая невинностью каждый свой вопрос.

Он знал, что спрашивая о таких деталях, ею руководило больше любопытство, нежели хитрость. Ему вдруг захотелось, чтобы это был его дом. Чтобы он мог утвердительно ответить на ее восхищение.

Он был поражен своим внезапным желанием произвести на нее впечатление. Калеву пришлось, тут же напомнить себе о том, что, будучи его рабыней и не более того, она едва ли стоила таких усилий.

Его дом в Пакистане был таким же шикарным, если не лучше. Но она никогда не увидит его.

Поддавшись импульсу, он отвлек ее от разглядывания штор и развернул лицом к себе, по-мальчишески желая переключить все ее внимание на себя. Она застыла, как будто только сейчас вспомнила, что он тоже был в этой комнате. Как она посмела забыть о нем, даже на мгновение?!

Пытаясь перевести ее фокус на себя, он нежно, но твердо начал спускать с ее плеч лямки ночной сорочки.

- Что ты делаешь? - застенчиво спросила она.

Калев внимательно смотрел на нее, а на его губах промелькнул едва уловимый намек на улыбку.

- У нас уговор, Котенок: я не отвожу тебя в ту комнату, за что получаю покорную маленькую зверушку.

Медленно наклонившись, он поцеловал ее в нижнюю губу, именно так, как хотел.

Она начала кусать ее.

- Котенок, если ты будешь продолжать в том же духе, то испортишь свою губу.

Он запрокинул ее подбородок и теперь смотрел в ее большие карие глаза, и ему было неважно, что сейчас они были припухшими от количества выпланных слез.

- Я не собираюсь снова тебя трахать, если тебя это волнует.

Она попыталась отвести свой взгляд, но он крепко держал ее, и если бы он сконцентрировался, то смог бы услышать биение ее сердца.

Снова наклонившись к ней, он поцеловал раковину ее уха, - Я просто хочу побыть немного эгоистом.

- Что это значит? - неуверенно спросила она.

Не сказав ни слова, Кaleb взял ее за руку и повел к огромной кровати из вишневого дерева с четырьмя столбами по углам, напичканную всякими приспособлениями, которые можно было использовать по огромному количеству назначений, не видимых ее неопытному глазу.

- Я покажу тебе, - усевшись на край кровати, Кaleb поставил перед собой своего вынужденного добровольца.

Его заинтересованному взгляду была совершенно очевидна тревога, блуждающая по ее телу. Казалось, прошла целая вечность, но ни один из них так и не произнес ни слова. Кaleb просто смотрел, оценивал и делал мысленные пометки. Когда он, наконец, заговорил, она вздрогнула.

- Просто потрогай меня.

- Ты хочешь, чтобы я потрогала тебя? Где?

Кaleb не мог не наслаждаться тем, какой она казалась осторожной, но любопытной. Это намекало на ее храбрость, на ее хитрую и рискованную натуру. И, казалось, она сама даже не догадывалась об этом.

Порой в ней, он видел самого себя. Это было мило.... и тревожно.

- Везде, где бы тебе хотелось, - улыбнулся он.

Ее брови нахмурились, как будто его ответ требовал дальнейшего объяснения. Но это было не так. Он хотел, чтобы она прикасалась к нему, где угодно и как угодно, без его давления.

Возможно, потому что он думал, что если она коснется его по своей собственной воле, он перестанет чувствовать себя виноватым за то, что ранее взял ее без ее согласия. Или, может, ему просто хотелось почувствовать на себе ее руки.

Было время, когда Кaleb ненавидел чьи-либо прикосновения, потому как знал только жестокость, но сейчас, при правильных для этого обстоятельствах, ему это должно было понравиться.

- А потом что? Что ты собираешься делать?

Теперь она была почти рассерженна, раздражена. Кажется, Калебу была понятна ее реакция. У нее не было никаких причин верить в то, что он не воспользуется этим в своих интересах. И если быть честным - а он почти всегда был честен - даже он не был в этом полностью уверен. Тем не менее, он был человеком слова. Рафик научил его этому.

- Я буду держать свои руки вот здесь, - он похлопал по кровати, по обеим сторонам от себя, - если ты не попросишь меня об обратном.

Он знал, что расплылся в озорной улыбке, но ничего не мог с этим поделать. И старался не засмеяться в открытую, когда она недоверчиво фыркнула и закатила глаза. Она не поверила ему, ни одному его слову. *Осторожная, но любопытная.*

В течение нескольких минут в комнате было совершенно тихо, и пока она раздумывала над тем, что ей сказать или сделать, Кaleb не сводил с нее своего пристального взгляда. Его сердце ускорило свой ритм, одновременно с его дыханием. Неужели он, на самом деле, волновался? Для него эта ситуация была сильнейшим афродизиаком.

Она бесконечно кусала свою губу, вонзая белые зубки в мягкую плоть.

Его пальцы неосознанно сжали покрывало. Он знал несколько мест, на которых хотел бы почувствовать ее губы, а на отдельных участках своего греховного тела был бы не прочь ощутить и ее маленькие белые зубки.

Откашлявшись, она вырвала Калеба из его блуждающих мыслей.

- Значит... эм, если я это не сделаю.... тогда мне придется вернуться в свою комнату, так?

Тон, которым она задала вопрос, был почти повелительным. Кaleb кивнул.

Он заметил, как ее плечи слегка поникли, и она словно расслабилась. Она хотела этого. Она хотела его.

Он сдержал улыбку.

- Ладно. Я это сделаю. Но ты должен обещать, что будешь держать свои руки на кровати. Обещаешь?

Кaleb больше не мог изображать серьезность, он просто кивнул.

И даже не спросив, на что именно он согласен.... она прикоснулась к нему. Ее лицо вспыхнуло, но ее голос был почти уверенным.

И снова Кaleb восхитился противоречивостью ее натуры. В один момент - застенчивая, а в другой - уже львица.

- Закрой глаза. Иначе, я не смогу трогать тебя.

Кaleb рассмеялся, особенно когда увидел, как она залилась краской, и нехотя, но все же подчинился.

Было уже поздно, так поздно, что почти рано, в зависимости от того, как на это посмотреть.

Девушка мирно спала рядом с ним, прижавшись своей попкой к его паху. Его удивило, насколько быстро она уснула, хотя, если принять во внимание все, через что он заставил ее пройти, это было неудивительно.

Закрыв глаза, он вдохнул запах ее волос, запах ее тела.

Он вспомнил ее любопытные пальчики, зарывающиеся в его волнистых светлых волосах. Это было первым, к чему она решила прикоснуться. Всю кожу головы приятно покалывало, и это ощущение спустилось вниз по его шее, дальше по позвоночнику и стало исходить из каждой его конечности.

Одно простое прикосновение и он уже начал сомневаться в том, что сможет выполнить свое обещание. Но он по-прежнему оставался неподвижным. Ему хотелось узнать, как далеко она зайдет.

Он говорил себе, что это было частью ее тренировки - приучить ее трогать и познавать мужское тело. Но не все мужчины были такими как он. Большинство предпочитали получать удовольствие, а не дарить его, и Калёб всего лишь учил Котенка покоряться его прикосновениям, а не осознавать силу собственного контроля вхождением в контакт со своим Хозяином.

Он признался себе, что специально старался не знакомить ее с этим аспектом, взаимодействия, которым вскоре ей предстоит пользоваться. Это делало его каким-то уязвимым, но не потому что он был жадным до ласк - ничего подобного. Все его предыдущие рабыни часто к нему прикасались. Но с ними он всегда оставался беспристрастным и строгим, подсказывая, что ощущалось хорошо, а над чем надо было еще работать. В то время, как с ней, ему хотелось... чего-то особенного.

Вся темнота его желаний заводили его в такие сети, из которых он каждый раз выбирался с большим трудом. И все же, ей надо было учиться, разве не так? Он должен был вынести это. У него не было выбора.

Привыкнув к прикосновениям, она усилила хватку в его волосах. В этом был намек на боль, его член неизбежно дернулся. Оставив его волосы, она начала бродить по его лицу, паря своими нежными пальчиками по его лбу, скулам и подбородку.

Когда она прижалась пальцами к губам, он напрягся, думая, что она поцелует его. Но она не поцеловала.

Вместо этого, она провела пальцами по шее и, спустившись к его плечам, даже отважилась слегка скользнуть под рубашку, очерчивая путь расстегнутых пуговиц у его горла.

Он чувствовал, как температура ее тела подскочила на несколько градусов, и жар ее лона, отделяемого от его напряженного члена всего лишь несколькими сантиметрами.

В конце концов, именно он положил этому конец. Потому как, был сыт по горло своими попытками сдержать свое глупое обещание. Он сказал ей, что этого достаточно, и что она может лечь в кровать.

Его голос звучал прохладно, что полностью противоречило бушующему внутри пожару.

Он прикрепил ее левое запястье к одному из столбиков кровати золотой цепью. Цепочка была тонкой, но прочной, что позволило бы ей спать с комфортом, но не сбежать.

После, он пошел принять душ и сделать кое-что еще, чего ему не приходилось делать в течение очень долгого времени. Разбрызгивая блестящие полоски спермы по кафелю в душевой кабине, он в который раз задавался вопросом, о чем он, черт возьми, думал. И вот теперь, он лежал с ней в кровати, обнимая ее как свою любовницу, вдыхая аромат ее волос и лаская ее руку.

Хуже всего было то, что он не думал, что сможет остановиться. Он не хотел останавливаться.

Обняв ее за талию, он придвинул ее ближе. Она вздохнула. Эта сладкая булочка даже запрокинула голову назад, касаясь своей щекой ткани его футболки. Она что, хотела, чтобы он поцеловал ее? Не теряя времени, он решил это выяснить.

Осторожно и вопрошающе, он прижался своими губами к ее губам. Она снова вздохнула и, не открывая глаз, лениво раскрыла свои губки. Обнадеженный ее реакцией, Калев стал дразнить ее губы кончиком своего языка. Он был настоящим мазохистом. Иначе, какого хрена он мучил себя таким вот образом? На вкус она была теплой, сладкой... с далекими нотками алкоголя.

Словно ему в награду, она издала небольшой стон прямо в его рот, и ее тело слегка подалось к нему, теперь уже в поисках его губ. И он дал ей то, чего они оба хотели, осторожно проникая своим языком в ее рот.

Внезапно, она стала очень активной. Не пробуждаясь ото сна, она стала небрежно и жадно посасывать его язык. Он слегка отстранился, на что она захныкала, ища его с закрытыми глазами.

Он подавил смешок.

- Ммм, Калев, - сказала она на болезненно звучащем выдохе.

Его сердце забилось в три раза быстрее. Неужели она видела его во сне? Или она притворялась, что спит? Знала ли она, что он целовал ее, и что она охотно отвечала на его ласки?

- Да, Котенок? - спросил он, откровенно нервничая.

- Ммм, - ответила она.

На ее губах появилась легкая улыбка.

Он хотел снова поцеловать ее, но не стал этого делать.

Она попыталась повернуться к нему, но цепь, сдерживающая ее руку, помешала ей. Нахмутив брови... она так и не проснулась. Тогда, Калевб наклонился и освободил ее запястье.

Мгновенно повернувшись к нему, она положила свою голову ему на плечо, и своей теперь уже освобожденной рукой, прижала его ближе. Ее левая нога вжимала его ногу в матрас, а ее горячая маленькая киска прижалась к его бедру.

Блять, неужели все это происходило с ним наяву?

Смирившись, он обернул свою левую руку вокруг нее, а правую положил себе на грудь, на свое все еще сверхскоростное сердце. Спустя некоторое время, сон, наконец, спас его от этой сладкой пытки.

Глава 10

Это был тот самый сон, который я видела с того дня, когда мы с ним впервые встретились. Тот, который я с таким нетерпением ждала всякий раз, укладывая свою голову на подушку.

Я не хотела, чтобы он мне снился, но у меня не было выбора. Думаю, что таким образом мое подсознание желало вернуться назад, и, перебрав произошедшее, узнать, что же я упустила, чего не заметила в то утро на остановке.

Во сне я спешно шла по тротуару, пытаюсь скрыться от мрачного парня в машине, и когда подняла глаза, я увидела ЕГО.

Возможно, дело было в его легком шаге, или в том, как его взгляд скользнул мимо меня, не задерживаясь, но по какой-то причине, он показался мне... надежным. Я бросилась в его объятия, обхватывая его руками за талию, и прошептала, - Просто подыграй мне, ладно?

Даже за пределами своего сна я реально почувствовала, как по моей шее скользнула капля пота. Каким-то краешком сознания я ощущала свои повороты и ерзание, но никак не могла определить источник своего неудобства.

Он подыграл, и я удивилась, когда меня обхватили его руки.

Момент опасности, кажется, был уже позади, но мне почему-то не хотелось его отпускать. В его руках я ощущала себя в полной безопасности, прежде, я никогда

по-настоящему не чувствовала себя в безопасности. И он так хорошо пах, именно так, как я полагаю, должен был пахнуть мужчина - свежестью, душистым мылом, теплой кожей и легким потом.

Осознав, что я слишком долго пользовалась своим положением, не отпуская его, я спешно убрала свои руки, словно он был охвачен огнем. Подняв на него глаза, я поняла, что передо мной стоял ангел.

У меня чуть не подкосились колени, и по ту сторону своего сна я услышала собственное хныканье. Часть меня знала, почему мне не следовало на него смотреть, но я была не в силах отвести взгляд.

Свой сон я видела от третьего лица – словно занимая в нем роль зрителя.

Он был самым прекрасным созданием из всех, что мне когда-либо доводилось видеть в своей жизни, включая щенков, младенцев, радугу, закаты и рассветы. Я бы даже не осмелилась назвать его мужчиной - мужчины не могут быть такими красивыми.

Его кожа была покрыта прекраснейшим загаром, как будто само солнце неспешно ласкало его своими лучами до создания полного совершенства. На его мускулистых руках виднелись такие же золотистые волосы, что и на голове, а его глаза напоминали зеленовато-голубую лагуну Карибского моря, которую я видела только на киноафишах.

Он улыбнулся, и я не могла удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ. Я была марионеткой, а он дергал за мои веревочки.

Его улыбка обнажила красивые белые зубы и острый клык на левой стороне, что делало их несовершенными, но в его случае, этот маленький дефект лишь добавлял ему больше очарования. Он что-то говорил мне о другой девушке, но я отказывалась слушать.

Где-то там, вдалеке, я услышала знакомый голос, свой голос. Это было во сне? Или наяву? Я не могла разобрать.

Я умоляла этот сон испариться. Ведь мне не удалось найти того, что я искала - свое упущение, свою ошибку. И теперь, мне следовало остановиться, прежде чем я доберусь до той невыносимой части, которая не имела ничего общего с моими воспоминаниями, а была лишь рождена моими желаниями и фантазиями.

Прильнув к нему, я подняла голову. Мне хотелось, чтобы свои пухлые губы он использовал по приятному для меня назначению, и никаких отказов по этому поводу я принимать не собиралась. Когда его язык скользнул по моим губам, у меня между ног возникло новое ощущение, которого я никогда раньше не испытывала. Я почувствовала ноющую тяжесть внизу живота и неожиданно ощутила биение своего сердца не только в своей груди, но и в тех тайных складочках.

Этот поцелуй вырвал из меня стон, и почти сразу же я услышала звуки его наслаждения. Я жаждала прикоснуться к нему повсюду. Я настолько сильно его хотела, что если бы он вознамерился взять меня на этом тротуаре, мне было бы все равно. Меня даже не волновало, что скажет моя мама. Для него я буду шлюхой. И я была рада, что ждала. Я была рада, что именно он станет первым хозяином моего тела.

Он запустил свои руки в мои волосы, и, я почему-то почувствовала опасность, но тут же поспешила прогнать ее прочь. Наш поцелуй превратился в голодный и жадный, причиняя моим губам небольшую боль. Его рука сжала мои волосы в кулак. Это ощущение показалось мне отдаленно знакомым. Я не хотела прекращать этот танец губ и языков.

Неужели я чувствую привкус пива?

Внезапно, все это стало слишком знакомым. Поцелуй. Прикосновение.

'Ливви, и этим ты занимаешься каждый раз, как я иду спать? Надеваешь свое рута - шмотье и пытаешься соблазнить своего отца?'

'Он мне не отец!'

И это он во всем виноват. Не я.

'Будешь вести себя как шлюха, и относиться к тебе будут как к шлюхе'.

Я тебя ненавижу.

Но тут, совершенно внезапно, мною овладело чувство глубокой печали. Что-то ужасным образом идет не так.

Я прерываю поцелуй, и мои глаза расширяются от неподдельного ужаса. Моему взору представляется все то же молодое лицо, красота которого не попадала ни под какое описание, но сейчас оно смотрит на меня со зловещим выражением. Его глаза до сих пор напоминают мне о море, но теперь вместо солнечных пляжей Карибских вод, я вижу жутких тварей, прячущихся в глубине его пронизывающего взгляда. Он уже не ангел, а дьявол, которого я всегда так сильно боялась.

Мои глаза тут же распахнулись, и я уставилась в окружающую меня пустоту. Мое сердце отбивало барабанную дробь, а по щекам текли непрерывные слезы, но, несмотря на все это, между ног я почувствовала бесстыдную влажность. Прошлый ужас грозился толкнуть меня в объятия нового ада, чего я изо всех сил старалась избежать.

Кaleb мирно спал рядом со мной, обернув свою руку вокруг меня, сжимая ею словно тисками. Мне бы следовало постараться выбраться из его сонных объятий, но, по правде говоря, ощущение его мускулистого тела, прижатого к моему, дарило

комфорт, о котором я мечтала целыми неделями. Или даже годами. Кроме того, в его комнате было несколько прохладно.

Внутри этого богатого убранства не было и намека на невыносимую, горячую липкость, которой насквозь была пропитана моя комната. *Моя комната - забавно.*

Я стала прокручивать в мыслях то, что случилось, с трудом воссоздавая события прошлой ночи. Я подумала, что если бы я читала об этом в книге или смотрела в кино, то нашла бы в этом нечто сексуальное. Но непосредственно участвовать в этом, испытывать все на собственной шкуре было... страшно. *В основном.*

Стоило мне только подумать об этом, как мое сердце забилося еще жестче и быстрее, но не так, как раньше. Кроме того, в своем животе я почувствовала знакомую дрожь, которая вскоре стала спускаться ниже.

Это напомнило мне о тех ощущениях, которые я испытывала, когда ребенком играла в прятки в темноте. Я не хотела проиграть, и отсиживалась в темном уголочке, не зная, найдут меня или нет, это одновременно и пугало и будоражило. Даже тогда я уже знала, что меня на самом деле так захватывало - и это были не прятки как таковые, а сопровождающий их всплеск адреналина. Нахождение рядом с Калемом всегда было сродни этому стремительному потоку энергии.

Я продолжала смотреть на его лицо - его глаза были закрыты, голова наклонена к моим рукам, от чего под своими пальцами я чувствовала его мягкую кожу. Все случившееся промелькнуло в моем сознании чередой вспышек света - света, который ослеплял меня во тьме.

Мне снилось, что я возвращала его поцелуи, и делала с ним не только это.

Своим задом, я чувствовала его твердость, и вопреки всякой логике мне захотелось потрогать его *там*. Мне хотелось увидеть то, что было внутри меня.

Когда прошлой ночью он попросил меня остановиться, я была слегка разочарована. Возможно, мне даже стало немного не по себе от мысли, что я сделала что-то не так.

Сначала его голос был хриплым, даже каким-то отстраненным, но потом он смягчился, и сказал мне, что все было хорошо, даже слишком хорошо. По какой-то совершенно безумной причине, в дополнение к своему полному замешательству, я почувствовала - ну не знаю, отразит ли это слово облегчение мое тогдашнее состояние - гордость... ну, что-то в этом роде.

Калев был странным - жестоким и порой бесчеловечным монстром, но все же, иной раз он, казалось, был в состоянии демонстрировать такие непривычные для него чувства, как забота. Он заставлял меня кричать, плакать и дрожать от страха, а в следующую долю секунды он заставлял меня верить в то, что не он был ответственен

за все это. Обнимая меня, он заставлял меня чувствовать себя в безопасности. Как такое было возможно? *Видимо, я была гораздо доверчивее, чем думала.*

Медленно, переведя свой взгляд на шторы, я стала свидетелем картины, которой мне так не хватало долгое время. Дневной свет исполнил свой дебют, окрашивая шторы в более светлые тона.

Мой пульс участился, а чувство тревоги усилилось. По ощущениям, это было похоже на рождественское утро.

Я медленно подняла руку Калеба, и осторожно убрала ее со своей груди. Он заворчал, заставив меня на мгновение замереть от ужаса. Резко вздохнув, он, к моему безграничному облегчению, перекатился на другую сторону. Я была свободна от него. Но что меня удивило еще больше, так это то, что я была свободна и от золотой цепи, которой ночью он скрепил мое запястье.

Отказываясь надолго задерживать на этом свое внимание, я, возможно, быстрее, чем следовало, сползла с кровати и стала на четвереньках пробираться к свету. Отодвинув шторы - самую малость, от чего в мои глаза тут же ударил поток яркого, ослепившего меня, солнечного света. Я крепко закрыла глаза.

Черт побери, с тех пор, как я в последний раз видела свет, прошло так много времени! Медленно открыв глаза, я, наконец-то увидела самое заветное желание моей истосковавшейся в темноте души. Это был свет - прекрасный, теплый, безопасный свет. Я не могла оторваться от этого зрелища.

На секунду мне показалось, что все, что происходило со мной до этого момента, было простым сном, и теперь, после того, как мое спасительное солнце взошло, я, наконец, смогу проснуться. Я больше никогда не засну, и монстры никогда за мной не вернутся.

Чуть шире приоткрыв штору, я увидела большую террасу. На ней стоял стол с большим зонтом, шезлонги, и повсюду расставлены растения в горшках; это было нереально. Приложив ладонь к стеклу, я ощутила своей кожей тепло солнца и прохладу утра. Боже, как же это все было нереально!

Обернувшись, я посмотрела на спящую фигуру Калеба, чье дыхание было глубоким. Он явно проснется еще не скоро.

Мое сердце забарабанило в груди. Это был он - мой шанс на спасение.

Мой разум кричал - *если ты попытаешься сделать это, и он поймает тебя, то тебе конец! Ты что, совсем свихнулась?!*

Но он также подсказывал мне - *если ты не сделаешь этого сейчас, у тебя никогда не будет другого шанса.*

Я приняла решение. Я собиралась сбежать.

Задержав позади себя штору, я стала осматриваться, в надежде отыскать средство, способное помочь справиться с дверью. Успев обследовать всю окружающую нас территорию, я ничего не увидела - ни зданий, ни дорог, ни людей. Но я не позволила этому обстоятельству охладить свой пыл.

Мои пальцы стали блуждать по стеклу в поисках хоть какого-нибудь зазора, чтобы открыть окно, но я ничего не видела и ничего не чувствовала. То же самое я проделала со стеклянной стеной - но вновь тщетно.

Нервничая и волнуясь, я снова оглядела комнату. Кaleb продолжал мирно спать.

Я нажала на стекло, но и эта попытка не увенчалась успехом. ТВОЮ МАТЬ! Я видела, что эта была рельсовая дверь и знала, что при открытии она отъезжает в сторону. *Думай! Просто думай!* Я не видела, где открывается эта дверь, но она должна была как-то открываться, значит, возможно... я просто не видела замка. Уставившись на самый верх двери, я сокрушенно поняла, что определенно не смогу до туда дотянуться.

Единственным способом достать этот чертов верхний замок, было встать на большой кожаный стул, стоявший в углу комнаты. Выглядел он тяжелым. Я чуть не вскрикнула от негодования.

Я снова обернулась и посмотрела на Калеба. *Как, черт возьми, я должна притащить к окну эту бандуру и при этом не разбудить его?!*

Как можно тише я прошла к своему неодушевленному противнику и приложила все силы, чтобы сдвинуть его с места. Стул издал мягкий звук скольжения по ковру, и я снова посмотрела на кровать.

Кaleb продолжал спать.

Не было ни единого гребанного шанса, что я смогу передвинуть стул до своей цели, не разбудив его.

Я снова стала лихорадочно рыскать глазами по комнате, стараясь не потерять сознание от того, что мое лицо покинула разом вся кровь. И тут мой взгляд упал на дверь гардеробного шкафа, из которого виднелся пиджак Калеба, а из-под него выглядывала наплечная кобура.

Неужели это...? О, Боже, неужели, это *то*, о чем я думаю? Потянувшись к мягкой ткани, я подняла ее.

Эта была самая большая чертова пушка, которую я когда-либо видела - *единственная* которую я видела, но все же. Меня чуть не стошнило.

Часть меня умоляла забыть эту чертову штуку и вернуться в кровать. Как там говорилось: Без осторожности нет и доблести? *Хрен с ним!*

Я взяла оружие в руки. Это долбанная штуковина весила целую тонну.

Гардеробный шкаф открылся, и на мгновение, я даже потеряла дар речи от такого ассортимента орудий пыток, спрятанных внутри. Тут были стеки, плети, цепи, и другие предметы, названия которых я забыла, но которые видела в сериале *Реальный Секс* на НВО у Николь дома. А это что - утыканный шипами фаллоимитатор? Я чуть не упала в обморок. Неужели Калеб планировал использовать эти безумные инструменты на мне? Большой придурок. И все же...

Я заметила пару наручников, даже несколько пар, без меха. Это означало, что они были настоящими, ведь так? Потому как если нет, это будет весьма досадно. Я готова рискнуть.

Надев пиджак Калеба, я была поражена его размером. Положив пистолет на кожаный стул, я начала закатывать рукава.

- Какого черта ты делаешь? - злой голос Калеба в момент заставил меня замереть на месте.

Наши глаза встретились: мои - широко открытые и полные ужаса, его - холодные и ядовитые. Он выпрыгнул из кровати, и я тут же кинулась к пистолету. Я была быстрее. Впервые.

- Даже, блять, не думай двинуться. Ни единого гребаного шага, - мой голос звучал пронзительно, почти в панике.

Я могла пристрелить его только из страха, и, кажется, осознав это, он тут же остановился.

Мое сердце билось слишком быстро, картинка перед глазами стала расплываться. *Держи себя в руках, Ливви. Держи себя, мать твою, в руках.*

- Опусть пистолет, Котенок, - прошептал он так, как будто я была больше напугана, чем он.

Черт, может, так оно и было.

Вероятно, это был не первый раз, когда кто-нибудь наставлял ему пушку в лицо, но, несомненно, это был первый раз, когда я угрожала чьей-то жизни. Мне хотелось плакать. Я не хотела этого делать. Я не хотела причинить ему вред. *У тебя нет другого выбора, Ливви. Либо ты, либо он.* Как же я это ненавидела.

Я чувствовала себя одной из тех недалеких девчонок в кино, которые держат на мушке своего потенциального убийцу, но у нее дрожат руки, а убийца подходит все ближе, и она просто не может выстрелить. В следующее мгновение она - труп. Значит, и я труп.

Я сделала глубокий вдох и теперь уже увереннее держала пистолет, игнорируя его немалый вес и судорогу в предплечьях в результате моих попыток держать его на одном уровне. Но особенно тщательно, я игнорировала свои потные ладони, которые теперь скользили по рукоятке.

- Пожалуйста, Кaleb, - почти умоляла я, - не двигайся. Дай мне уйти и мне не придется тебя убивать, потому что я это сделаю. Клянусь Богом, я сделаю это.

Он был спокоен. Слишком спокоен.

- Никто не собирается никого убивать, Котенок. Но я не могу позволить тебе уйти. Просто опусти пистолет, и я обещаю, что не стану тебя наказывать.

Я не смогла удержаться от смеха. Оружие было у меня, но именно *он* держал меня в заложниках. Мой смех перешел в истерический. Мое сознание снова отправилось в уже знакомое мне специальное местечко. Или, возможно, меня вдохновила эта чертова пушка в руках, которая напомнила мне о 'Грязном Гарри'.

- Я знаю, о чем ты думаешь, - еле выдавила я из себя слова.

- '*Он выстрелил шесть раз, или только пять?*' Честно говоря, в этой суматохе я и сам сбился со счета. Но начнем с того, что это Магнум 44-го калибра, самый убойный пистолет на свете, и он может на хрен снести тебе башку. Теперь ты задаешь себе один вопрос: 'Повезёт ли мне?'. Ну, повезёт ли, подонок?

Выражение лица Калеба было бесценным, где-то между глубокой обеспокоенностью (плюс очко к моему здравомыслию) и злостью (плюс очко к моему идиотизму).

- Котенок, - начал, было, он.

Я взяла пушку в обе руки, так как одной уже не справлялась. В процессе, мой палец слегка надавил на курок, и впервые в жизни я увидела, как в глазах моего похитителя отразился подлинный страх. Он сглотнул.

Я осторожно убрала палец с курка, с облегчением осознав, что не успела сделать ничего глупого, или в моем случае – *глупее*. Потянувшись к наручникам, я бросила их в его сторону. Он поймал их, не прерывая зрительного контакта.

- Котенок, пистолет не заряжен.

Мое сердце сжалось.

- Чушь собачья, Кaleb. Не заставляй меня проверять, кто из нас блефует.

Он улыбнулся. Совсем слегка. Если бы вы не знали его так же хорошо, как знала его я, вы бы этого даже не заметили.

Не знаю почему, но мой взгляд опустился на его боксеры. У этого ублюдка был стояк.

- Пристегни себя к кровати и не заставляй меня повторять дважды.

На этот раз, его улыбка стала широкой, даже самодовольной.

- Котенок, если это ТО, чего ты хотела, тебе стоило просто попросить.

Правда? Неужели он позволил бы мне пристегнуть его наручниками к кровати?
Ливви! Сконцентрируйся!

- Заткнись и делай то, что я сказала.

Я была не в себе.

Он нахмурился, и на мгновение я даже забыла о том, кто был хозяином положения. Но тяжелый металл, скользящий в моей вспотевшей ладони, тут же напомнил мне об этом.

- Быстро!

Он подошел к ближайшему ко мне столбику кровати и сцепил свои запястья вокруг него.

- Туже, - я была нетерпелива, взвинчена.

Он подчинился, и я вздохнула с облегчением. Опустив пистолет, я позволила своему замешательству успокоиться, взору проясниться, а адреналину осесть.

- Чувствуешь себя лучше, зверушка? - все еще игриво прошептал он.

Успокоившись, я сделала к нему два шага и залепила ему такую смачную пощечину, что мою ладонь заволокло болью. Внезапно, он дернулся вперед, хватая руками меня за бедро, а ногами за мои лодыжки, и попытался сбить меня с ног.

Я упала на спину, а пистолет отлетел в сторону. Так как он больше не мог достать меня своими сцепленными руками, он пытался зажать меня между своих ног. На что я, собрав все свои силы, поползла назад, отказываясь быть пойманной.

Наконец, освободившись, я натолкнулась на стул, все еще стоявший в углу.

- Ты за это заплатишь, зверушка, - задыхался он, а на его правой щеке красовался красный отпечаток моей ладони.

Я потрясла своей рукой, - Я уже заплатила. Это тебе моя сдача.

Спустя несколько минут, мне, наконец, удалось придвинуть стул достаточно близко к окну. Встав на него, я чувствовала себя на краю. *Пожалуйста, хоть бы я поступала правильно.*

Стук моего сердца отдавался в ушах, поэтому я закрыла глаза, пытаюсь заглушить свое сомнение. Мое дыхание остановилось, когда я, наконец, нащупала небольшую перемычку.

Я обернулась, чтобы посмотреть на Калеба. Выражение его лица покинула недавно бушевавшая в нем злость, но след от моей пощечины все еще сильно выделялся.

Произнеся про себя молитву, я спустилась вниз и открыла дверь. После чего, позади себя я услышала тихий голос Калеба, - Котенок, - он звучал взволнованно или грустно, - не дай мне тебя найти.

Это была угроза? Я не собиралась задерживаться, чтобы выяснить это.

Не оглядываясь назад, я побежала со всей силы, на которую только были способны мои ноги. Мои легкие горели, а босые ступни сильно шлепали по пыльной земле. Было раннее утро, и земля еще не успела прогреться.

Я хотела позвать на помощь, но не была уверена в том, что находилась достаточно далеко от зоны слышимости Калеба, поэтому я просто бежала без остановки.

Впереди я увидела мужчину в фартуке, толкающую тележку с коробками в какое-то заведение.

- Помогите!

Мужчина посмотрел в мою сторону, и на его лице отразилось замешательство и тревога. Поравнявшись с ним, я практически бросилась ему в руки, пытаюсь затащить нас обоих внутрь здания.

- *Que pasa? Que te paso?*- спросил он на испанском.

Я толкнула его еще сильнее, отчего мы оба чуть не свалились на тележку по пути в помещение.

С трудом дыша, я пыталась сбавить обороты и объяснить на испанском, что я - гражданка США, что меня похитили и удерживали против моей воли. Я сказала ему, что мне удалось сбежать, и что мой похититель находится поблизости и мне срочно нужно обратиться в полицию.

- Кто тот мужчина? - спросил он.

- Кто тот мужчина, который тебя похитил? - он, казалось, выглядел таким же безумным, как и я.

Открыв дверь, он посмотрел в сторону, откуда я бежала.

- Отойдите от двери! - закричала я.

- Калев! Его зовут Калев, пожалуйста, вызовите полицию.

- Где я вообще, черт возьми, нахожусь?

Наконец, мужчина быстро закрыл дверь и запер ее на замок.

- В Мексике.

- В Мексике?!

- Si, Mexico, - мужчина был рассержен. *Гребаная Мексика. Я так и знала!*

- Да, черт возьми, ты здесь, - из-за угла послышался мужской сиплый голос.

Я, и, предположительно бармен, обернулась на голос этого мужчины.

Он производил впечатление неопрятного человека, и виной тому служила не бедность или лень, а беспорядочный образ жизни. Было еще раннее утро, а он - американский байкер был уже здесь, в баре.

Уставившись на меня, он сделал глоток пива и облизал с усов пену.

Внезапно, до меня дошло, как я могла выглядеть со стороны. Ведь под пиджаком Калеба я была практически голая. Обняв себя руками, я шагнула за угол барной стойки.

- Пожалуйста, вы не могли бы мне помочь? Мне нужно обратиться в полицию.

Сделав еще один глоток, он покачал головой.

- Дорогуша, поверь, тебе не следует обращаться в полицию. Эти грязные мексиканцы продажны, как черти. Они просто продадут тебя тому, от кого ты убежала. Самое лучшее, что ты можешь сделать - это добраться до границы и попросить своих ребят о помощи.

Я посмотрела на бармена.

- *Es la verdad*, - сказал он.

Это правда.

Рассердившись, я закричала, - Ну тогда помогите мне добраться до этой долбанной границы!

Бармен подпрыгнул и с беспокойством ринулся в подсобное помещение. В это время, байкер поднялся и, схватив пиво, допил его. После чего, ударив пустым стаканом по столешнице, вытер рот тыльной стороной ладони.

- Знаешь ли, дорогуша, сейчас тебе не стоит ругаться.

Он подошел ко мне, проводя своей рукой по поверхности барной стойки, и умышленно окидывая меня сальным взглядом.

- Я уверен, мы что-нибудь придумаем.

- Да пошел ты, - ответила я, смотря на него с отвращением.

Он усмехнулся.

- Куколка, просто у меня в голове появился другой план, может, устроить тебе выкуп. Что-то типа, награды нашедшему?

Он снова с любопытством оглядел меня с головы до ног.

- Но я, конечно же, всегда готов пойти на компромиссы.

В это же мгновение послышались громкие стук по двери, и тот, кто за ней стоял, явно пребывал не в самом лучшем расположении духа.

Байкер посмотрел на меня, и, увидев охватившее меня состояние паники, быстро толкнул меня за барную стойку.

- Забирайся, мать твою, туда и если хочешь остаться в живых, не издавай ни единого писка!

Повинуясь инстинкту, я забралась под барную стойку, прямо под кассовым аппаратом, и свернулась калачиком.

Байкер побежал в подсобное помещение и быстро вернулся с несколькими упаковками алкоголя. Прежде, чем я поняла, для чего он это делал, он поставил их одну на другую и задвинул под бар, закрывая меня.

Все это время в дверь не прекращались сыпаться оглушительные удары.

- Не двигайся, - сказал он в последний раз.

Схватив стакан со стойки, он начал было наполнять его пивом, когда громкий хлопок разнес в щепки деревянную дверь. Я чуть не обмочилась от страха.

- Ого! - воскликнул байкер, громко смеясь.

Я пыталась успокоить свое грохочущее в груди сердце, и крепко закрыв глаза, постаралась представить себя в другом месте.

- Где она, черт возьми? - потребовал Калев, спокойным, нечеловеческим голосом.

- Где кто, приятель?

- Не прикидывайся дураком, ты, урод, иначе я снесу на хрен твою чертову башку!

- Знаешь, это звучит не очень хорошо. Послушай, приятель, я просто слежу за баром Хавьера.

- И где этот Хавьер?

- Да у него какие-то проблемы со своей женой, на хрен мне надо об этом думать или знать. Просто на время его отсутствия я наслаждаюсь бесплатной выпивкой.

- А что с оставленными на улице коробками?

- А ты никогда ничего не оставлял второпях?

Комнату заполнила оглушительная тишина.

- Причем, если ты ищешь его с дробовиком в руках, то у него явно была веская причина для того, чтобы побыстрее отсюда свалить, - сказал он и противно расхохотался.

Снова тишина. Потом слышались медленные, и твердые шаги Калеба, приближающиеся к бару. И в этот раз, я, все-таки, немножко обмочилась. Могу вас заверить, это был не самый лучший момент моей жизни.

- Как ты говоришь, тебя зовут?- спросил Калев.

- Я еще не говорил; но ты можешь называть меня Шкет.

Калев коротко и жестко усмехнулся.

- Шкет, значит? Значит так, Шкет, - я издали услышала, как Калев перезарядил оружие.

- Я задам тебе всего один гребанный вопрос, а потом проделаю в твоей груди огромную дыру. Где девчонка?

Шкет громко кашлянул, - Ясно, послушай, приятель... кажись мне, ты потерял кого-то очень важного, но клянусь, что у меня нет никакого, на хрен, понятия, где искать этого человечка, и если бы я знал, то сказал бы. Но я не знаю. Я просто потягиваю пиво, пока Хавьер срочняком унес свою задницу из бара. Я уже понял, в какое дерьмо вляпаюсь. Но мне ничего не известно о твоей сучке. Поэтому, прошу....., - я услышала, как он вытащил свое оружие и взвел курок.

- Убери эту хренову пушку от моего лица или я украшу бар этого мексикашки ТВОИМИ мозгами!

Последовавшее за его словами молчание, давило на окружающий меня воздух. Пот скатывался по моему лицу, обжигая мои крепко закрытые глаза, а мои ногти врезались в ладони. Я была уверена, что пока я отсиживалась среди упаковок теплого, как моча пива, кто-нибудь умрет. Но, внезапно, Калев разразился хохотом.

Я сильно прикусила губу, чтобы не закричать. Шкет вскоре присоединился к этому смеху, и я забеспокоилась, что он меня сдал.

- Ладно, мистер Шкет, вот что я тебе скажу. Я поверю тебе на слово, что ты не знаешь, о чем я говорю, и верю в то, что если тебе вдруг придется встретить полуголую девчонку, рассказывающую безумные истории, я буду первым, кому ты об этом сообщишь. Я живу в большом доме, который стоит чуть выше, вдоль дороги. Спроси Калеба. Никого другого.

- Заметано, приятель. Может, теперь уберем дробовики?

Было тихо. В течение нескольких секунд, стояла полнейшая тишина. Затем, я услышала удаляющиеся от барной стойки шаги Калеба. И не успела я вздохнуть с облегчением, как на расстоянии несколько метров от меня, послышался его голос, - Но если я узнаю, что ты мне солгал, я тебя найду. И если я узнаю, что ты хоть что-нибудь сделал с моей собственностью - я тебя убью.

А потом, он ушел.

Глава 11

- Где она, Кaleb? - тон Рафика источал с трудом сдерживаемую злость.

Кaleb знал его очень хорошо. К такому тону, Рафик прибегал всякий раз после возвращения из Тегерана, когда разговаривал с ним – на тот момент, сложным подростком.

Был ранний вечер, а девушку все еще не нашли. К этому времени она могла быть за сотни километров отсюда.

Какого хрена Кaleb вообще позволил ей сбежать? В его характере никогда не значились ни импульсивность, ни глупость. Хотя, в последнее время, он не был так в этом уверен. Во-первых, Кaleb забыл спрятать свое оружие, а во-вторых, он посреди ночи высвободил ее запястье. И теперь, он даже понятия не имел, где ее искать.

- Я не знаю, где она, Рафик. Если бы я знал, то сейчас она была бы уже со мной.

- Неужели?

В прозвучавшем вопросе отчетливо слышался скрытый подтекст. Когда это Рафик начал сомневаться в нем? И когда Кaleb дал ему для этого хоть малейший повод? Ответ на эти два вопроса был очевиден - конечно же, *сейчас*.

На это Кaleb попытался возразить с той же еле сдерживаемой злостью, - Я понимаю, насколько она важна, Рафик. Я знаю, для чего я здесь.

Чтобы уничтожить Владэка.

Он чувствовал себя несколько отрешенным. Где и когда он потерял эту цель? Когда успело рассеяться его внимание? Как ни странно, он не чувствовал себя

виноватым. Он уже даже начал думать о том, что они могли бы найти другой способ, чтобы подобраться к Владэку. Нужда – двигатель прогресса.

И, тем не менее, он не понимал, почему он позволил ей сбежать. Кaleb знал, что она была рядом, возможно, пряталась с барменом – язык тела этого байкера о многом ему рассказал.

Тогда почему? Почему находясь в выигрыше, и рискуя многим, он, в итоге, остался ни с чем?

- *Иной раз* я бы согласился, Кaleb, - сказал Рафик тише.

- Но не в твоей привычке допускать ошибки, тем более такого масштаба. Неужели ты так легко забыл все то, что я для тебя сделал? Я нашел тебя. Забрал тебя. Я помог тебе стать человеком, которого боятся собственные враги. Неужели тебе нужно напоминать о том, где бы ты сейчас находился, если бы не я? - Кaleb сильно сжал челюсть.

- Нет, конечно, нет.

Ведь невозможно забыть о том, о чем Рафик так любил ему напоминать.

- Позволь мне тоже напомнить тебе кое о чем... *я* не раз убивал за тебя.

Он хотел, чтобы фраза, произнесенная им, походила на угрозу, но она прозвучала как неловкое оправдание. Как, если бы ребенок обращался к родителю.

На том конце линии воцарилось молчание, и чем дольше оно растягивалось, тем беспокойнее становился Кaleb.

- Я подвел тебя, Рафик. Я все исправлю.

Он *найдет* какой-нибудь способ.

- Мне очень жаль, что я усомнился в тебе, *брат*, - ответил Рафик уже смягчившимся тоном, - я знаю, скольким тебе пришлось пожертвовать. Это просто...

- Я понимаю, Рафик.

Он ненадолго замолчал.

- Как только я найду ее, я дам тебе знать.

Прежде чем они успели наговорить друг другу лишних слов, Кaleb повесил трубку. Ему нужно было подумать, а чем дольше он разговаривал с Рафиком, тем больше его разум заполнялся неправильными мыслями, хотя он не знал, какие мысли вообще можно было назвать правильными. Ему никогда не доводилось решать мелкие разногласия.

Пытаясь хоть немного унять возникшую головную боль, Кaleb прижал пальцы ко лбу. Неужели он предавал единственного человека, которому доверял?

Наконец-то, в его сознание стала просачиваться суровая реальность. Кем он сейчас был? Явно не человеком своего слова.

В его груди раскаленным огнем стал закипать гнев. Это все она.

С тех пор, как он положил на нее глаз, она стала причиной всех его противоречий и замешательств. Он позволил себе почувствовать... что-то, а она отплатила ему тем, что наставила ему в лицо его же собственный револьвер.

Его пальцы прикоснулись к левой щеке. Кожу на ней до сих пор покалывало, и не только от удара. Он ткнул себя в щеку, желая ощутить под кожей тугое, зудящее жжение. Он должен найти ее и вернуть обратно. Снова установить над ней контроль, а в процессе - и над собой. *Это единственная причина, по которой ты хочешь вернуть ее обратно?*

Он вспомнил о ее мягком, податливом теле, прижимающемся к нему, о том, как она обнимала его за талию своими нежными ручками.

Он позволил ей сбежать, что было результатом его же собственной глупости, но факт оставался фактом. И все, о чем он мог сейчас думать - это о том, что она даже не оглянулась. Она просто сбежала... от него.

Ему почти не хотелось искать ее, но он не остановится, пока не найдет. Он не собирался снова потерпеть неудачу. Сосредоточенность и объективность сменили тревогу и замешательство. Пришло время наведаться к бармену.

После того, как Калев покинул бар, я больше часа отказывалась вылезать из своего убежища. Во всяком случае, мне так показалось, хотя, возможно, мое чувство времени было совершенно неверным. Виной этому стало неопределенное количество недель, проведенных мною пленницей в темной комнате.

Наконец, человеческая глыба, называющая себя *Шкетом*, извлекла меня оттуда за руки и трясла меня до тех пор, пока моя истерика не утихла.

Успокоившись, я спросила его, - Почему ты мне помогаешь?

Он только нахмурился.

- Потому что, судя по твоему виду, тебе, действительно, нужна помощь. И ты - американка.

Он вывел меня на улицу, где нас уже ожидал бармен - Хавьер на ржавом, светло-голубом грузовичке неопределенного года выпуска.

Мне было страшно садиться в грузовик. Я не знала, куда они планировали меня отвезти, или что они собирались со мной сделать, когда привезут меня в место назначения. Единственное, на что мне оставалось уповать - это на обещание Шкета, что я буду в безопасности, и что он мне поможет. Если бы у меня был другой выход, я бы держалась от этого грязного байкера как можно дальше. Но на самом деле, другого выхода у меня не было, и он прекрасно об этом знал. Поэтому, мне все же пришлось лезть в грузовик.

Мы проехали всего около пятнадцати минут, после чего остановились у небольшой бетонной хибары. *Дерьмо*. Мой страх ни на секунду не утихал, даже напротив - подскочил на несколько делений, и когда я огляделась вокруг, я заставила себя смотреть и наблюдать, чтобы быть готовой удрать в любую минуту.

По периметру в окружении цыплят ходила курица, и клевала разбросанное по грязи подобие корма. В воздухе стоял тяжелый запах жары, вперемешку с вонью животного помета.

Но все равно, к этому старому, захудалому домишке у меня было более 'теплое' чувство.

Рядом с хибарой валялся трехколесный детский велосипед, порванное сидение которого с энтузиазмом клевал маленький цыпленок.

- А что мы здесь собираемся делать? - спросила я.

Я чувствовала себя глупой, но надеющейся. Надежду мы прибережем для границы, и для чудесного Божьего вмешательства. А сейчас, я бы не отказалась от телефона.

Я надеялась только на это, и на... незнакомца. Я так устала от встреч с новыми людьми.

- Тебе нужно переодеться. Плюс, у Хавьера есть телефон, по которому мы сможем заключить наше соглашение.

При словах о телефоне, внутри меня все заликовало, но затем, до меня дошли остальные его слова, - Какое соглашение?

Чувство тревоги возросло вдвое. Меня тут же окутал страх.

Шкет фыркнул, - Дорогуша, как говорится, жопки, бабки или шмаль, без баблоса нету воза. И так как у тебя нет шмали, я выбираю жопки или бабки... Думаю, ты понимаешь, к чему я веду.

Мое сердце ускорило ритм, отбивая в моих ушах громкие отрывистые удары: бум - бум - бум.

- О каком количестве бабок ты ведешь речь?

Я не хотела признаваться в том, какой чертовски бедной была моя семья. И я уж точно не хотела платить 'жопкой'.

- За такую милую куколку как ты, думаю, можно попросить, по меньшей мере, сотню штук зелени.

От его слов, мой желудок резко скрутило и меня чуть не стошнило. Моя семья и близко не располагала такими деньгами. Единственным человеком, которого я знала, и у кого, возможно, могли быть такие наличные, была Николь, но это были не ее собственные деньги, так ведь? Они принадлежали ее родителям, а я едва была с ними знакома. Николь всегда была одна в их огромном доме.

Меня стало разрывать от отчаяния. Я убежала, чтобы столкнуться с этим?

Я посмотрела на Шкета. Я чувствовала, как все выходило из-под контроля, все шло не так. Борьба или бегать. Я собиралась делать и то и другое.

- А что, если нет? - прошептала я себе под нос, зная о необходимости задать этот вопрос, но, не особо желая знать ответ, потому как он, скорей всего, отразит исход событий.

- Думаешь, никто не заплатит за тебя денег?

Он посмотрел на меня и улыбнулся, - О, я уверен, по крайней мере, твой паренек – Калек более чем готов раскошелиться.

Ухмыльнувшись, он медленно оглядел меня сверху вниз, а затем широко улыбнулся.

- Не так ли, дорогуша?

На этот раз я сглотнула рвущуюся наружу желчь. Где был этот бармен? Куда он ушел? Хотя, какая разница?

Он схватил мою руку своей здоровой, потной ручищей и потащил меня за собой, пока я тщетно пыталась высвободиться из его хватки. Я не собиралась сдаваться без боя. Всю дорогу до лачужки, он смеялся надо мной, и я поняла, что причиняла больше вреда себе, чем ему.

Изнутри дом выглядел гораздо приличнее, чем снаружи. На бетонных стенах всюду были развешаны картины, большей частью религиозного характера. Прямо передо мной, над маленьким накрытым полиэтиленом диванчиком висело изображение Христа на распятии, с мученическим выражением лица, кровавыми слезами, стекающими по его щекам, и взглядом, устремленным в небеса, безмолвно вопрошающим у Бога, за что Он его покинул. Я задавалась тем же вопросом.

Я убежала от единственного дьявола, которого знала, и теперь мне это дорого обойдется - надеюсь, в сто штук, а может, и намного больше.

- Где телефон?

От сдерживаемых слез мой голос был хриплым. Втягивая в себя безысходность вместе с потоками горячего воздуха, я молила о том, чтобы семья Николь помогла мне. Я не была уверена в том, что они мне поверят, не говоря уже о том, чтобы сделать мне ТАКОЕ одолжение. Обратятся ли они в полицию? Или повесят трубку, услышав то, о чем я их попрошу?

Шкет указал на край дивана, на котором стоял старый телефон с диском - моя единственная надежда - приглашая меня сделать самый важный звонок в моей жизни.

Было совершенно не сложно узнать, где живет бармен - стоило просто подождать завсегдатаев этого заведения и помахать перед их носом крупной купюрой американской валюты. Все жители пыльных стран прекрасно понимали значение доллара. Американские деньги олицетворяют американский образ жизни - шанс построить будущее, которое ты хочешь, а не то, которое тебе уготовано. И для такого светлого будущего стоило идти на кражи, убийства, и продажу собственной души.

Кaleb не мог не усмехнуться над тем, как легко было ее найти. Он сказал ей, чтобы она не позволила ему себя найти, и он не шутил. Но она ведь снова его не послушала.

А между тем, Кaleb уже успел определить ее местонахождение, отчего, внутри него расцветало чувство победы. Но, вместе с тем, было что-то еще. Противоречие. Когда дело касалось ее, противоречие всегда играло ведущую партию.

Что он сделает, когда увидит ее? Накажет? Накричит? Отшлепает ее, пока она не станет рыдать и умолять о милосердии, или осыплет ее поцелуями, на что онаотреагирует точно так же? С ней он никогда не знал, как поступит, пока не придет сам момент и не овладеет его решением.

Кaleb шел на плантацию, не торопясь забирать свой приз. Если не брать во внимание чувство победы и гнева, ему не особо нравилось то, что он собирался делать дальше. Поэтому, он надеялся, что у бармена не было семьи.

Он также надеялся, что его Котенок последует за ним без дополнительного принуждения, и что ему не придется никого убивать. Но все же, он не был уверен ни в одном из проигрываемых в его голове сценариев. Поэтому он просто шел. Не спеша.

Слушая звуки грязи, хрустящей под его ботинками, он вглядывался в ландшафт этой местности. Неподалеку простирался целый город. Она была там, в одном из множества домов, сделанных из извести, глины и песка, сыреющих под полуржавыми, жестяными крышами. Их было сотни, и они располагались на огромном пространстве между ним и горизонтом, но это было неважно. Город мог быть очень большим, но он был очень маленьким в том смысле, в котором для Калеба это имело значение.

Нищета порождала отчаяние, а отчаяние, порождало коррупцию, что в свою очередь гарантировало ему полную безопасность при любом раскладе. Поэтому, независимо от того, что произойдет этой ночью, Кaleb вернется... и не с пустыми руками.

Каблуки его ботинок громко стучали по земле.

Она не оглянулась. Ни разу. Она просто сбежала от него.

Внутри него закипал гнев.

- Думаешь, мне повезет? Да, Котенок, я чувствую, что мне очень повезет.

Он ускорил шаг. Лучше обрушить удар, когда его ярость разбужена, а страсть остужена.

Несмотря на ранний вечер, солнце беспощадно опаляло мои плечи. Пыль покрыла меня с головы до ног и заполнила мой рот, пока мы со Шкетом ехали по дороге на его мотоцикле.

Хавьер великодушно выделил мне одно из платьев его жены, чтобы я смогла переодеться. К сожалению, ее формы оказались несколько пышнее моих, и платье прикрывало не намного меньше, чем моя ночная сорочка. Но оно было черным, и это уже было неплохо. Я надела его поверх сорочки и укуталась в пиджак Калеба.

Это было слабым утешением по сравнению с тем, что могло теперь со мной произойти. Но Николь должна была за мной приехать. Во всяком случае, она мне обещала.

В ту секунду, как я услышала ее голос, я разрыдалась от облегчения и чистой радости. Она тоже плакала.

Несмотря на помехи в связи, я слышала ее натянутый голос, объясняющий мне, что она знала, что я никогда не убежала бы без нее. Но она также дала мне понять, что моя мать верила в меня куда меньше. Фактически, она объявила Николь ответственной за мое исчезновение, требуя от полиции допросить ее и заставить признаться в моем местонахождении. Но когда это не сработало, потому, как не было никаких показателей противоправных действий (мои книги не проверялись) и мне уже было восемнадцать, она собрала все мои пожитки и вывалила их на лужайку перед домом Николь. Моя мать накричала на нее, назвав ее шлюхой и эгоистичной богатенькой девчонкой. Меня она назвала еще хуже.

Мое сердце ухнуло вниз, приглушая испытываемую мною радость. Возможно, Кaleb был прав.

Но Николь стала заверять меня, что сделает все как надо, и позвонит моей матери с объяснениями о том, что же на самом деле произошло. Я попросила ее не утруждаться. Своей матери, я ни черта не была нужна. И в некотором смысле, прямо сейчас, мне было на это плевать. Я хотела *жить*. Я хотела выбраться из этого ада. И для этого мне нужны были деньги - много денег. А если точнее - сотня штук.

- Твою мать, Ливви! Откуда, по-твоему, я должна достать такую сумму? Мои родители сейчас в круизе.

Это было не совсем то, что я хотела услышать. Я посмотрела на Шкета и Хавьера; один из них выглядел выжидающим, второй - все время с волнением посматривал на дверь.

Жаль, что в баре Хавьер был не один, потому как он казался более уступчивым, но опять же, он держал меня здесь для выкупа.

- Мне очень нужны эти деньги, Ник, пожалуйста, - взмолилась я высоким, почти визгливым голосом.

- Я не знаю, что он со мной сделает.

На мгновение она замолчала, после чего опять начала мне что-то говорить, но Шкет вырвал у меня из рук трубку и весьма красноречиво объяснил ей, что со мной случится, если она не появится с деньгами.

В эти дни, где бы я не оказалась, я постоянно была чьей-то собственностью.

Он посмотрел на меня. *'Все-таки надо было звонить в полицию'*, подумала я, глядя на него в ответ.

Но я знала, что раз моя собственная мать не собиралась помогать мне, то полиции и подавно не будет до этого никакого дела. Особенно в такой бедной стране с процветающей системой наркоторговли, как Мексика.

У меня был выбор между плохо, хуже, и просто ужасно. То есть, его у меня не было вообще.

- Валим отсюда, сейчас же.

Я даже не удосужилась спросить куда.

По моей оценке, мы ехали слишком быстро, чтобы прыгнуть, но в моей душе все еще теплился маленький лучик надежды, что этот запутанный план сработает, и я, наконец-то, буду свободна.

Когда мотоцикл Шкета замедлил ход, мое сердце, напротив, ускорило свое биение. Мы направлялись в сторону Чиуауа. Николь обещала встретить нас там завтра вечером с деньгами.

Я понятия не имела, как она собиралась это сделать. И хуже всего было то, что я не знала, *сможет* ли она вообще это сделать. Единственное, о чем я знала, это о том, что она сказала Шкету, что будет там с деньгами. И даже если она блефовала - что было уже неважно - этим она дарила мне немного времени. Но сначала, мы должны были сделать остановку и забрать остальную часть 'банды' этого грязного байкера. Я вовсе не была в восторге от перспективы встречи с такими же людьми, как Шкет, но как обычно, у меня не было ни выбора, ни возможности возразить.

Я сильнее укуталась в пиджак Калеба. Его запах медленно заполнил мои ноздри, возвращая мои мысли к нему.

Что же теперь будет? Искал ли он меня? И почему размышления на эту тему вызывали во мне как страх, так и надежду? Надежду на что?

На мгновение, я пожалела о том, что не осталась лежать рядом с ним в постели, предоставляя ему возможность быть ко мне добрым. Возможно, он, в конце концов, отпустил бы меня.

Я крепко закрыла глаза. *Ты все сделала правильно, Ливви. Это может сработать, может.*

Когда мы подъехали к полуразвалившемуся дому, я услышала гул смеющихся, кричащих и болтающих голосов, вперемишку с орущей рок-музыкой.

Я пошатнулась и чуть не упала, пытаюсь слезть с мотоцикла, на что Шкет, направляясь к двери, засмеялся.

- Осторожно, малышка, ты же не хочешь, чтобы моя ласточка приземлилась на тебя.

Мне эта шутка ни фиги не показалась смешной.

Он открыл дверь дома, и из него полилось нечто, своей интенсивностью перекрывающее шум грохочущей музыки - запах марихуаны. Я оставалась стоять снаружи, сетуя на каждое принятое мною решение, которое привело меня сюда, но потом все-таки зашла внутрь.

Все разговоры стихли. Девять байкеров, среди которых была одна девушка, повернулись в нашу сторону и уставились на меня. Я напряглась, увидев их наглые взгляды - у большей части недоуменные, а у остальных, по-видимому, возбужденные.

- Всем внимание, это Джессика, - представил меня Шкет, скорей всего, мысленно уже пересчитывая свои денежки.

Я решила назваться вымышленным именем по той простой причине, что не хотела говорить им своего настоящего.

- Никто ее не трахает, - он окинул меня похотливым взглядом, - пока она сама не захочет.

В доме все еще стояла тишина, за исключением полной версии Ноябрьского дождя, дребезжащего из паршивых колонок полудохлого магнитофона. Я сильнее укуталась в пиджак Калеба - еще одна его успокаивающая частичка, еще одно решение, о котором я сожалела. Вся эта дребедень была сплошной изощренной иронией.

Шкет повернулся ко мне, завершая знакомство, - Джессика, это Джокер, Дымок, Казанова, Вонючка, Бостон, Эйб, Свин, Малыш и его телочка Нэнси.

Кому, на хрен, это было интересно? Явно не мне. Я просто тупо смотрела на всех них и ни на кого в частности. Только Нэнси смерила меня ехидным взглядом, как будто в качестве приветствия я назвала ее сучкой. Я молчала.

Бедная жизнь в Лос-Анджелесе успела меня кое-чему научить: нельзя показывать слабость, но и нельзя смотреть слишком дерзко, чтобы никто не принял это как вызов, и не решил со мной связаться.

Я посмотрела на всех присутствующих, ненадолго задерживая взгляд на некоторых из них, затем уводя глаза в сторону, и ничего не ответив, просто неопределенно кивнула в знак приветствия. Лучше бы Калев научил меня чему-то более полезному, а не тому, как противостоять его сильной руке на моей голой заднице.

Вспомнив об этом, из меня чуть не вырвался истерический хохот, но я вовремя прикусила язык. Я не собиралась трусить, не тогда, когда я должна быть начеку.

- Нэнси, почему бы тебе не отвести Джессику наверх и не накормить ее, пока мы будем собираться в дорогу. Я хочу выехать в Чиуауа завтра на рассвете.

На слова Шкета, Нэнси закатила глаза, после чего, посмотрев на меня, произнесла, - Ладно, пошли.

Она повела меня через маленький коридор в другую комнату, все убранство которой состояло из нескольких грязных надувных матрасов и сваленной в кучу одежды, которая, судя по тому, как была разбросана по полу, служила еще подушками и простынями.

Направляясь вглубь комнаты, она со злостью отпихивала валяющееся всюду шмотье и остановилась у очередной 'кровати', захлавленной тряпьем, косметикой, лаком для волос и множеством поштучных презервативов.

Ничего не сказав, я отвела взгляд.

- Слушай сюда, девочка. Тебе лучше либо заплатить за еду, либо возместить то, что ты съешь, потому как у меня нет свободных денег, чтобы пускать их по ветру на всех подряд.

Я снова промолчала, смотря на нее в легком шоке. Вот вам и женская солидарность, сопереживание и поддержка. Но я, видимо, слишком много хотела. Калев научил меня не ожидать какого-либо сочувствия или принимать слабую имитацию за само сочувствие... даже если сам порой демонстрировал его в маленьких дозах. Мне нужно перестать думать об этом сукином сыне.

Она подняла пару обрезанных и обтрепанных джинсовых шорт и откровенный кожаный топ, завязывающийся спереди. Я не могла сдержаться, чтобы не поморщить нос от этого блядского прикида.

Внезапно, в мою грудь прилетела, а затем упала к ногам какая-то еда. Я сжала зубы. Нэнси только ухмыльнулась в ответ. *Сучка*.

Я подняла с пола пакет с чипсами и два протеиновых батончика. Да, я обязательно возьму ей за эти деликатесы.

Она продолжала проявлять свой сучий характер, скидывая вещи в угол.

- И что, ты собираешься просто стоять здесь, или все-таки сядешь и поешь?

Едва я успела бросить на нее недоверчивый взгляд, как из другой комнаты послышались громкие голоса.

- Да ты, на хрен, *рехнулся*?!?

После чего раздался целый взрыв сердитых криков.

- Привести эту цыпу сюда было большой ошибкой, приятель, - сказал один.

- Господи, Боже, Шкет, тебе следовало отдать ее при первой же возможности, - продолжил другой.

- С каких пор ты стал таким трусом? - возразил Шкет.

- Что происходит? - Нэнси стрельнула на меня своим острым взглядом.

В ответ, я просто опустила свои глаза в пол.

Схватив меня за локоть, она сжала его и с легкостью выволокла меня из комнаты, прежде чем присоединиться к оживленному спору. Когда Шкет рассказал всю историю, крики стали еще громче, и продолжались около сорока пяти минут, после чего большинство байкеров решили покинуть это место, чтобы не попасть под замес 'говно - дела'.

Нэнси вернулась очень злая.

Я забилась в угол и отсиживалась там, дабы не попасть никому на глаза и не стать объектом вымещения злости.

Они собирались довольно быстро, большинство из них просто запихивали вещи в рюкзаки, не складывая то - с чем они, видимо, сюда и приехали. Я наблюдала за ними, не испытывая совершенно никаких чувств, и заучивала имена, до которых мне не было никакого дела. Я была такой уставшей и такой напуганной. Я хотела... Я уже не была уверена в том, чего именно я хотела. Ужас и страх пропитал меня насквозь, выжав из меня всю энергию и надежду. Отчаяние вдыхаю, надежду выдыхаю. Вдох. Выдох.

- Да ладно тебе, Малыш, давай просто свалим.

Услышав голос Нэнси, я подняла взгляд на спорящую парочку. Судя по тому, как она на нем висла, я предположила, что он был ее парнем.

- Ты знаешь, что я не могу так поступить, и оставить Шкета одного. Более того, я не боюсь никаких спятивших извращенцев. Пусть он только тут появится, и Шкет навечно сравняет этого говнюка с землей.

Теперь они уже ссорились.

- Малыш, ну пожалуйста, давай просто *свалим*.

Через несколько напряженных минут, Малыш ответил, - Нет.

- *Отлично*, - громко сказала Нэнси, кипя от злости, и пулей выскочила из комнаты.

После всех сборов и обсуждений, поддержать компанию Шкету остались только Джокер, Нэнси, Эйб и Малыш. Должна признаться, они вовсе не казались мне милыми ребятами, а Нэнси, как я уже знала не понаслышке, и вовсе была настоящей сукой, но я старалась утешать себя тем, что утром я отправлюсь домой.

Они решили, что нам нужно было переночевать здесь. Было уже поздно, не знаю точно, который был час, но было темно. И пока вся дружная байкерская 'банда' пила пиво и громко смеялась, я по-прежнему оставалась сидеть в угловом убежище. Думаю, они даже забыли о моем существовании.

Никто не спал, а я даже не могла есть. Я просто сидела в углу и ждала наступления утра, слушая неспешное течение времени. Но куда именно оно текло, я не имела ни малейшего понятия.

Выкуп. За нее потребовали выкуп.

Семья Хавьера забилась в угол, а сам Хавьер - вернее его обмякшее, еле дышащее, но все еще живое тело, лежало на полу. Этот подонок собирался выручить свою часть от выкупа, при условии оказания помощи в перевозке того, что принадлежало *ему*.

Калеб бросил взгляд на его семью и сразу же узнал жалостливое и умоляющее выражение на лице женщины. Точно так же смотрела бы на него Котенок, с ужасом ожидая его дальнейших действий. В некотором роде, именно эти глаза и заставили его смягчиться, и, почувствовав, как внутри него что-то сжалось, ему *пришлось* отвести взгляд.

Это хорошо, что он решил прийти один, и что жена и ребенок этого бармена оказались с ним дома. Именно благодаря им Хавьер будет жить. Калеб никогда не убивал отца на глазах у ребенка, в то время, как Джаир и остальные, сделали бы это с превеликим удовольствием.

Он подошел к журнальному столику и взял в руки лежащий рядом с телефоном карандаш и клочок бумаги.

Котенок сегодня звонила по этому телефону. Она прикасалась ко всем этим вещам, но сейчас не было никаких признаков, свидетельствующих о ее недавнем присутствии.

Он подумал о запахе ее волос и тела, все еще цеплявшийся за подушку на его кровати, на которой она спала рядом с ним. Тогда он испытывал гнев, а теперь...

Он бросил листок и карандаш на пол рядом с Хавьером.

- *Direcciones. Ahora!* Координаты. Живо.

Хавьер плакал и бормотал что-то бессвязное, а с его дрожащих губ тянулась кровавая слюна, пока он с трудом пытался писать. Калеб смотрел на это с нескрываемым хладнокровием.

За нее потребовали выкуп. Если они держали ее только ради денег, им было наплевать на закон, и они не собирались возвращаться в Штаты, что они могли с ней делать в эту самую минуту?

Его грудную клетку стало разрывать от гнева и ему пришлось побороть сильное желание пнуть Хавьера ногой. Эмоции нужно применять только при установлении контроля, выживании и достижении своих целей. И сейчас Калеб, очевидно, заново обучался тому, в чем, казалось бы, давно достиг мастерства.

Он поднял с пола окровавленный клочок бумаги. Байкеры были не очень далеко, но Калеб понимал, что он не мог отправиться туда один. Ему следовало вернуться домой, и взять с собой Джаира и еще нескольких человек, вместе с оружием. Байкеры были вооружены.

К его удивлению, сейчас он был обеспокоен не своей собственной безопасностью. Он был обеспокоен за жизнь его Котенка, этой чертовой, глупой девушки. Он должен был вернуть ее назад.

Калеб не мог дожидаться своего визита к байкерам.

Почувствовав, как к горлу стала подкатывать тошнота, я, вскочив на ноги, быстро побежала в ванную. Я слышала, как они смеялись надо мной, и как Малыш сказал им, что они придурки.

Своими руками я сжимала край унитаза и, возможно, даже касалась чьей-то мочи, но с пустым желудком и, находясь в одурманенном состоянии от жуткой туалетной вони, мне уже было не до чего.

Они продолжали надо мной смеяться. Придурки.

Мне никогда не следовало терять бдительность, и доверять кому-либо. Мне следовало бежать как можно дальше от Шкета, и мне, абсолютно точно, не следовало засыпать в ванной комнате. Но рвота и не утихающая тошнота окончательно меня вымотали, и я была совершенно истощена, и практически убита.

Началось все с того, что я почувствовала на своей коже тепло, и это было приятно. По телу начали распространяться небольшие покалывания, и я потянулась. Мои мысли казались расплавленными и далекими от реальности, и у меня было такое ощущение, что я падала, но мне было хорошо, поэтому я продолжала свой свободный полет.

Я почувствовала, как меня что-то окутывает. Затем, мягкость стала грубее, а тепло - жарким и неудобным. Я дернулась, мое тело было дезориентировано. *Голова гудела*. Мои ресницы стали дергаться, но я не могла открыть глаза, и у меня возникло странное ощущение сильного, но уверенного дерганья моих сосков через ткань платья. Инстинктивно, я стала отталкивать от себя возмутителя моего спокойствия, что, впоследствии, оказалось чьими-то руками.

Когда я поняла, что это был кто-то, я начала отталкивать непрошеного гостя своими вялыми и слабыми руками, после чего попыталась протестовать и закричать "помогите", но моя голова казалось огромной, а язык во рту не реагировал на мои команды. Но когда я почувствовала чьи-то губы, сжимающие мой сосок, из меня вырвался пронзительный крик. Я, наконец, прорвалась сквозь дымку, и проснулась.

- Шшш, ты же не хочешь, чтобы все проснулись.

Голос был женским - Нэнси. Какого... хрена... происходит?

Я попыталась заорать во все горло, но мой рот зажали рукой. Она была слишком тяжелой и большой, чтобы принадлежать Нэнси.

Несмотря на руку, я попыталась крикнуть еще громче. И тогда, я услышала еще один голос. Их было трое. Но кто это? Было слишком темно, чтобы понять.

- Быстрей, приятель, она просыпается.

Я стала беспорядочно колотить руками, но к моему удивлению, меня схватили женские руки, и вжали в пол. На мне разорвали ткань, обнажая мою грудь. Мужчина, нависающий надо мной, не стал терять времени даром и впился своими губами в один из моих сосков, царапая мою кожу колючей щетиной своей бороды, а своей свободной рукой стал дергать подол моего платья, пытаясь задрать его наверх.

Я стала лихорадочно брыкаться, но он насильно улегся между моими ногами, положив на меня свою обнаженную грудь.

- Не стесняйся, куколка, я знаю кто ты. Ты же шлюшка, правда?

После этого я слышала громкий смех, который, в конце концов, выдал его владельца - это был Джокер.

- Переверни ее, - сказал другой мужчина.

- Не могу приятель, если я уберу свою руку, она начнет кричать.

- Не будь таким долбанным трусом, я пушу тебя первым, просто переверни ее.

Привыкнув к темноте своими широко открытыми глазами, я с ужасом увидела, как Джокер схватил неподалеку лежащую рубашку и запихнул мне ее в рот, а Эйб толкнул меня на Джокера так, что я уже лежала на нем сверху с широко раздвинутыми ногами. И чтобы пресечь мои попытки сопротивляться руками, мне завели их за спину.

Я жалобно кричала и плакала, а мои звуки отчаяния тонули в пространстве равнодушных к этому людей.

- Почему ты позволяешь им делать это? - кричала я Нэнси, которая, возможно, понимала меня, несмотря на мой забитый рот.

Она выглядела так, словно была в панике, но вместе с тем на ее лице присутствовала то ли злость, то ли возбуждение. Ее глаза были дикими, бешеными. Эта сучка наслаждалась происходящим, так же, как и эти мужчины.

Джокер снова лег на пол и держал мои руки, сгибая меня в ужасно неудобном положении. Мой разум уже окончательно прояснился, и в нем начали проигрываться кошмарные сценарии, которые никоим образом не помогали мне найти способ выбраться из этой ситуации.

Позади себя, я почувствовала, как Эйб спустил свои штаны и стал вжиматься в меня своим членом, пытаюсь проникнуть внутрь.

- О, Боже, куколка, ты такая приятная.

Я дернулась от него настолько далеко, насколько только могла, и напрягла руки так, что они чуть не вылезли из своих суставов. Моя борьба только усугубила неудобное положение моего тела.

Наконец, мне удалось вытолкнуть ткань из своего рта, и одним быстрым движением я так сильно вцепилась зубами в плечо Джокера, что почувствовала, как его кровь брызнула мне в рот. Он взвыл и от этого моя голова дернулась. В следующее мгновение я подлетела в воздух, ударяясь ребрами об унитаз.

- Какого хрена? Какого хрена? Какого хрена?

Снова и снова кричал Эйб, пока Джокер продолжал орать и ругаться.

- Ты гребанная сука! - завопил Джокер.

Он схватил меня за волосы, и я слышала ужасающий хруст после его удара кулаком по моему лицу. Закашлявшись, я начала захлебываться его и своей собственной кровью.

- Господи, какого черта ты творишь, приятель? - наконец, закричала Нэнси.

Но она была не в силах остановить своего дружка от нанесения повторяющихся ударов ногами по моим ребрам. Мое дыхание сбилось и все, что я слышала, было *Хрясь. Хрясь. Хрясь.*

Вопли и крики, доносящиеся из ванной комнаты, наверное, напугали остальных обитателей дома, потому как дверь в нее распахнулась и забежал Малыш с криками, - О, Боже мой!

- Ты сучий ублюдок, что ты наделал?! - кричал Шкет.

Меня всю трясло и я начала терять сознание. После этого, я больше ничего не помнила.

Глава 12

Кровь. Много крови. Соединяясь с мелкой земляной пылью, она превращалась в ужасную смесь во рту мальчика. Он плакал. Никогда раньше его не избивали настолько сильно.

Над ним стоял странный мужчина и выкрикивал слова, которые он не понимал. Речь была слишком быстрой, чтобы вычленишь из нее отдельные фрагменты, но даже если бы он говорил медленнее, мальчик все равно бы не понял, ведь он никогда не слышал таких слов.

Он хотел вернуться домой.

Закрыв глаза, он на мгновение перенесся в свой уютный мирок. В нем, он сидел на руках у своей мамы, которая поцелуями щекотала его шею, заставляя своего сыночка смеяться. Он был ее 'Маленьким Красавчиком'. Визжа от смеха, он дергал своими маленькими ножками, а мама крепко держала его, не давая ему упасть.

Слезы жгли его глаза. Все тело горело.

- Сукат! - сказал мужчина.

Мальчик знал это слово, мужчина всегда произносил его, когда он начинал кричать или плакать.

Мальчик заставил себя закрыть рот, пытаясь дышать через нос, и глотая кровь, стекающую по задней стенке горла. Он больше не был голоден. Сейчас, его желудок был полон его же собственной крови. И виной тому, был его голод.

Каждое утро Нарви оставлял на маленьком столике небольшой кусок пресного хлеба и немного воды, после чего, злобно оглядывая мальчиков, выходил из комнаты. Всего их было шестеро: два англичанина, один испанец, два араба и он.

Поначалу, они делили всю пищу поровну, но с течением времени, и господством голода, их трапеза начиналась с драки, которая заканчивалась полным желудком

одного или двух ребят, и разбитым носом тех, кто посмел посягнуть на добычу. Мальчик часто выходил победителем в этой борьбе, но неоднократно, коллективная мощь все же лишала его съедобного трофея.

Именно так и произошло сегодня. Почувствовав запах еды, он не смог сдержаться. Ведь с момента его последнего выигрыша, прошло целых два дня.

Вода была горячей, а хлеб холодным, но он быстро запихал это в себя, ему было слишком мало.

На тарелке лежало много всякой всячины и ему даже показалось, что он учуял запах цыпленка. Он был еще слишком мал, поэтому для него все виды мяса были 'цыпленком'.

Сев за столик, он схватил кусок мяса. Оно обжигало его рот, но ему было все равно - зудящее раздражение на губах, глотке и языке было не в состоянии перекрыть восхитительный вкус украденной им еды.

Мальчик не предвидел приближающегося удара.

В одно мгновение его рот был наполнен вкусным цыпленком, а в другое - грязью и кровью. Он даже не понял, чем его ударили. И откровенно говоря, он и понятия не имел, что он сделал не так, чтобы не повторить этого в будущем.

- Габи! Кальб!

Его лицо ошпарило что-то горячее и мокрое, глаза вспыхнули огнем.

Он начал отчаянно тереть их своими маленькими ручками, но это лишь усугубило невыносимое жжение. Он закричал, и из его заполненной кровью глотки, начали вырываться булькающие звуки. И даже, несмотря на это, в тисках своей агонии, он по-прежнему чувствовал остроту пищи, все еще находящейся у него во рту. Мальчик сглотнул.

Плотно закрыв глаза от жгучей боли, усиливаемой перченой пищей, он начал вытаскивать из своих волос еду и запихивать ее в рот. Жжение стало в два раза сильнее из-за открытых ран в полости рта. Но он, по-видимому, был все еще слишком голоден, чтобы обращать на это внимание.

- Кальб, - продолжал звать его мужчина, а затем, схватив его за загривок, потащил по полу, в то время как тот пытался ползти за ним на четвереньках.

Мальчик плакал. Кричал. Звал свою маму. Но она не приходила. Никогда. И он ненавидел ее за это.

Воздух был тяжелым. Осязаемым. В нем чувствовалось всепоглощающее волнение о предстоящих событиях. Она была недалеко.

Его пальцы сильнее сжали руль внедорожника.

Ласкать ее... или придушить? Он все еще не знал, на чем остановить свой выбор. Единственное, о чем он знал наверняка, это о своем желании чувствовать ее под своими руками.

Усилив хватку на руле, он вжал педаль газа в пол. Джаир, сидящий на пассажирском сидении, озадаченно посмотрел на него. *Хрен с ним.*

- Как ей удалось сбежать? - подтрунивал араб.

Кaleb одарил его таким взглядом, которым, он надеялся, убить Джаира на месте. На что тот лишь улыбнулся.

- Она должна быть хороша. Не могу дождаться момента, когда попробую ее, после того, как Рафик узнает, что она испорчена.

Ничего не ответив, Кaleb сосредоточился на контролировании гнева, распространяющегося по его венам со скоростью света. Это был очень важный момент. Он до сих пор не понимал намерений Рафика в отношении Джаира, а его реакция могла придать правдоподобность вещам, которых в действительности не было. И даже, несмотря на то, что решимость Калеба на какие-то доли секунды дрогнула, его преданность по-прежнему осталась непоколебимой.

- Только прикоснись к ней, и я отрежу тебе руки, - проскрежетал он.

Придурок.

- Мы на месте.

Кaleb припарковал внедорожник на некотором расстоянии от их намеченной цели.

Найти нужный дом не составило особого труда. Это было единственное жилое здание, в котором горел свет, и грохотала музыка. Однако, он не хотел лишаться эффекта неожиданности.

'Нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает'. Об этом гласил один из первых уроков Сунь Цзы, из *"Искусства Войны"*.

Следом за ними остановился и заглушил двигатель второй автомобиль, в котором ехали братья Джаира. Из него вышли трое мужчин, которые сразу же направились к багажнику автомобиля за оружием.

Рука Калеба потянулась за его револьвером модели 29 S&W, мощнейшим Магнумом 44 калибра; его будет вполне достаточно, чтобы прострелить сквозную дыру в двери. Или в голове. Без разницы.

Он бросил взгляд на Джаира, борясь с желанием выстрелить тому в башку и покончить с этим, но ему следовало держать себя в руках. Джаир все еще *мог* оказаться полезным.

Кaleb посмотрел на свой револьвер. Он давно не стрелял из него, но уже знакомое чувство, распространяющееся через его пальцы, дальше по рукам и груди, заставляло его сердце ускорить свой ритм. При мысли об убийстве, и о том, что он скоро заберет то, что принадлежало ему по праву, у него закружилась голова, а тремя футами ниже у него начал вставать.

Переведя взгляд на Джаира, Кaleb наблюдал за тем, как тот проверил свой АК-47, после чего... погладил его. Он не часто понимал араба, но сейчас был тот самый момент. Жажда крови и взаимное понимание того, что между ними было что-то общее, вызвало у него чувство отвращения.

Джаир фыркнул и плюнул на землю, под ногами Калеба.

Переключив свое внимание на оружие, Кaleb проверил его функциональность, при этом, не сводя глаз с араба. Они оба сжали пальцы вокруг рукояток.

- Ну что? - с вызовом сказал Джаир, и когда Кaleb ничего не ответил, продолжил, - Давай вернем твою маленькую шлюшку.

Он не боялся. Страх был присущ тем, кому было для чего жить. Кaleb давно перестал испытывать это чувство.

Когда его взгляд скользнул от Джаира к его братьям, он позволил им увидеть, что внутри него зияет пустота, и каждый из них отвел глаза, пряча свой страх. Джаир усмехнулся.

Давая всем понять основы их совместной субординации, Кaleb повернулся к ним спиной.

Багажник закрылся с мягким щелчком, но для Калеба этот звук был подобен взрыву, который прошелся по нему разрывающим ощущением. Он шел не оглядываясь.

В конце концов, Джаир и его люди последовали за ним.

Их шаги стучали по пыльной, галечной земле и отдавались в полном безмолвии предрассветного часа. По мере приближения к дому, свет становился все ярче, музыка громче, и, наконец, Кaleb услышал голоса. Громкие, сердитые, истерические голоса.

Что-то было не так. Что-то было совсем не так, и снова это незнакомое чувство - оно все сильнее расцветало и... возбуждало. Его сердце стучало отбойным молотком.

Пошатнувшись, он остановился, чтобы вернуть себе контроль. Глубокий, спокойный вдох. Еще один. Затем еще.

Вдалеке послышался женский сердитый голос. И прежде, чем осознать, что он делает, он побежал. Мужчины тихо последовали за ним.

Оказавшись вплотную рядом с домом, Калев резко остановился, и было очевидно, что те, кто были внутри, даже не заметили чужого присутствия.

Он спрятался под маленьким окном.

- Вы - тупоголовые уроды! Какого хрена вы предлагаете теперь с ней делать? - кричал какой-то мужчина.

Сердце Калеба забарабанило в груди, отдаваясь глухими ударами в его ушах, и практически лишая его слуха. Чтобы восстановить дыхание, он прилагал большие усилия. Что они с ней сделали?

- Это долбанная сучка меня укусила, что, по-твоему, я должен был делать? - ответил второй.

Калев осторожно приподнял голову и заглянул в окно. Он узнал байкера из бара, того самого, который назвался Шкетом. Он был здоровым сукиным сыном, а вышагивая по небольшой гостиной в своих громоздких байкерских сапогах, он выглядел еще больше. Проведя рукой по своим длинным, сальным волосам, он снова заговорил, - Вашу мать, каким образом, вы, два ублюдка, заварили эту кашу? Я говорил вам ее не трахать.

В поле видимости появилась миниатюрная блондинка и встала между двумя ругающимися мужчинами.

Уличная дрянь, подумал Калев: слишком много косметики, слишком мало одежды, и голодная, вечно жаждущая приключений натура. Такие мрази всегда непредсказуемы.

- Шкет, мы просто дурачились. Это она съехала с катушек.

Шкет указал на нее пальцем, в его глазах ясно читалась угроза.

- Тебе лучше не лезть сюда, сучка. Я знаю, чем ты там занималась.

Присматриваясь и прислушиваясь, Калев пытался определить с каким количеством байкеров им придется иметь дело. Дом был не огромным, но достаточно большим, чтобы в пустом пространстве комнат их голоса отражались эхом.

Но где же девушка?

Калебу потребовалось собрать каждую крупину своего самоконтроля, чтобы оставаться на месте. Он должен был знать, с чем ему придется столкнуться. Если девушка была все еще жива, он должен убедиться в том, что сможет добраться до нее до того, как начнется перестрелка. *Если. Если она жива... если.* Он сжал рукоятку своего револьвера.

Одно он знал наверняка - *если* кто-нибудь из них причинил ей хоть малейший вред...

Тот, с тонкими черными волосами что-то сделал с ней. Он причинил ей боль, возможно, изнасиловал ее, или... убил.

Почувствовав во рту сухость, Кaleb сглотнул.

Он собирался убить этого сукиного сына, а блондинку заставить смотреть, чтобы она знала, какие муки ее ожидают.

- Да пошел ты, Шкет, - огрызнулась блондинка, - Вини Эйба и Джокера, это они не могут держать свои члены в штанах. Не. Я.

Кaleb кусал внутреннюю сторону щеки, пока не почувствовал вкус крови. Мужчины позади него переминались с ноги на ногу, ожидая от него сигнала к действию.

- Это единственный вход, - прошептал Джаир, вырывая Калеба из его кровавых мыслей.

- Сколько человек внутри?

- Двое мужчин и одна женщина в гостиной, и как минимум, еще один в другой комнате. Возможно, в доме есть еще кто-то.

Пора действовать. Девушка могла быть уже мертва или умирала, и у Калеба не было времени на то, чтобы ждать появления остальных обитателей дома.

- Там пять байкеров, - отметил Джаир.

Кaleb кивнул.

- Двух не хватает. Джаир, Дани, вы оба врываетесь через дверь, а мы пойдем за вами. Я и Халид проберемся в заднюю часть дома и найдем девушку.

Он посмотрел на Джаира и тот улыбнулся.

- Когда начнется веселье, дай им прочувствовать все по полной программе. Я не хочу для них медленной смерти.

- На этот раз, я с тобой согласен.

Его улыбка стала еще шире.

- Мне нравится в тебе это качество, Кaleb.

Познания Нарви в английском сводились к простым словам и фразам - да, нет, спать, иди, и секс. Его основной формой общения являлось использование палки для побуждения мальчиков к пониманию, хотя порой, он поступал с ними гораздо хуже. Временами с ними происходили и другие вещи, о которых Кальб заставлял себя не думать.

Когда он становился податливым, мужчины частенько поощряли его едой, одеждой или подарками, и хотя он ненавидел то, что ему приходилось делать для получения этих привилегий, он изо всех сил старался это терпеть. Но вот когда он, напротив, отказывался, на него обрушивались такие побои, которые был способен вынести не каждый взрослый мужчина.

По прошествии времени, Кальб стал старше, выше, красивее. Вооружившись всем этим, он вскоре стал самонадеян и находчив. Арабский он уже знал лучше английского, хотя живущие с ним англичане помогали ему сохранить элементарные знания своего родного языка.

Вскоре он уже сам выбирал себе мучителей, стравливая их друг с другом своими обещаниями в истинной привязанности, которую он не собирался дарить ни одному из них. В глазах многих, он по-прежнему оставался ребенком, и второе что он уяснил для себя после жестокости, было выживание.

Каждую ночь, лежа на грязном полу публичного дома и прижимаясь ближе к своим друзьям по несчастью, он все меньше и меньше вспоминал о том, что он принадлежал к мужскому полу. Хуже того, ему уже было все равно. Он был Псом. Это все, что он знал.

Инстинкт. Голод. Он всегда был голоден. До еды, до крова, до власти, и другого... многого другого.

Он даже научился желать боль. Испытывать ее означало, что он был еще жив, все еще жив. И если он мог справиться с болью, контролировать свою реакцию на нее, заставить ее работать на себя, а не против него.... вот тогда, он был свободен. Больше всего на свете, Кальб жаждал свободы.

Нарви знал об этом. Ему всегда, каким-то образом было об этом известно.

Именно по этой причине его и называли Псом, в то время как другим мальчикам и девочкам для заманивания клиентов давались привлекательные прозвища. Это делалось для того, чтобы унижить его достоинство, и сделать с ним все возможное, чтобы он уже больше никогда не стал человеком. Чтобы заставить его чувствовать себя ниже человеческого существа. Но это не срабатывало. Каждый раз, когда Нарви смотрел Кальбу в глаза, тот отказывался их опускать.

И в один прекрасный день, Нарви дошел до ручки.

Кальб знал, что его накажут. Он встал на колени и ничего не боялся. Нарви любил избивать его, поэтому он больше не сопротивлялся. Он был слишком горд для этого.

Когда ему сказали раздеться, он сжал зубы.

- Опять изнасилуешь? - спросил он на чистом арабском, - Твои друзья знают, как сильно ты любишь трахать собак?

От полученной пощечины у Кальба зарделось лицо, но он, сжав кулаки, молча, стерпел ее. Он свободен, напомнил он себе.

Подняв спокойный, непоколебимый взгляд, он встретился с безумными глазами Нарви, и снял свое скудное одеяние. Взгляд Нарви оставался злобным, но теперь за яростью скрывалась еще и похоть.

Кальб чуть было не улыбнулся. Да, он был красивым животным.

Кальб получил еще одну пощечину, после которой все же заставил себя отвести взгляд в сторону, но не опустить его в пол - он никогда не опускал его в пол.

Услышав позади себя шум, ему хотелось оглянуться, но он решил не доставлять этому сукиному сыну удовольствие своим любопытством. Да и потом, это не имело значение, потому что вскоре тайна была раскрыта. Зеркало.

Нарви поставил его прямо перед ним. В собственном отражении Пес увидел, как пошатнулась его выдержка. Это было уже слишком, он не сможет смотреть на это. И, тем не менее, он по-прежнему отказывался опускать взгляд.

- В чем дело? - поддразнивал Нарви, - Тебе не нравится смотреть на то, какой ты красивый? Тщеславие - чума всей вашей расы. Именно по этой причине ты считаешь, что заслуживаешь все, тогда как не заслуживаешь ничего, меньше, чем ничего. Смерть - все, чего ты заслуживаешь.

Кальб сдерживал каждый импульс, пробегающий по его телу. Он заставил себя оставаться на месте, он справится с этим. Он может справиться с чем угодно.

Нарви опустился на колени за его спиной и Кальб перестал дышать. Все, что угодно, только не это. Пожалуйста. Все, что угодно.

Он закрыл свои глаза.

- Закроешь их, и я сделаю так, что ты больше никогда не сможешь видеть.

Впервые за долгое время, Кальб почти хныкнул.

Приподняв свою одежду и плюнув на ладонь, Нарви приготовился войти в него, и с этим уже ничего нельзя было поделать. Либо это, либо смерть.

Кальб обратился к той части себя, в которой таилась его свобода. Сделав глубокий вдох, он задержал его, и когда в него грубо вошли, он отказался издавать хоть малейший звук. Но зеркало... зеркало заставило его увидеть то, что в его воображении было нереальным. Он не был свободен.

Позади мальчика, в зеркале, улыбался Нарви. Кальб... опустил взгляд в пол.

Это было долгое мучение. Нарви хотел не просто использовать мальчика, как делал это не единожды, кидая его на пол и насилуя словно дикий зверь, сопровождая все это избиванием и шлепаньем. На этот раз он не торопился. Он хотел, чтобы Кальб прочувствовал каждую секунду неумолимого желания сопротивляться и осознать, что он был не в силах противостоять.

Из груди мальчика, наконец, вырвалось рыдание, и он был вынужден посмотреть на свое отражение в зеркале. Он был.... сломлен. Кальб ненавидел этого мальчика, ненавидел его слабость.

В ярости он ударил по зеркалу, раскалывая его вдребезги и разбрасывая его осколки по полу. Высвобождаясь, он бросился за осколком стекла, после чего повернулся к своему мучителю. Нарви громко рассмеялся.

Кальб налетел на него, сжимая окровавленными пальцами осколок разбитого зеркала.

Несмотря на свой рост, Кальб был еще мальчиком, тощим и неуклюжим подростком. И его сила ничего не значила, по сравнению с силой Нарви.

Когда он бросился на него, Нарви сильно ударил его ногой в живот, и перекинул его через голову на пол. Перед глазами все поплыло, и стало трудно дышать. Воспользовавшись преимуществом, Нарви быстро поднялся, и начал неистово бить Пса ногами, по ребрам, гениталиям и груди. Кальб перекатился на бок, ловя ртом воздух, а руками ноги Нарви. Но ни одна из этих целей не была достигнута. Погружаясь в непроглядную темноту, он потерял сознание.

В следующий раз, придя в себя, он открыл рот в безмолвном крике, почувствовав, как на нем лопаются кожа. Прежде, чем он понял, что происходит, на него один за одним, посыпались удары. Он пытался шевелить своими руками и ногами, бежать, сопротивляться, но он был привязан. Пока по его спине танцевал жидкий огонь, он понял, что в эту ночь за ним придет Смерть.

Разрывая новые участки кожи, на его спину со свистом снова обрушился кнут. И на этот раз, Кальб не сдержался, ... он закричал.

При звуках стрельбы и разлетающейся в щепки двери, по венам Калеба промчался небывалый раньше мощный поток крови.

Рат - тат - тат - тат - тат. Хрясь. БУМ. Дверь снесена.

Послышались быстрые шаги его соратников. Испуганные вопли и сердитые крики - изнутри.

Джаир вбежал первым, и его воинствующий крик оглушил жертв еще сильнее. Прежде, чем Шкет успел среагировать, араб ударил его прикладом по лицу. Стена позади него забрызгалась кровью, и тот грохнулся на пол. Первая кровь, но не последняя.

Блондинка закричала и выбежала в коридор, зовя кого-то по имени Малыш. Кaleb бросился вслед за ней. Оставшиеся в гостиной, братья Джаира продолжали избивать Шкета и еще одного байкера.

Девушка на кого-то кричала.

Впереди, Кaleb увидел две двери. В комнате справа, горел свет, а та, что находилась прямо перед ним, была закрыта. Кaleb произвел в нее два выстрела. Дверь распахнулась и Кaleb рухнул на пол.

Шак - Шак - Бум! В узком пространстве коридора раздались выстрелы дробовика.

- Получай, говнюк! - крикнул байкер с другого конца коридора.
Шак - Шак.

Подняв голову, Кaleb прицелился в живот стрелявшему. Он не хотел стрелять в центр тела, но он не мог рисковать, целясь в колено, и промахнуться. Он выстрелил. И когда пуля попала в байкера, тот в агонии заорал. Выронив заряженный дробовик, он схватился за живот. Его дрожащие пальцы быстро покрылись кровью, а лицо исказилось от шока.

Позади Калеба, громко рассмеялся Халид, и, перепрыгнув через его распластанные по полу ноги, прикрыл вторую дверь.

Кaleb выдохнул. Он должен был подготовиться к тому, что ему предстояло увидеть.

Присев на корточки, он прислонился к стене, примыкающей к двери.

- Все может быть очень просто, - выкрикнул он.

- Ваши друзья вам не помогут.

Он сделал паузу, позволяя тем, кто находился за дверью, усвоить информацию.

- Нам просто нужна девушка.

- Да пошел ты! - прокричал женский голос.

Она была в истерике. Непредсказуема.

- Я убью эту гребаную суку, клянусь Богом, я это сделаю.

Сердце Калеба остановилось. *Она жива.*

- Пусть она что-нибудь скажет! - снова крикнул Кaleb.

Тяжелое дыхание, сопротивление. Испуганные визги.

- Я - я, - послышался запинаящийся мужской голос, - я думаю, у нее шок или что-то в этом роде. Послушай, приятель, мы не имеем к этому никакого отношения. Клянусь.

Мужской голос сорвался от испуга.

- Просто... уйдите, и мы оставим ее здесь для тебя.

Кaleb посмотрел на Халида. Араб уже предвкушал убийство.

Теперь, в любую секунду все могло усложниться и для Халида не имело значения, была девчонка жива или мертва. Это было важно только для Калеба. На самом деле, Джаир предпочел бы, чтобы она была мертва. Тогда Рафик во всем обвинил бы Калеба, а Джаир со своими братьями наслаждался бы их столкновением.

Кaleb быстро прикинул имеющиеся варианты. Каковы шансы того, что те двое были вооружены?

Дверь в конце коридора вела в спальню, и дом был не очень большим. Кто будет хранить оружие в ванной комнате?

Кaleb пошел на решительные меры.

Все дальнейшее происходило как в замедленной съемке. Шаги Халида, идущего за дробовиком, лежащим рядом с истекающим кровью байкером. Застывший крик блондинки, когда револьвер Калеба обогнул угол двери. Испуганный вопль молодого парня, прижимающего кровавое месиво к своей груди и отползающего в дальний угол небольшой ванной комнаты. Блондинка, бросившаяся на Калеба, и вцепившись в его волосы и одежду, выкрикивающая предсмертные вопли ему в ухо. Один сильный толчок - и она растянулась на унитазе, пытаясь втянуть в себя выбитый из легких воздух.

Кaleb знал, что ему следовало пристрелить ее, чтобы успокоить, но он впал в оцепенение. Зрелище, открывшееся перед ним, вернуло его в те места, о которых он уже давно старался забыть.

Тегеран. Кровь. Кнут. Изнасилование. Кровь. Кнут. Изнасилование.

В его памяти всплыла череда кровавых воспоминаний.

Его кулаки, сжимающие простынь. Его вопли. Кровь. Очень много крови. Он почти слышал свист кнута, ударяющего по его плоти, и влажные звуки от его приземления на свежую кровь. Его крики, пронзающие окружающую пустоту, и на мгновение он надеется, что он, наконец, умрет. Наконец-то. Но кнут ударяет снова. И снова.

- Что. Произошло.

Его тело тряслось от гнева, которого он не испытывал с той самой ночи, когда он, наконец, убил Нарви.

Калев встретился глазами с дрожащим парнем, прижимающего к своей груди Котенка, который хоть и пытался что-то говорить, но не мог.

- Ты кто?

- Малыш, - еле выговорил тот.

Малыш продолжал издавать звуки, но все они были бессвязными.

Калев поднял револьвер и.... ждал.

- Что... произошло? - переспросил он, сквозь стиснутые зубы.

- Пожалуйста, - умолял Малыш, и в его голубых глазах отразилась целая гамма эмоций, - это был не я, я пытался остановить их... они...

Парень сглотнул и прижал Котенка еще ближе.

Палец Калеба почти нажал на курок. Он не хотел смотреть на нее. Если он посмотрит на нее...

- Они что?!

Малыш вздрогнул. Револьвер был все еще нацелен в его голову.

- Они пытались ее изнасиловать, понятно?! Они пытались. Но, н-н-но они этого не сделали. Она стала сопротивляться, и... и...

Из глаз парня покатались слезы. Страх. Страх, что его убьют. Малыш отвел взгляд и протянул свои руки Калебу.

- Пожалуйста, - прошептал Малыш.

Калев посмотрел на парня внимательнее. *Малыш*. Имя ему подходило. Его лицо было гладким, как у ребенка, а губы чуть полные, как у него самого.

Нечто извращенное пустило в нем корни. Он оставит его в живых, и эту блондинистую сучку тоже. Хотя, совсем скоро, они очень пожалеют об этом.

Наконец, Калев посмотрел на Котенка. Ее лицо было в синяках, и походило на кровавое месиво. Ее глаза были закрыты, а губы сильно дрожали, как и все ее тело. Ее голова неуклюже свисала с левой руки Малыша, а прямые руки выбивались из его объятий. Ниже, ее распластанные ноги были покрыты ушибами, и следами от ботинок, было очевидно, что на нее наступали.

Калев сглотнул.

- Халид, - его голос был ровным, - принеси одеяло и накрой им девушку. Она в шоке. А затем, приведи этих двоих ко мне.

Когда Калев повернулся, в коридоре к Халиду присоединился Дани. После того, как он вышел из ванной комнаты, в нее тут же вошли два араба, и Калев услышал, как блондинка начала от них отбиваться.

Подходя к гостиной, Калев позволил старым воспоминаниям всплыть в своей памяти, переплетая их со свежими образами Котенка, избитой и дрожащей на холодном кафельном полу. Это было достаточным топливом для того, что он собирался сделать.

Дойдя до гостиной, он увидел стоящего над Шкетом Джаира, который лежал на полу, лицом вниз, со связанными за спиной руками. Оттолкнув Джаира в сторону, Калев схватил байкера за грязные волосы и потянул на себя.

На мгновение показалось, что Джаир собирался толкнуть Калеба в ответ, но как только их глаза встретились, стало совершенно ясно, что сейчас с Калевом не стоило связываться и Шкет собирался узнать об этом.

- Джаир. Нож.

Шкет начал бороться и сыпать проклятия, так, что Калебу пришлось сесть ему на спину, чтобы удержать его на месте.

В тот момент, когда в руку Калеба вложили нож, в его кровь хлынул поток эндорфинов, а по позвоночнику спустилась животная ярость.

- Я предупреждал тебя, сукин сын!

Он был ослеплен. Жажда крови застилала ему глаза.

Подняв нож под углом в сорок пять градусов, он вонзил его прямо в основание шеи Шкета, где она соединялась с его правым плечом. Шкет испустил нечеловеческий вопль и в кровь Калеба хлынул новый поток эндорфинов.

Когда он вытащил нож, на его руки, грудь и шею, тут же брызнула кровь. У него кружилась голова, и трепетали ноздри.

Он снова вонзил в него нож, на этот раз, проводя им сзади, отделяя спиной мозг. Сообщники Шкета кричали, орали и вопили, насыщая Калеба властью и чистым

мужским удовольствием. В то время как Джаир и его братья поддерживали его ободряющими возгласами, ожидая своей очереди. Где-то на заднем фоне, что-то бессвязно и пронзительно пищала блондинка, умоляя Калеба остановиться.

Калев поднял нож и снова вонзил его, на этот раз, очень глубоко.

Больше Шкет не издал ни единого звука. Его безжизненное тело просто истекало кровью: когда оно провисло, а его голова уже соединялась с туловищем только несколькими сантиметрами мышц, сухожилий и костью, мысли Калеба начали проясняться.

Окинув взглядом залитую кровью комнату, и услышав крики тех, кому предстояло закончить свою жизнь таким же способом, мысли Калеба вернулись к Котенку. Ей было больно. Она нуждалась в нем.

Калев отпустил Шкета и смотрел, как тот рухнул на пол безжизненным куском мяса.

Поднявшись, он был весь пропитан кровью этого чертового байкера.

Не выпуская из рук нож, покрытый сгустками крови, взгляд Калеба упал на хныкающего парня, которого они называли Малышом. Он медленно направился к нему. Малыш начал кричать еще до того, как Калев успел приблизиться.

Он положил кончик ножа под его гладкий детский подбородок: - Малыш, я заберу тебя и твою маленькую сучку с собой, и когда Котенок очнется, она расскажет мне, что, на самом деле, произошло. И если кто-нибудь из вас имел к этому хоть какое-то отношение, я разделаюсь с вами еще более жестоким способом. Понял?

Малыш закрыл глаза, по его щекам бежали слезы.

Калев чуть не проколол парня ножом. Что-то в его чертах, в его молодости и его хныканье вызвало в Калебе желание ударить его об пол, что он, собственно говоря, и сделал.

- Джаир, - голос Калеба был холоден, - заberi этого нытика и его девку. Остальных убить, дом сжечь.

Бросив нож, Калев не оглядываясь, направился в сторону ванной.

По пути он увидел все еще истекающего кровью и корчившегося байкера, но как только тот заметил Калеба, он притих, и постарался стать невидимым.

В Калебе снова проснулась ярость. Он был одним из тех, кто обидел ее. Калев уже хотел было вернуться за ножом и поиграть в небольшую игру 'проткни насильника', но у него не было на это времени. Котенка нужно было вести в больницу.

Медленно приблизившись к ее дрожащему телу, он вдруг пожалел, что был целиком и полностью пропитан чужой кровью.

Когда он брал ее на руки, она всхлипнула и заплакала. Его сердце екнуло, и он изо всех сил сдерживался, чтобы не прижать ее к своей груди. Подняв ее, он как можно аккуратнее вышел из дома на солнечный свет.

Посмотрев на нее сверху вниз, он наблюдал за тем, как солнце приласкало ее, залитое кровью, личико. Ее дрожь немного утихла, но брови были слегка нахмурены.

На мгновение Калев смотрел на нее так, как в тот день, когда она - стеснительная молодая девушка с благоговением глядела на него. Своего спасителя.

Я подвел тебя.

Калев поцеловал ее в лоб и прошептал ей на ушко:

- Не волнуйся, Котенок, я обещаю, я все исправлю.

Глава 13

Я падала, тонула.

Я изо всех сил пыталась открыть глаза, но мой мир казался мне расплывшимся пятном, миражом. Несуществующей реальностью. Неужели так было на самом деле?

Меня окружал только яркий свет и приглушенные голоса, но я не могла поднять голову, чтобы посмотреть, откуда они исходили.

В поле моего зрения появился мужчина в белом халате и что-то сказал мне. *Малдер?* Я была в одном из эпизодов "*Секретных Материалов*". Нет, в этом не было никакого смысла. Ученый? Врач? Психопат со скальпелем?

Я не могла разобрать его речь, но казалось, что выражение его лица было полным заверения, лживых обещаний, и пустых слов, сказанных лишь для того, чтобы меня успокоить. А потом меня окружил тоннель бледно-голубого цвета.

Я хотела что-то сказать или встать, но боль была слишком сильной. Мои отяжелевшие веки закрылись, и я снова погрузилась в себя.

Случались и другие моменты, когда я повторно приходила в сознание, после чего снова отключалась, но я не могла четко их вспомнить.

Время не имело никакого значения. Не было ни сейчас, ни тогда, ни позже. Существовала только боль. Больше боли. Меньше боли. Она - единственное, что было постоянным.

Я тонула все

Глубже

Глубже

Глубже

Не доставая дна, я просто падала вниз, и так бесконечно.

Я плакала? Не знаю.

Должно быть, все же плакала, потому что горела.

Я тонула и горела. Моя мать была права.

Я отправлялась прямиком в ад.

Может ли человек совершить такую огромную ошибку, за которую его никогда не простят?

Думаю, да.

Я не хотела гореть. Я не хотела падать в вечность, проваливаясь вниз.

Вечность - это невообразимо.

У моих страданий должен быть конец. Я не заслуживаю этого.

- Это была не только моя вина!

Я слишком доверяла ему. Он сказал, что все будет хорошо. Поцелуй. Прикосновение. Еще поцелуи. Еще прикосновения. Я не знала, что делать. Я не знала, что говорить. Это была не только моя вина!

Прости меня.

Прости меня.

Ты, сука... прости меня.

Я все тонула, объятая огнем.

Бесконечно.

Я открыла глаза. На этот раз, более уверенно.

Было темно. Только в углу падал тусклый свет от лампы.

Вздвигнув, я попыталась резко двинуться, но от этих усилий все мое тело прострелила невыносимая боль. На мгновение, мне показалось, что я все еще сплю, потому, как мое тело продолжало гореть.

Положив руку на свои ребра, я почувствовала тугой бандаж, опоясывающий мое туловище. Было больно дышать. В моих ушах все еще стояло тихое жужжание и я поняла, что оно исходило от меня. Каждый раз, когда я поворачивала голову, перед

глазами тут же появлялось множество мелких точек, и мне было больно смотреть на свет.

Пальцами и взглядом я прошла по повреждениям на своем теле.

Моя левая рука была зафиксирована поддерживающей повязкой, скрепленной за моей шеей, а на носу приклеен пластырь. Мои глаза были опухшими, и каждое моргание давалось с трудом, что было пустым, но необходимым занятием. Осторожно прикоснувшись к своему лицу, я аккуратно убрала образовавшиеся в уголках глаз комочки.

А потом... я увидела тень мужчины, который тихо и неподвижно сидел в углу комнаты. Прищурившись, я подалась вперед. Черт, как же больно.

Это был Калеб, именно он сидел со мной в темноте в пугающе застывшей позе.

- Старайся не двигаться, - сказал он почти шепотом, и наклонился к свету.

Первоначальным моим импульсом было пошевелиться, но меня остановила боль, и Калеб... а точнее, его обезоруживающая внешность. Выглядел он уставшим и суровым, словно побывал в аду и вернулся обратно. *Как и я.*

В моей памяти начали всплывать фрагменты воспоминаний, одни были четкими, другие не очень. Каждая секунда той сцены проигрывалась сначала в быстром режиме, затем в медленном, а потом еще раз в быстром. *Значит, он вернул меня.*

Осознание этого пробрало меня до костей. Я испытывала облегчение? Или ужас?

Я не могла разобраться с бурлящими внутри меня эмоциями. Я была просто... напуганной до смерти. Опустошенной и зависшей.

Он поднялся со стула и подошел ко мне.

- Не бойся. Теперь с тобой все будет в порядке.

Я не боялась. И я не была в порядке... и никогда уже не буду.

- Твое лицо в синяках, но ничего не сломано, вывихнуто плечо и есть несколько треснувших ребер. Ты поправишься, но боюсь, что все, что я могу тебе сейчас предложить - это болеутоляющие и отдых.

Его слова ничего для меня не значили. Главное - я все еще была жива. И я все еще была с Калебом.

Когда он поднялся, я даже не вздрогнула, а просто смотрела, как он ко мне приближался. Чего еще я должна была бояться? Что у меня осталось такого, что я могла потерять?

- Где я? - Я с трудом узнала свой собственный голос. Он был грубым и хриплым, а так же сухим и ломким, именно таким, сейчас, ощущалось мое горло.

- В другом месте, - сказал он обычным тоном.

Он сел на кровать рядом со мной.

Приятная кровать, приятная комната, подумала я, переключая свое внимание на простые окружающие меня вещи, о которых сейчас почему-то думал мой дурацкий мозг. *На самом деле, мне было плевать на это.*

Он потянулся к моей руке. Мои пальцы слегка отпрянули. Напрягшись и сжавшись, они отказали ему в прикосновении. Он кивнул и убрал свою руку.

У него в волосах была что, кровь? *Кровь. Повсюду.*

Закрыв глаза, я отодвинула эту мысль в сторону.

Я хотела оставаться неподвижной, чтобы быстрее покончить с этим. Я была готова к любым насмешкам, которые он подготовил для меня... и к его словам о том, какой же я была душой, что убежала от него.

Давай, шути, придурок, я уже и сама это знаю.

Я была готова к тому, что он станет угрожать мне изнасилованием или даже смертью. *Давай уже покончим с этим. Пожалуйста.*

- Мне очень жаль, Котенок, - прошептал он.

Ему было жаль? Чувство вины Калеба было последним, чего я от него ожидала.

Из моего рта вырвался странный звук, что-то между фырканьем, усмешкой, смехом и плачем, отчего моему лицу стало больно. Я чуть не рассмеялась... а я бы рассмеялась, если бы мне не было так больно дышать.

- За то, что они сделали с тобой.

Конечно, ему было жаль, но не из-за того, что он забрал меня из дома.

- Хорошо.

Дом. Моя семья. И все это потому, что я хотела вернуться к своей никудышной матери. Даже, несмотря на то, что она не хотела меня видеть. Никогда не хотела. И было неважно, как много раз я просила у нее прощения.

Мои глаза уже не на шутку разболелись. Я не могла поверить в то, что у меня до сих пор оставались на нее слезы. Я ненавидела ее. Я *ненавидела* ее потому, что я так чертовски сильно ее любила, а она, очевидно не испытывала ко мне тех же чувств.

Калев откашлялся и сглотнул.

- Они за все заплатили.

Они. Некоторые из них, возможно, были даже хуже, чем Кaleb. Мое тело снова пробрала дрожь, но услышав эти слова из уст Калеба, я почувствовала... удовлетворение.

- Ага, отлично, - сказала я глухо, - ты у нас спец по этой части.

На его губах появился намек на улыбку, и по какой-то причине это задело мою самую суть. Моя жизнь была шуткой для него, для моей матери, для этих мудаков - байкеров! Жестокой, душераздирающей шуткой, и я уже была более чем готовой к ее кульминационной развязке. Готовой к окончанию, как шутки, так и моей жизни. И прямо сейчас мне нужно было *что-то* присутствие рядом. Я не хотела чувствовать себя одинокой и брошенной.

Я подавила слова, о которых, я знала, позже буду сожалеть, и произнесла только, - Кaleb...

- Что?

Я уставилась на него, не зная, но гадая, каким будет следующий шаг и, как обычно, меня это жутко пугало. Он продолжал смотреть на меня с любопытством, на его лице отразилась нерешительность. Если это выражение было настоящим, то мне было почти жаль его. Это было лучше, чем жалеть себя, но мне нужно было быть сильнее, хотя бы для того, чтобы заползти в уготованную для меня яму, *и покончить со всем этим.*

- Я не знаю, что ты запланировал для меня. Я знаю... Я знаю это...

Я замолчала, чтобы собраться с мыслями и собраться самой, но эти слова нужно было произнести вслух. Если не сейчас, значит никогда.

Я позволила искрам боли приободрить себя.

- ...Я знаю, что это не может быть чем-то хорошим. Независимо от того, что ты запланировал. Но могу я попросить тебя об одном одолжении?

- Да.

Я моргнула, - Если это хоть приблизительно так же плохо, как то, что эти ублюдки сделали со мной... Я устала переживать одно дерьмо лишь только для того, чтобы вляпаться в еще большее гребанное дерьмо. И если то, что ты задумал для меня будет более мучительным, я думаю, что мне лучше умереть. Просто сделай мне одно одолжение, и я не... я не хочу умирать медленно.

Он отшатнулся назад так, как будто я залепила ему пощечину. Нет. Ведь я уже дважды успела этим отличиться, но при этом, он, ни разу не выглядел так, как сейчас. Внезапно он был не любопытствующим или нерешительным - он выглядел раздраженным! И... обиженным.

- Вот, значит, о чем ты думаешь? - сказал он напряженным, натянутым голосом.

- Думаешь, я бы...

Вскочив с кровати, он начал вышагивать по комнате. Мне же не оставалось ничего, кроме как наблюдать за ним.

- А о чем, по-твоему, я должна была подумать, Кaleb? - спросила я хриплым голосом.

Мое лицо пылало, а нос болел, и создавалось впечатление, что он заложен. Было больно дышать.

- Ты похитил меня, ты бил меня, ты... делал со мной невообразимые вещи.

Жжение в моей груди стало распространяться дальше по телу, и весь скопившийся во мне гнев и отчаяние стали вырываться наружу.

- Чего мне было от тебя ждать?

Я не очень успешно изобразила его ужасный акцент, - 'Не дай мне тебя найти'. Разве это не твои слова?

Наконец, он остановился в центре комнаты, его глаза сначала вспыхнули, а затем остыли.

- Ты глупая - преглупая девочка, Котенок.

На этот раз я рассмеялась. Громко, истерично. Я смеялась сквозь боль, разрывающую каждую клеточку моего существа. Он никогда не говорил ничего более правдивого. Я, на самом деле, *была* глупой - преглупой девочкой!

Глупая, раз думала, что моя мать когда-нибудь простит меня. Глупая, раз считала, что смогу, стать чем-то большим, чем была.

Как тот грязный гребанный байкер назвал меня? *Шлюхой!* Этот ярлык преследовал меня повсюду. И что я сделала, чтобы заслужить это? Ничего! Я до сих пор была девственницей. Шлюхой, сопротивляющейся своей природе. Ради чего?

Да, я была глупой - преглупой девочкой.

Я смеялась, смеялась, смеялась, пока, наконец... не сломалась. Мой смех превратился в завывания: от чистой потери, тоски и беспросветного отчаяния.

И тут, я почувствовала, как он очутился рядом со мной и обхватил меня своими руками. И я позволила ему.

Я всегда искала убежище у людей, которые причиняли мне больше всего боли. Моя мать. Мой отец. Кaleb. Я была словно побитая собака, выпрашивающая хоть капельку любви у своего злого хозяина. Это все, что я знала.

И все же, в его руках, предназначенных мне в качестве убежища, я чувствовала защищенность и тепло. Круговорот боли никогда не закончится, потому что я не смогу сказать каково, жить без нее, пока не будет слишком поздно.

- Они за все заплатили.

Прошептал он снова, его голос был холодным и решительным, но его слова ничего не значили для меня, хотя я подозревала, что они многое значили для него. Только его руки имели значение, только осязаемое чувство его сильной, крепкой плоти, окружавшей мою израненную. Его объятия говорили о том, о чем не могли или не хотели говорить его губы: *что я в безопасности и что он будет меня защищать*, и возможно о том, что я была ему небезразлична. Но ведь это было абсурдом... все ЭТО было абсурдом.

Тем не менее, его губы снова и снова повторяли 'Они за все заплатили', и я почувствовала что-то иное, что-то необъяснимо реальное для меня, реальнее всего остального. Я ненавидела его, но вместе с тем и нет, я уже больше ничего не понимала, и меньше всего я понимала себя.

Я долго плакала, найдя укрытие в успокаивающем обмане его объятий. Это была иллюзия, фантазия, но это помогало. Я не хотела его отпускать. Я хотела остаться здесь навечно, и чувствовать, как он прижимает меня к своей груди, проводит пальцами по моим волосам, как стучит его сердце у моего уха, повторяя: ты в безопасности, верь мне, я люблю тебя.

Люблю. Хотела ли я, чтобы он любил меня? Да. Я хотела, чтобы меня хоть *кто-нибудь* любил. И что есть любовь, если не риск собственной жизнью, ради спасения чужой? Кaleb спас меня. Могло ли это означать, что он меня любил?

Часть меня хотела так думать. Верить в романтические идеалы, которых не существовало. Я хотела верить в ложь. Но больше всего, я хотела, чтобы это *не было* ложью.

Некоторое время спустя, я заставила себя отстраниться от него. Ведь чем дольше я оставалась во власти его рук, тем дольше я сомневалась в своем намерении убежать от него снова, а это было опасно. Я постоянно разрывалась между эмоциями, которые продолжали бороться друг с другом. Кaleb опасен. И не только потому, что он был больше, сильнее и был более жестоким, чем я хотела себе представить.

- Могу я посмотреться в зеркало? - спросила я осторожно, всхлипывая.

Дело было не в самолюбовании. Мне нужно было увидеть, насколько близко я была к смерти, и осознать всю реальность произошедшего. Прочувствовать ударную дозу реальности, чтобы отбросить свои бредовые фантазии.

Смею сказать, что отпускал он меня очень медленно, почти нехотя. И даже когда я попыталась сохранить между нами дистанцию, его пальцы нежно вытирали уголки

моих опухших глаз, и в этот момент на его лице читалась обида, боль, и пренебрежение, не имеющие никакого значения. Его слова подтверждали те чувства, которые я прочитала на его лице.

- В этом нет необходимости. Никаких следов не останется.

- Так плохо, да? - спросила я, но выражение его глаз тут же сменилось, став жестче, холоднее, таким образом, говоря мне обо всем, что мне нужно было знать.

Эти сукины дети хорошенько надо мной поиздевались.

Мои руки, заведенные мне за спину. Боль. Смех. Член, вжимающийся в меня и пытающийся протиснуться внутрь.

- В этом нет необходимости, - повторил он твердо.

- Никаких следов не останется.

Он замолчал, странным образом пронизывая свое непреклонное и уверенное поведение стрелами сомнения.

- Они за все заплатили.

Кaleb не относился к числу хоть в чем-то сомневающих или неуверенных людей. Но все же, в то мгновение я ощущала от него именно это. Было что-то, о чем он хотел сказать... но не говорил.

- Я знаю, что ты пережила больше, чем достаточно.

Протянув руку, он нежно поднял мой подбородок, заглядывая мне прямо в глаза,
- Но обещай мне, что ты никогда не сделаешь так снова.

Я слегка отвернула голову в сторону.

Он не спрашивал меня, он предупреждал, чтобы я больше никогда не думала о том, чтобы убежать от него снова. Не произнося этого словами, он, таким образом, отчитывал меня, давая понять, что взяв дело в свои руки, я вляпалась в еще большую неприятность и все это по своей же собственной дурости. Это была горькая пилюля... потому что он был прав.

- Да, Кaleb.

Я сделала паузу, - Да, Хозяин, - отрешенно прошептала я, снова ощущая разрастающуюся внутри пустоту.

Кaleb нахмурился, но кивнул. Я не знала, что было более пугающим, то, что в ту секунду я, на самом деле, так считала, или, что Кaleb этого ожидал.

Его пальцы продолжали свое путешествие по моему подбородку. Он был внимательным, задумчивым и осмотрительным, дабы не доставить мне никакой боли или неудобства.

Я не могла это выносить. Когда он был рядом, я всегда была в замешательстве. Меня постоянно одолевали противоречия по поводу того, что я должна была делать и тем, что мне делать не следовало.

Я подумала о своей жизни, об истории своего существования, о прошлом, вращающемся вокруг своей матери, которая произвела меня на этот свет. О том, как мои желания привели к тому, что стало со мной. Точно так же, как и желания моей матери привели к тому, что стало с ней. И чем сильнее я пыталась не быть похожей на нее, тем больше я чувствовала, что становлюсь такой же, как она. Это было так несправедливо!

И пока я смотрела на Калеба, на то, как его пальцы интимно и нежно водили по моим губам, я убедилась, что все в этой жизни было несправедливо.

Я оттолкнула его руку, не грубо, но твердо демонстрируя свой отказ от его прикосновений, и как ни странно, в уголке моего сознания, я знала, это был именно мой отказ. В его глазах проскользнуло какое-то первобытное чувство, после чего он снова надел на себя маску безразличия.

Выпрямившись, он прислонился к спинке кровати.

Образовавшееся между нами пространство можно было сравнить с океаном, а наше молчание, с тревожным затишьем перед надвигающейся бурей.

Он что-то планировал в отношении меня. И он до сих пор не рассказал мне, что меня ждет.

- Калеб...

- Знаешь, это не ты...

Должно быть, увидев на моем лице смущение, и, по всей видимости, ожидая его, он тут же подался вперед и продолжил, - В своем сне. Ты говорила, что это не только твоя вина, и так оно и есть - ты не виновата. Просто...ты не виновата.

В моем горле образовался большой ком. И как я ни старалась, я не могла его проглотить. Он просто застрял там, и душил меня.

Пальцы Калеба скользнули по покрывалу на моей ноге, после чего, запнувшись, вернулись обратно – в зону его личного пространства.

Почему он не мог быть просто злым, бездушным ублюдком, чтобы я знала какова была его роль и какова моя? Почему он постоянно переключался с холодного и безжалостного, на теплое и утешающего?

- Что они с тобой сделали, Котенок? Ты можешь мне рассказать?

Его глаза закрылись, и я задалась вопросом, что он скрывал. Неужели это было из-за меня? Наверяд ли.

Он мучил меня, удерживал в плену, бил, принуждал меня к вещам, которые выходили за пределы моего воображения. А теперь... *теперь* он что-то... испытывал ко мне?

Мой внутренний голос напомнил мне, что, несмотря на все то, что он со мной делал, в этом всегда присутствовала малая толика милосердия. Да, я все еще была жива, и он никогда не пытался сотворить со мной то, что пытались сделать эти животные. Для них я не была человеком.

Я поняла тонкую грань между тем, что Калек делал со мной и тем, что он с легкостью *мог* сделать. Он всегда контролировал себя. Всегда объяснял, почему он делает то, или иное. Он целовал и ласкал меня, доводил до экстаза. Я была столь же настоящей для него, как и он для меня, и именно в этот момент, до меня, наконец, дошло... я что-то значила для него. В каком бы то ни было объеме, на который он только был способен, но я что-то значила для него.

Ирония этого прозрения заставила мой желудок сжаться. Теперь, когда я в полной мере ощутила настоящий ужас с теми ублюдками байкерами, я знала, что никогда не испытывала подобного с Калеком. Даже когда он делал мне больно или заставлял сгорать от стыда, после, он всегда оставался рядом, делал мне массаж, обнимал - нес за меня ответственность. Он бы никогда не сделал того, что сделали эти ублюдки. Я знала это. Но имело ли это хоть какое-нибудь значение? Я не могла сказать наверняка. Возможно, уже ничего не имело значения.

Я так старалась быть чем-то, кем-то. Пыталась сделать так, чтобы моя жизнь хоть чего-то значила.

Все еще оставаясь пленницей и ощущая всю пустоту и отчаяние, я знала, что никогда не напишу сценарий, или книгу, никогда не сниму фильм. Я чувствовала, что никогда не стану кем-то большим, нежели мне предсказывали окружающие. Ничего из того, что я сделала, уже не имело значения. Никогда не имело. И никогда не будет иметь. И, предполагая другой вариант развития своей жизни, я лишь подчеркивала свою детскую наивность, но никогда не гнушалась надеждами и мечтами.

Наконец, я ответила на его вопрос.

- Больше это не имеет значения, Калек.

Мой голос казался усталым, хрупким.

- Ничего не имеет.

В течение несколькими секунд он молчал, и я знала, он злился... как и я. Даже находясь в оцепенении, внутри меня все клочкотало.

Я наблюдала за ним. Еле уловимые изменения, на которые я раньше не обращала внимания, сейчас были для меня крайне очевидны.

Какое место я занимала в его сердце? Знал ли он, что я могла читать его? Хуже того, мог ли он, в свою очередь, читать меня?

- Ты и я, мы оба, знаем правду. То, что они сделали с тобой, имеет значение.

Сейчас в его голосе не было злости, только уверенность.

- Все имеет значение. Все очень личное. Ты знаешь об этом так же, как и я. Не будь такой разбитой и подавленной, мы оба знаем, что это на тебя не похоже.

Я рассмеялась, но этот звук потонул в глубинах моего горла и прозвучал всего лишь отрывистым сдавленным звуком.

- Откуда тебе знать?

Он никогда прежде не отвечал мне полностью, и зачастую его слова ощущались лишь наполовину правдивыми, но по какой-то неведомой причине, мне казалось, что он поступал так, только потому, что просто не знал, *как* ответить. Другими словами, он все же *хотел* мне ответить.

- Ты меня не знаешь. Даже такие простейшие вещи, как, например, мое имя.

Снова молчание. Я внимательно смотрела на него, ожидая его гнева, *желая его*. Мне нужно было найти повод для противостояния с кем-то, кто, по моему мнению, не сделает мне по-настоящему больно. Мне хотелось выговориться. В то мгновение я понимала, что Калев был прав - и как бы я этого ни хотела, не в моем характере было сдаваться.

Он оставался спокойным, держа свои глаза закрытыми. На его прекрасных золотистых волосах виднелись красновато - коричневые полосы - у него в волосах была чья-то запекшаяся кровь. Меня передернуло.

Они за все заплатили. Приятные, восхитительные слова, которые я никогда и ни от кого не слышала, кроме как от человека по имени Калев.

В его теле что-то изменилось, напряглись мышцы, но он по-прежнему оставался совершенно спокойным. Выражение его лица было холодным, застывшим, но оно не было направлено на меня.

- Ты права. Я не знаю твоего настоящего имени. Но я также не знаю своего, и это никогда не мешало мне понимать, кто я такой и брать то, что я хочу.

Этих слов я ожидала от него меньше всего.

Я сидела потрясенная и растерянная. Он раскрывал мне что-то очень важное, но я не знала, что с этим делать, или могло ли это хоть как-то облегчить мою боль. Я понимала, что это было чем-то тайным, о чем знало всего несколько человек, и, судя по его виду, для него это имело огромное значение.

От осознания того, что Калев в некоторой степени раскрывался передо мной, мое сердце ускорило ритм. Я поняла, что мне хотелось узнать, как он стал тем человеком, который сейчас сидел рядом со мной. *Калевом*.

Это имя не было настоящим. Он не *знал* своего реального имени.

Что произошло с тобой, Калев? Кто сделал это с тобой? И почему ты теперь делаешь это со мной?

Я наблюдала за выражением его лица - твердые линии, которые еще не успели сложиться в свою обычную маску. Я это чувствовала. Именно сейчас, после моего изучения всех сценариев и кинофильмов, я осознала присутствие в людях чего-то элементарного, и почему меня так привлекал этот придуманный мир.

Каждое произведение стремилось описать человеческую природу в хорошем, плохом и даже уродливом великолепии. Сначала, это было продолжением моей собственной жизни, странным образом отражавшейся в 'художественном' мире. Каждая история хотела, нет, *нуждалась* в раскрытии всей хрупкости человеческой натуры, мирской зависимости, привязывающей людей к своим поступкам и к тем, кто находился в их руках. Эти рассказы были чем-то правдивым и чем-то ужасным, но люди есть люди, и часть из них просто не раскрывали всей истории. Я видела эти части и в этом человеке – Калеве.

Был ли этот человек, незащищенным и уязвимым? Да и вообще, кем был этот человек, раз мог поступать так со мной, с кем угодно, и продолжать жить в согласии с собой? И каким человеком была я, раз пыталась разглядеть в нем тончайший лучик света, который он так старательно прятал? И почему я пыталась? Но еще важнее, почему он пытался?

Он ждал. Я ждала. Я хотела надавить на него, капнуть глубже, но знала, что это только оттолкнет его.

Он всегда первым бросал мне вызов. Он давал, только если получал, и если я хотела узнать о нем больше, то должна была раскрыться первой. Возможно, чем больше мы узнаем, друг о друге, чем станем ближе, тем вероятнее, что я смогу убедить его не причинять мне боль.

Подчиняйся, однажды сказал он. Он хотел, чтобы я подчинялась. Не только своим телом. Но и своим разумом. Я хотела бы попробовать. Я хотела бы попробовать ради него. Не ради садиста, сидевшего рядом со мной и приводящего меня в замешательство, не ради Калеба. Я хотела бы попробовать ради красивого незнакомца, прячущегося под этой оболочкой. Того, человека без имени, который повстречался

мне на остановке в тот роковой день. Я была готова попробовать и понять его, собрать по кусочкам, а что из этого получится... оставить на волю судьбе. Я сделаю первый шаг, потому что он бы его не сделал. Или, возможно, не мог сделать.

- Часть меня, вообще-то, даже рада оставить свою старую жизнь в прошлом.

Я видела, как он удивился повороту в нашем разговоре, и мне было приятно стать причиной такой его реакции.

- Не могу сказать, что эта жизнь гораздо лучше, но, по крайней мере, ты хотел вернуть меня обратно... не думаю, что моя мать желала бы моего возвращения.

Облизав свои сухие губы, я заставила себя продолжить.

- Она считает, что все это я сделала сама. Что я убежала... и что я шлюха. Но она всегда так думала.

Комок, до сих пор стоявший в горле, спустился вниз, а не вверх. На удивление, все мои мышцы расслабились. И мне стало хорошо, от того, что я смогла высказать это вслух.

Раньше я делилась своим прошлым с Николь, но сейчас все было по-другому. Кaleb был сильным. Его это не оттолкнет. Почему-то, я не сомневалась в том, что он выдержит весь груз моего признания, и не будет испытывать связанной с этим тяжести, или неловкого смущения, как это было с Николь.

- Она ненавидела себя, а я была ее неотъемлемой частью.

Кaleb медленно открыл глаза и сдвинул брови, внимательно меня слушая.

Я продолжила, - Когда мне было тринадцать, она застала своего мужчину, целующим меня. Вернее, она застала нас целующимися. Он был младше нее, иммигрантом в поисках вида на жительство. А моя мать была в поиске мужчины, который не смог бы ее оставить.

- Его звали Пауло.

- У меня и в мыслях не было доставлять своей матери проблемы. Я просто хотела быть как другие девочки, носить такую же одежду, как они, делать то, что делали они. Но она была слишком строгой. Мне, вроде как..., - из моих глаз брызнули слезы, - нравилось, как он смотрел на меня. Знаешь, мальчики в школе не особо на меня засматривались. Я всегда носила эти уродливые длинные платья. Но Пауло... он смотрел на меня так, как будто я была самой прекрасной девушкой, из всех, что он когда-либо видел.

Миновав покрывало, пальцы Калеба медленно поползли к моим. И прежде чем он успел одернуть руку, я нерешительно раскрыла свою ладонь, положив ее лицевой стороной вверх. Не говоря ни слова, его пальцы переплелись с моими.

- Что произошло дальше? - Его голос был грубым, выдающим крайнюю степень эмоции, которую я еще не успела распознать.

- Моя мать спала, а я была в гостиной и смотрела телевизор. По кабельному каналу Синемакс шел фильм с Шеннон Твид.

Калеб не узнал имени самой скандально известной актрисы порнографического жанра всех времен и народов. Это почти заставило меня улыбнуться. В этом было что-то очаровательно невинное. Что-то невинное, скрывающееся под личностью *Калеба*.

Он сжал мою ладонь, побуждая меня продолжить.

Я чувствовала, что кто-то был на моей стороне, и это было весьма ироничным. Моя мать не верила мне, но я знала, *знала*, что Калеб поверит. Потому что я говорила правду.

- В фильме показывали... откровенную сцену. Я была одна и я... начала ласкать свою грудь. Я знала, что было неправильным смотреть такие вещи, но... все, что я делала, было неправильным.

Чувствуя возрастающее беспокойство и уже так долго преследующий меня стыд, грозящий разорвать то, что от меня осталось, я сильнее сжала ладонь Калеба.

- Пауло застал меня врасплох. Он был в своих плавках, и я видела, что у него был стояк. До этого я ничего подобного не видела. В кино никогда такого не показывали.

По моим щекам хлынул новый, ослепляющий меня, поток слез. Картинка перед глазами начала расплываться слезными красками моих воспоминаний.

- Я попыталась встать и пойти в свою комнату, но он меня остановил. Он был пьян. Когда он вжал меня в диван, в его дыхании я ощутила привкус пива. Он положил свою руку поверх моей майки. Я сказала ему, чтобы он остановился. Но... он ответил, что если я его не поцелую, он расскажет моей матери о том, чем я занималась.

Невольно из меня вырвалось рыдание.

- Все в порядке, Котенок, тебе не обязательно рассказывать мне о том, что было дальше.

Калеб сидел близко ко мне, обжигая своим теплом мой бок, но касался только моей руки.

- Нет! Я должна рассказать что случилось... почему она больше не любит меня.

Я крепко закрыла глаза, вызывая в себе как физическую, так и эмоциональную боль. Я хотела, чтобы он знал это обо мне. Я хотела, чтобы он сделал то, что делал всякий раз после своих истязаний. Я хотела, чтобы он заставил боль исчезнуть.

- Он поцеловал меня. Это был мой первый поцелуй. На вкус он был как пиво, но это было не так уж и плохо. По какой-то причине, мне всегда нравился запах алкоголя. Он поцеловал меня и у меня начала кружиться голова. Когда он попросил меня открыть мой рот... я открыла. После этого, все стало по-другому. Больше мне это не нравилось. Его язык был скользким и двигался у меня во рту, как змея. Это было ужасно. Я попыталась отстраниться, но он мне не позволил.

- Потом вошла моя мать. Пауло отпрыгнул. Его невероятная долбанная эрекция торчала из его дурацких плавок. Но она злилась не на него. Она злилась на меня. Посмотрев на телевизор, она перевела свой взгляд обратно, на нас. Я попыталась ей все объяснить, но она только сказала 'Ливви, и этим ты занимаешься каждый раз, как я иду спать? Надеваешь свое puta - шмотье и пытаешься соблазнить своего отца?'

- 'Он мне не отец', - ответила я, но смысл был не в этом. Я пыталась объяснить, что это он меня поцеловал. Что я его об этом не просила. Что я вообще этого не хотела. Пауло молчал. Казалось, он был в курсе того, что происходило между мной и моей матерью.

- 'Будешь вести себя как шлюха, и относиться к тебе будут как к шлюхе, Ливви.' Это все, что она сказала мне.

Повторив слова своей матери, я зарыдала. Все эти годы, с той самой ночи, сказанные ею слова, эхом отзывались в моей голове, всякий раз, когда я думала о том, чтобы противостоять ей.

Кaleb сидел молча. Теперь уже его рука еле сжимала мою. Я хотела взглянуть на него, но не решалась. Я не могла вынести отвращение, которое он, должно быть, испытывал по отношению ко мне. Или жалость.

- Паоло депортировали. Но моя мать никогда мне этого не простила. Она перестала обращать на меня внимание, сосредоточив его на моих братьях и сестрах... особенно на братьях. Я стала призраком в доме своей матери. Ну вот, так все и было.

- Я пыталась вернуть ее любовь. Блять, да я была идеальным ребенком. Я не встречалась с мальчиками, никуда не ходила. Хорошо училась. И носила самые неприглядные вещи, которые только можно было найти. Но...

Голос Калеба прорвался сквозь мои воспоминания, - Но она винила тебя в том, что ты разрушила ее счастье.

Я кивнула. Мое оцепенение, наконец, вернулось. Я почувствовала, как мою руку медленно подняли, а затем, как к тыльной стороне моей ладони прижались мягкие губы Калеба.

- Если это что-нибудь значит, Ливви, я никогда не думал о тебе, как о шлюхе. И ты... *самая* прекрасная девушка, из всех, что я когда-либо видел.

Я подняла к нему свое лицо. Господи, каким он был красивым. Настолько красивым. Я впервые видела его настоящим, и сколько бы этому моменту ни суждено было продлиться, я хотела им упиваться. Он нежно улыбнулся, и я знала, что он многого не показывал. Мое лицо напоминало собой отвратительное месиво, а он все еще считал меня прекрасной.

- Ну... может, в этом моя проблема... что я слишком прекрасная.

Его улыбка тут же поникла и я пожалела о том, что не могла держать свой рот на замке. Я тут же попыталась исправить ситуацию, - Эй, теперь ты знаешь мое имя.

Слегка улыбнувшись, он медленно вытащил свою руку из моей. Тепло, окружающее нас, стало быстро рассеиваться.

Когда Калев поднялся с кровати, на мои глаза вновь набежали слезы, - Ты всегда будешь для меня Котенком... Ливви.

Теперь уже была моя очередь слабо улыбаться. Как всегда, его слова имели двойной смысл.

Он обогнул кровать и подошел ко мне слева. Наклонившись к тумбочке, он открыл верхний ящик.

- Это от боли.

Он поднял шприц и снял колпачок.

- Что это? - спросила я, испугавшись при виде иглы.

- Я тебе уже сказал.

- А что, если я не хочу?

Теперь, он выглядел несколько удивленным.

- Совсем скоро закончится действие препарата, и ты захочешь.

- Я буду от этого спать? Я не хочу спать.

- Нет.

У меня было такое впечатление, что он лжет.

- Это просто поможет легче переносить боль.

- А ты? - Внезапно я стала взволнованной. И стеснительной.

- А что я?

- Ты собираешься оставить меня здесь одну?

Затянувшаяся пауза заставила меня задуматься о том, как много я себе навоображала за последние несколько минут.

- Если хочешь, я останусь.

Кaleb смотрел на меня, но я ничего не отвечала. Я не могла заставить себя признаться в том, насколько уязвимой я себя чувствовала.

Моя мать отпустила меня. Я была свободна от нее... но не свободна в другом смысле.

- Котенок?

Его голос был спокойным, а голубые глаза были наполнены чувством, которое я не могла передать словами, но затем его взгляд и тон приняли отсутствующий вид. Он резко тряхнул головой, внезапно пробуждаясь от своего недолгого оцепенения. *В каких облаках он витал?*

Засомневавшись буквально на секунду, я прохрипела, - Я не хочу оставаться одна.

- Я останусь, - мягко сказал он.

Мое лицо болело так, будто по нему ударили огромным молотком. Но он был здесь. Заботился обо мне. Потому как знал, что я нуждалась в нем.

Осторожно откинув простынь, он несколько секунд рассматривал меня, после чего задрал мою ночную сорочку чуть выше бедра. Я ахнула.

Мои ноги были сплошь покрыты синяками, и некоторые из них по форме напоминали следы от ботинок.

- Глаза на меня, Котенок.

Наши взгляды встретились как раз в тот момент, когда я почувствовала укол иглы.

Через некоторое время мои веки отяжелели, и я отправилась в свободный полет, в свободное падение. Я не спала, а просто летела к горизонту, который был не белым, и не черным.

Кaleb может и причинит мне боль... завтра или послезавтра, но точно не сегодня. Однако теперь я знала наверняка - он не сможет меня уничтожить. Ему безразлично, если меня вдруг не станет. И что бы ни произошло, я выкручусь, потому что Кaleb показал мне, что я живучая. Станный подарок из неожиданного источника.

Глава 14

В том, что я не хотела спать, была своя причина. Я не хотела видеть сны.

Я не хотела думать о своей матери, о Пауло, или о своих братьях и сестрах. Или обо всем том, что последует между Калемом и мной. Но в особенности, я не хотела думать о Николь, о прекрасной Николь, потерянной и блуждающей вдоль границы Мексики в поисках меня. Я никогда не прощу себе, если с ней хоть что-нибудь случится.

Ворочаясь с боку на бок, меня разрывало на части от злости, волнения и печали. Мое плечо не унималось, из-за чего мои метания и повороты вызывали тупую боль, словно я лежала на голой кости.

А потом... на меня обрушилось неизбежное.

Приглушенные голоса. Воспоминания о том, как меня удерживали лицом вниз, срывая с меня одежду. То, как они игнорировали мои крики, посасывая и подергивая мое тело. И я снова почувствовала все это - ужасное избиение.

Вопреки силе введенного мне лекарства, я открыла глаза и закричала. Втягивая воздух в свои горящие легкие, я попыталась сфокусировать взгляд.

Калек вскочил со стула, на котором сидел, и быстро включил свет.

Наконец, ко мне пришло осознание.

Я в безопасности. Я здесь. Калек рядом. Он не причинит мне вреда.

Я задыхалась, а мой голос был пропитан не пролитыми слезами и перенасыщен эмоциями.

- Это было так реально. Как будто они...

Калек сел рядом со мной, и я подалась к нему в поисках утешения, успокоения, хоть чего-нибудь. Мне больше не нужно было ничего говорить.

- Все хорошо. Они больше никогда не сделают тебе больно.

Его слова были идеальными. Такими правильными и успокаивающими.

Обернув свою правую руку вокруг него, я прижалась к нему еще ближе. На несколько блаженных секунд осталось только ощущение его рук, его твердой груди, и биение его сердца, вырывающие меня из ужаса моего сна. Я вдохнула.

- От тебя пахнет мылом, - прошептала я слабым голосом, утыкаясь носом в его рубашку.

Мне не нравилась мысль о том, что он оставлял меня одну. И я больше ни за что не хотела снова оставаться одна в темноте.

Своими пальцами он перебирал мои мокрые от пота волосы.

- Я ждал, пока ты уснешь. На это ушло не так много времени.

Эти слова меня немного удивили. Я уже настолько привыкла к насмешливым комментариям Калеба, что ожидала от него что-то вроде, 'Ну и ну, Котенок, какой у тебя большой носик'.

Неужели сейчас что-то изменилось? Или мы изменились? В какой-то степени, я

уже знала ответ.

- Тебе не обязательно спать на стуле.

- *Неужели?*

Голос Калеба был слегка насмешливым, но без грубости или снисходительности. Я поняла, что он меня дразнит.

- Засранец.

Он прижал меня еще крепче, - У тебя всегда найдется ответ.

Такой его тон всегда заставлял меня врасплох.

- Внезапно это стало чем-то хорошим?

- Это значит, что ты не сломлена.

Он тихо засмеялся, и мне захотелось сделать то же самое. Но во мне пока не было смеха, поэтому я просто удовлетворенно вздохнула.

Это был тот самый странный, нездоровый юмор, который мог существовать только между мной и Калемом. Мы оба пытались продлить это мгновение, но оно улетучилось так же быстро, как и появилось. Поэтому, мы просто молчали, обнимая друг друга, и зная, что существует миллион вещей, о которых нужно было сказать, спросить, или объяснить, но понимая, что никто из нас не будет этого делать.

- Нам пора двигаться дальше.

Калек прошептал эти слова, как будто тем самым, он мог уменьшить их значение. Мое тело снова прошиб пот, но, я все равно, не могла позволить ему уйти.

Мне, действительно, нужно было вставать.

Прямо, блять, сейчас.

Но мне не хотелось двигаться. Не тогда, когда губы Калеба прижимались к моему виску и не тогда, когда ощущение его стройного, мускулистого тела, обнимающего мое, дарило мне чувство защищенности и принадлежности, о котором я мечтала всю свою жизнь.

Однако было слишком опасно оставаться в его объятиях. Очевидно, я начала что-то испытывать к Калебу. Некоторые чувства были понятны, другие не очень. Если я позволю себе доверить ему свою безопасность, свой покой, свою жизнь или... свое сердце, я буду страдать.

Опять!

Я поежилась от воспоминания.

Мне всегда казалось, что я была разделена на две личности, но не в равной степени. Одна из них, та, что поменьше, была сильной, уверенной, язвительной, с ней было лучше не связываться. Именно она отправляла Калеба ко всем чертям, дралась локтями и прокусывала плечи. И именно она заставляла меня жить.

Но была и другая. Та, которая нуждалась в любви и признании. Именно она не хотела отпускать Калеба, потому что на каком-то иррациональном, необратимом уровне, была убеждена в его важности для меня.

Я испытывала то, чего не испытывала прежде, я чувствовала, что Калек был сломлен больше, нежели я. И это создавало между нами огромное расстояние не в

трагическом, а в фундаментальном смысле. Но моя меньшая половина считала все это полнейшей ерундой.

Он не просто так похитил тебя, напомнила она мне. *Не верь ему. Не будь такой, как твоя мать, прекрати верить во всю эту чушь. Ты для него ничего не значишь!*

Я отстранилась, и, в отличие от прошлого раза, его руки с легкостью меня отпустили. Кaleb смотрел на меня своими глубокими, голубыми глазами цвета Карибского моря. Сначала, казалось, что они хотели выразить так много, но затем... ничего. Я так устала от этого ничего. Я хотела *чего-то*, нуждалась в *чем-то*.

- Что такое? - спросил он, осторожно приглушая свой голос.

- Скажи мне.

- Думаю, я устала от попыток убежать, но я также устала от незнания, с каким ужасом столкнусь в следующий раз. Мне лучше знать, Кaleb. Пожалуйста, просто расскажи мне, дай мне время...

Сидя рядом с Кalebом, я не очень понимала то, что говорила, но та часть Ливви, которая меня на этот вопрос и надоумила, осознавала все прекрасно. *Приготовься услышать кое-что неприятное...*

Светлые волосы Калеба, обычно аккуратно уложенные, сейчас лезли ему в глаза. Я едва сдержалась от внезапного желания убрать их с его лица.

Пока мы сидели в многообещающей тишине, я наблюдала за тем, как он смотрел на свои колени. Его челюсть была напряжена, губы плотно сжаты... но я не боялась. Мне надоело бояться Калеба. Если бы он собирался сделать мне больно, он бы уже сделал это.

Он хотел ответить мне. Мне оставалось только подождать. Я хотела, чтобы он ответил, и молча, ждала от него так необходимые мне слова, чувствуя, как мое сердце выпрыгивало из груди.

- Если бы я никогда не положил на тебя глаз, не встретил тебя...

Его слова, полные сожаления, вдруг вызвали в моей груди глубокую боль, хотя я знала, что это было неправильно.

- У меня есть обязательства, Котенок.

Резко сглотнув, он нахмурил брови, и я тут же распознала все, что он чувствовал: грусть, злость, отвращение - все сразу.

Желание прикоснуться к нему было почти невыносимым, но потом до меня дошло, что я должна беспокоиться о том, что, черт возьми, его слова будут значить для *меня*, и меньше всего о том, что они делали с *ним*.

- Есть человек, который должен умереть. Мне нужна была ты... *нужна*, - он сделал паузу.

- Если я не сделаю этого сейчас, то я никогда не буду свободен. Я не смогу уйти, пока не сделаю этого. Пока он не заплатит за то, что он сделал с матерью Рафика, с его сестрой, пока не заплатит за то, что он сделал со мной.

Кaleb резко встал, его грудь вздымалась. Он со злостью провел пальцами по своим волосам и сжал их в кулак на затылке.

- Пока все что он любит, не исчезнет, пока он... не *прочувствует* это. Тогда, я смогу освободиться. Я возмещу свой долг. Потом, возможно... может быть.

- Рафик?

Я слышала это имя и раньше, но его важность всегда ускользала от меня. Почему он был так важен? Неужели его роль в моей жизни была куда важнее, чем роль Калеба?

Мгновение назад, он снова был где-то далеко, и его слова как будто предназначались не мне. Глаза Калеба вновь вернулись ко мне, и теперь, с легкостью надев привычную маску безразличия, он снова себя контролировал.

Моя бдительность возрастала. Несколько предыдущих секунд, когда он казался почти человеком, бесследно испарились.

- Я собираюсь продать тебя в качестве рабыни для удовольствия человеку, которого я презираю.

Мой желудок скрутило от тошноты, выталкивая горькую желчь в глотку. Его слова обрушились на меня словно ушат ледяной воды, и когда до меня дошел смысл каждого слова, я вздрогнула.

Продать. Рабыня. Удовольствие.

Реальность происходящего сильно ударила по мне, выбивая воздух из моих легких. Почувствовав, как желудок стал сокращаться, а глотка сдавливаться, мне показалось, что меня вот - вот вырвет.

Больше никаких ссылок на кинофильмы. Никаких параллелей с вымышленными персонажами. Это было по-настоящему. Это была судьба. Я была... вещью, товаром. *Он сделал из тебя шлюху, Ливви, гребанную шлюху.*

Кaleb все еще продолжал говорить, но я едва слышала его. Преодолев с большим трудом рвотные позывы, и откашлявшись, я спросила, - Удовольствие означает секс, так? Секс-рабыня?

Кaleb остановился на середине предложения, и напряженно кивнул. Его голова была опущена, а волосы по-прежнему лезли ему в глаза. Но на этот раз, у меня уже не было желания убрать их, на самом деле, мне это даже казалось манипуляцией с его стороны.

Каждое его движение было просчитанным. Он знал, как сдвинуть брови, чтобы изобразить грусть. Как разметать свои прекрасные волосы на свои еще более прекрасные глаза, чтобы казаться надежным и одновременно уязвимым.

Ну уж нет, больше я не собиралась на это вестись. Все, что я могла когда-то чувствовать, все умерло, а вместе с тем стало пропадать и появившееся оцепенение.

- И... в тот день. День, когда мы встретились, ты оказался там не случайно. Ты знал того придурка в машине?

Глаза Калеба тут же вспыхнули гневом, но затем, так же быстро потухли.

Этот сукин сын был чертовски хорошим мастером в деле сокрытия своих эмоций. Почему ты стал таким?

Да какого хрена тебя, вообще, это заботит, Ливви? Он сделал из тебя ту, которой ты поклялась никогда не быть.

- Имеет ли это какое-нибудь значение...

- Нет, полагаю, ни хрена не имеет, - оборвала я резко.

Он хотел, чтобы *мы* никогда не встретились? Что ж, это чувство было в крайней степени взаимным. Во мне проснулась позабытая ярость.

Моя жизнь становилась все лучше и лучше. Я, наконец, собиралась выбраться из своего никчемного существования, чтобы доказать всем и каждому, что я чего-то стою, и использовать свои оценки в школе в качестве билета на свободу от этого дерьма... но потом меня похитил Калеб. Я, наконец-то...

- Я наконец-то собиралась доказать ей, что она была неправа по отношению ко мне...

- Тебе не нужно ее одобрение, - ответил он, безошибочно определив, кого я имела в виду.

Я подняла на него глаза.

- Ты *ни хрена* не знаешь о том, что мне нужно. Все это время, ты пудрил мне мозги, а я пыталась понять, для чего такому человеку как ты, нужно было похищать меня. Несмотря на то, что ты делал со мной, у меня были эти мысли...

- Мысли или фантазии, Котенок? - мягко перебил он, со все еще непробиваемым выражением лица.

- Полагаю, и то, и другое, - призналась я.

Сейчас мои слова уже не имели абсолютно никакого значения.

- Я повторяла себе, что ты такой не по своей вине, что с тобой случилось что-то, что сделало тебя таким же раздавленным, как и я, но, оказалось, тебя раздавили сильнее. И в самых потаенных уголках своего разума я думала...

- Что ты можешь мне? Больше, чем я помогу тебе? Что ж, прости, зверушка, мне не нужна ничья помощь. Какие бы мысли о мужчинах не варились в твоей детской головке, они до смешного неправильны. Это не роман. Ты не принцесса в замке, а я не прекрасный принц, который пришел тебя спасти. Ты сбежала. Я забрал свою собственность. Конец истории. Через два года, а может и раньше, я получу то, что хочу - свою месть. После этого, я гарантирую, что ты получишь свою свободу. Блять, я даже отпущу тебя на все четыре стороны, снабдив достаточным количеством денег, чтобы ты могла отправиться куда душа пожелает, и заняться *тем*, чем захочешь. А пока...

Мне хотелось плакать. Но раньше мои слезы не приводили, ни к чему хорошему, поэтому сейчас они мне точно не помогут.

- Сколько?

- В смысле?

- Потом. Когда я больше не буду твоей шлюхой, сколько ты мне заплатишь? Шлюхам ведь платят, верно?

Казалось, что Калеб смотрел на меня целую вечность, после чего спросил, - А чего бы ты хотела?

- Свою свободу, в обмен на... миллион долларов?

Это больше походило на вопрос, а не на твердое требование. Реальность была такова, что он вообще не должен был мне ничего обещать. Потому как, мне нечего было предложить ему взамен. Он и так, мог взять все, что хотел.

- Миллион долларов? Многовато, не находишь?

- Пошел ты!

Калеб улыбнулся, самоуверенный засранец.

- Мои извинения, - усмехнувшись, он мне поклонился, - то есть, я хотел сказать: ни одна женская киска не стоит таких денег. Хотя твоя почти подобралась к этой цифре.

Теперь вернулся обычный Калеб, пытающийся шокировать меня своими словами, и, возможно, это бы сработало, если бы я по-прежнему была той наивной школьницей, которую он встретил несколько недель назад. Но, прямо сейчас, я не была ею, и мне это нравилось. Я была сильной.

Возможно, расчетливая, злая, воинствующая сторона Ливви вскоре одержит верх, и я больше никогда не буду слабой.

- Насколько почти?

Он иронично улыбнулся, - Наполовину.

Внешне я была спокойным озером, но внутри меня бушевал океан, - Что именно я должна делать?

- Подчиняться.

- Тебе?

- Да. Но также...

- Человеку, которому ты меня продашь.

У меня скрутило желудок, но я нашла в себе силы, чтобы встретиться с ним взглядом. Я выжила с этим человеком. Значит, я могу выжить где угодно... по крайней мере, я надеялась на это.

- Кто он?

Когда Калеб снова заговорил, его тон стал заметно мягче, но что это теперь меняло для меня? Ничего.

- Его зовут Дмитрий Балк. Он миллиардер, который занимается оружием, наркотиками, алмазами – всей той грязью, что приносит деньги.

И этому человеку он намеревался продать меня, сделать меня навечно его наложницей, рабыней. Мое сердце сжалось. *'Ты не принцесса в замке, а я не прекрасный принц, который пришел спасти тебя'.*

Нет. Он не спасет. В реальной жизни придется спасаться самой.

- Он не будет держать тебя вечно, - произнес негромко Калеб.

- Но ты – как средство достижения конечной цели, гораздо важнее меня. В некотором смысле, мы оба являемся пешками. Просто мне отведена большая роль, и на эту роль я положил всю свою жизнь. Если этими словами я вселю в тебя надежду,

то обещаю, что приложу все усилия для того, чтобы, в конечном итоге, каждый остался при своих интересах.

Своим тоном он показывал, что он не сомневался в своих словах, и, я с уверенностью могла сказать, что для него было важным, поверю я ему или нет.

- Два года - это долгий срок, Кaleb, не находишь? За это время может случиться все что угодно.

Что-то во мне хотело уступить и сдаться. Но я отказала этому побуждению. Я должна быть сильной, не для кого-то, для себя.

- А что потом?

Он долго молчал.

- Рабыни..., - начал было он, но увидев шок на моем лице от использования этого слова, он замолчал.

- Ты дорого ему обойдешься. Чем дольше ты будешь покладистой, тем меньше у него будет поводов причинять тебе боль. Тебя будут... беречь.

Я разразилась ироническим смехом.

- Именно о таком мужчине мечтает каждая девушка... о миллиардере.

Я с трудом сглотнула, мой тон был деревянным, совершенно не похожим на мой собственный.

- Возможно, я буду до ужаса счастлива, и нам больше никогда не придется видиться друг с другом снова.

- Возможно.

- А этот Дмитрий красивый? Такой же красивый, как и ты? - спросила я отрешенно, тихо, и вместе с тем, хладнокровно.

Калеба заметно передернуло. Хорошо. Причиняя ему боль, я чувствовала себя превосходно.

Я посмотрела на Калеба. Он был примером того, в кого я превращусь, если позволю себе стать жесткой, безжалостной, поглощенной яростью и идеей мести.

Я не могла быть такой. Я не хотела быть похожей на него.

- Будет ли он дарить хоть часть того удовольствия, что дарил мне ты? Скажи мне, Кaleb, расскажи мне все. Расскажи, чтобы я знала, во что ввязываюсь, и что у меня нет никаких шансов избежать этого. Так мне будет проще и понятнее. Так я смогу рассчитывать только на себя - и мне не нужен будет принц, который спасет принцессу.

Кaleb повернулся ко мне спиной, сжимая кулаки по бокам. Я даже не могла представить себе, какого хрена его так разозлило.

- Попытайся немного поспать.

Мои глаза были на мокром месте, но сейчас было не время для слез, не здесь, и не при нем. Я устала от слез, от слабости и неспособности контролировать свою собственную жизнь, - Мне лучше не спать. Я не хочу видеть сны.

Проведя рукой по своим слипшимся от пота волосам, я почувствовала, как что-то во мне стало ледяным и твердым.

- Пожалуй, я приму душ.

Кaleb повернулся, и я сразу заметила, что выражение его лица стало не читаемым. Дискуссия окончена, и, думаю, мы оба с облегчением оттянули неизбежное. На время.

Он рассказал мне то, что я хотела знать, хотя и не должен был. Но это не принесло мне ожидаемого облегчения... не так, как я думала. Я полагала, что если я буду знать, для чего он меня держал, то смогу подготовить себя к предстоящему кошмару. Но...

Причина твоего расстройства не в этом. Ему нет до тебя никакого дела. Все, что он делал, было манипуляцией, чтобы заставить тебя плясать под его дудку. Каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждое его слово о том, что ты прекрасна - все было ложью. И ты купилась на нее.

- Я помогу тебе.

Очнувшись от своих мыслей, я посмотрела на протянутую руку Калеба. Мне хотелось сказать, что это, видимо, была шутка, как и каждое произнесенное им слово и те, что последуют за ними, но я боялась, что мой голос меня выдаст, обнажит бурлящие во мне девчачьи чувства.

Медленно, стянув с себя простынь своей здоровой рукой, я встала. Моя голова закружилась, а за ней, и все мое тело.

На долю секунды на лице Калеба отразилась испытываемая мною паника, но когда он меня поймал, наступило облегчение.

- Ливви, - сказал он мягко, держа своими руками мои дрожащие плечи, - позволь мне помочь тебе.

Приклеившись взглядом к коленям, я чувствовала, что мое лицо то бледнеет, то краснеет. Кaleb тоже не отводил от меня глаз, и я не могла не чувствовать, как теряю почву под ногами... вместе с ним. *Он только что назвал меня Ливви?*

Учитывая все то, что между нами открылось, я уже не была уверена в том, что чувствовала от одной секунды к другой, и каждый промежуток времени пронизывался подозрением и сомнением, пропитавшись подо всем этим тонким слоем тоски. Кaleb не был моим прекрасным принцем, но это не означало, что я должна была довольствоваться чем-то меньшим. Когда он протянул мне руку, я ее взяла.

Мы вместе вошли в ванную комнату, и хотя это уже не было необычным явлением, но тот факт, что я была настолько сломлена и внутри и снаружи, делал эту ситуацию еще более унижительной. Под тяжестью бушующих во мне эмоций, моя решимость треснула.

- Что случилось? - спросил Кaleb, но в ответ я только замотала головой, не отрываясь взглядом от пола.

Он встал передо мной и несколько мгновений просто смотрел на меня.

- Если я переживу все это, я не смогу вернуться обратно. Мне нужно будет двигаться дальше, но я не знаю, что это значит.

Сделав паузу, я чувствовала себя так, словно находилась под наркозом. Мне нужно было собраться и найти способ не сломаться.

- А ты?

Калевб ничего не ответил, но его молчание ничего не значило.

Обняв меня, как он делал много раз до этого, он сильнее прижал меня к себе. Я знала, что его объятия были не более, чем утешающая ложь. Приближался конец. Конец этим моментам между ним и мной, когда эта ложь ощущалась чем угодно, только не ложью. Все равно больше у меня ничего осталось.

Моя свободная рука висела вдоль туловища, а вторая покоилась в своей повязке, но было приятно, когда тебя обнимают, даже если ты и не активный участник этих объятий.

Он начал понемногу отстраняться, но я пока не была готова встретиться с ним глазами, поэтому шагнула ближе, прося его без слов подождать еще немного. Чуть дольше удерживая меня в своих объятиях, он целомудренно поцеловал меня в макушку.

- Сколько времени у меня есть, Калевб? Сколько времени у меня есть, прежде чем ты оставишь меня?

Прежде чем заговорить, Калевб несколько раз откашлялся, и когда он сделал это, его голос дрогнул.

- Несколько месяцев.

Прежде чем я успела обрадоваться своей отсрочке, он поспешно добавил, - Предполагалось, что со мной ты должна провести шесть недель и более половины срока уже прошло. У нас осталось не так много времени.

Он прижался ко мне, и я позволила ему. В то время, как он продолжал что-то говорить, я на мгновение задумалась над значением его слов.

Я была вдали от дома около трех с половиной недель. Больше трех недель. Я не могла выразить словами это глубокое одиночество от понимания того, что я пропала почти на месяц. Все это время я была изолирована от общества и находилась только с одним человеком. Никто меня особо не искал - и вряд ли будет.

- Есть ли другой способ...

- Нет.

Я замолчала. Его тон был безапелляционным. И мне стало интересно, неужели он был таким, потому что рассматривал подобную возможность, и думал о том, чтобы уберечь меня от этой участи?

Я должна была верить, что да. Мне хотелось надеяться на то, что он заботился обо мне настолько, что задумывался над этим. Я должна была; потому что это была единственная надежда, которая помогла бы мне пережить эту ситуацию, и какая-то часть меня была уверена в том, что это правда.

- Ты будешь скучать по мне, Калевб?

Я позволила своей руке обнять его за талию. Не знаю, что меня побудило к этому, поэтому я тут же попыталась ее одернуть. Но он мне не позволил.

- Да, - просто сказал он.

И когда я попыталась заглянуть ему в глаза, он тут же отпустил меня и повернулся ко мне спиной, - Но это ничего не меняет.

Могу сказать, что он явно верил в то, о чем говорил. Он снова закрылся от меня,

я поняла это по его расправленным плечам, когда он снова повернулся ко мне лицом.

Кaleb снял повязку с моей шеи, и покалывающая боль в плече и ключице вернула меня к реальности происходящего, но я по-прежнему находилась в трансе. Закончив с повязкой, он осторожно снял через голову мою сорочку, стараясь не задеть мое плечо. После чего, бросил ее в мусорную корзину.

Я осталась в одном бондаже.

Сегодня вечером, он смотрела на меня так, как никогда раньше. И я могла с полной уверенностью сказать, что сейчас, во мне не было ничего сексуального. Он просто смотрел на меня, и в его взгляде практически ничего не читалось.

Он подошел ближе.

- В чем дело? - спросил он снова, его голос звучал либо рассеянно, либо пренебрежительно – а возможно и то, и другое сразу.

- Ничего, - мрачно ответила я, сомневаясь, что он меня услышал.

Освобождая мое тело от бондажа, Кaleb попутно рассказывал мне о том, что тот нужен мне не для заживления моих ребер, а для напоминания о том, чтобы я не сидела в определенных положениях или делала определенные движения. И что после душа, он снова наденет его на меня.

Да, с горечью подумала я, последнее, что мне было сейчас нужно, это чтобы мои ребра неправильно срослись.

Снимая с меня бондаж, он обвивал меня руками, и, несмотря на то, что моя грудь была всего лишь в нескольких сантиметрах от его лица, он не обращал на нее никакого внимания... он просто не замечал ее.

По непонятной причине, это усилило мое замешательство. Очевидно, после того, как между нами все открылось, он уже не должен был притворяться, что испытывает ко мне чувства, которых, на самом деле, не было. *Но он сказал, что будет скучать по мне. Это же что-то значило. Так ведь?*

Освободив меня от бондажа, мы на мгновение уставились друг на друга, словно пытались выяснить, что происходило в голове у каждого из нас. А затем, он направился к душевой кабине в углу комнаты, и включил воду.

Он никогда не пользовался душем, только ванной, хотя сейчас я его понимала. На данный момент, у меня не было никакого желания сидеть в ванной. Единственное, чего я не понимала так это того, каким образом он собирался помочь мне помыться, если я буду в душе.

В действительности, из-за боли в ребрах, я не могла нормально поднять руку, чтобы помыть голову, да и вообще двигаться. Если это означало, что он собирался встать вместе со мной под душ, то эта мысль мне не нравилась.

Проверив воду, он казался довольным. Я чувствовала, как его глаза скользили по мне вверх и вниз, отчего мои щеки разругались, а тело вспыхнуло.

Он прочистил горло.

- Почему бы тебе не встать под душ. Я принесу тебе все, что нужно. Если я тебе понадобится - позови. Я буду в комнате.

Я кивнула, когда он прошел мимо меня, и оставалась неподвижной до тех пор, пока он не вышел из ванной комнаты и не закрыл за собой дверь.

Вода была теплой и чистой, она успокаивала мою кожу. В душе имелось несколько головок разной высоты, что не позволяло оставить хоть один участок моего тела без внимания, но давление воды меня не раздражало - оно было мягким и нежным. На меня лилась вода, и, вдыхая образующийся от нее пар, мне было легче наполнять свои легкие воздухом. Так я стояла несколько минут, после чего начала намыливать те части тела, до которых могла дотянуться.

Впервые за более, чем три недели, я стояла под душем одна, погруженная в свои мысли. Я знала, что как только я выйду из этого мокрого рая, я начну самое тяжелое путешествие в своей жизни. Я должна спастись. Я должна быть сильной, умной и храброй, и позволить другой, безжалостной стороне себя, одержать верх, а этой мягкой Ливви... исчезнуть навсегда.

- Заставь его тебя полюбить, - прошептала Безжалостная Я.

- Сделай так, чтобы он не смог жить без тебя. Прибери этого дьявола к рукам.

Я чувствовала, как эта сторона меня начала разрастаться внутри, принося с собой безумную идею о том, что у меня была власть над Калемом. До сих пор, я никогда не пыталась прибегать к 'женским чарам', хотя именно в них меня и обвиняли. Что произойдет, если я попытаюсь?

Идея попытки соблазнить Калеба пугала меня, ужасала вплоть до физической боли, но в это же время... мне было интересно, смогу ли я. И это будоражило меня. Я задавалась вопросом, смогу ли я поставить этого ублюдка на колени от желания ко мне.

Теперь я поняла, почему он ни разу не трахнул меня обычным образом... ему нужна была девственница. И если ему нужна была девственница, то мне нужно сделать все, чтобы не быть ею.

Но прежде, чем я успела остановить поток своих мыслей, я облокотилась на стену душевой кабины и.... заплакала. Я плакала долго. Как в старые добрые времена.

Глава 15

Тайное стало явным.

Он никогда не забудет выражение ее лица, когда рассказал ей о своем намерении продать ее в сексуальное рабство. А чего он ожидал? Что она поймет?

Ведь его целью была месть. Она не могла этого понять, пока не могла. И этот факт будет преследовать его всегда.

Плюс еще одно воспоминание к сотне других, преследовавших его образов. С той лишь разницей, что в тех воспоминаниях он всегда был жертвой. Всегда мальчиком, и никогда мужчиной. И теперь, тот мужчина, которым он стал, тоже станет его преследовать.

Калеб прислонился к двери ванной комнаты. Ему понадобилась минута, чтобы перевести дыхание, унять тошноту, и справиться с нагромождением мыслей, разрывающих его на куски.

Впервые за последние годы, Калеб хотел чего-то другого, чем просто месть. Он хотел девушку. Он хотел Ливви. Теперь он знал ее имя, но это было мелочью, по сравнению с тем, что он к тому моменту о ней узнал.

А узнал он многое - возможно, даже слишком.

В школу она ходила в бесформенной одежде, потому что искала материнской любви. Ее глаза были всегда грустными, потому что она знала, что та ее не любила.

У нее были братья и сестры. Она чувствовала себя ответственной за них и завидовала им.

Она была забавной и застенчивой, но в то же время сильной и храброй.

Ее первый поцелуй был сущим кошмаром.

Она росла без какой-либо защиты.

И никто, кроме Калеба не доставлял ей физического удовольствия. Ливви была живучей.

Это он знал наверняка, но вот чего он не знал, так это того, через *что* ей пришлось пройти. Она заслуживала лучшего. Ведь по своей природе она лучше, чем все они, лучше, чем он сам. Он видел это в ее глазах, в ее манерах, но старался не думать о причинах. Он хотел ее без имени. Он хотел забыть, что у нее когда-то было прошлое, история, мечты, надежды и все то, что сделало из нее... Ливви.

Сквозь разделяющую их дверь, он слышал, как она плакала, и это почти вырывало из груди его сердце. Он был ответственным за это. Он был причиной каждой ее слезинки, но, к его полному ужасу, они не возбуждали его, а напротив, будили в нем... глубокую грусть.

Грусть - чувство, которое он не испытывал долгое, очень долгое время. Но даже тогда, он грустил только о себе; он никогда не испытывал подобного чувства к кому-либо еще, даже к другим мальчикам.

Почему именно сейчас? Почему к ней?

В памяти Калеба тут же всплыли воспоминания о ее окровавленном, почти бездыханном теле в руках того парня, и он согнулся пополам. Она могла умереть. И Калеб знал, что если бы это произошло, он никогда бы себе этого не простил.

Независимо от причины, он что-то чувствовал к этой девушке, что-то, чего он никогда не чувствовал раньше, и что никак не мог облечь в слова. Он просто не знал, имело ли это значение.

Он сказал ей, что все имело значение, что все было очень личным, но какой теперь это имело смысл во всей этой ситуации? Она не простит его, так же как и он когда-то не простил Нарви. Она никогда не увидит в нем что-то большее, чем то, что он сделал с ней. Поэтому, в конечном итоге, имеют ли эти чувства какое-либо значение?

Он никогда не сможет быть с этой девушкой, тогда почему бы ему не насладиться своей мстью? Разве он не заслужил этого?

Нарви мертв! Ты убил его. Чего еще ты можешь добиться, уничтожив человека, которого ты никогда не видел?

Калев отбросил эти мысли.

Рафик его спас. Он обеспечил его крышей над головой, полным желудком и женщинами в его постели. Калев был обязан ему всем, даже собственной жизнью. Если Рафик хотел Владэка мертвым, то Калев должен был принести ему голову этого человека.

Но Рафик хотел большего, чем просто жизнь Владэка. Он хотел, чтобы тот чудовищно страдал. Рафик хотел, чтобы все, что тот когда-либо любил, рассыпалось на мелкие частички, словно пепел в руках.

Это не вернет назад ни его мать, ни его сестру, но это казалось... правильным. Калеву это всегда казалось правильным.

В действительности, он был преданным учеником Рафика, и эта цель была единственным, что насыщало его жизнь смыслом. Без Рафика, без их мести... что еще у него было? Вряд ли он пожертвует двенадцатью годами и своим долгом перед Рафиком из-за трех недель с девушкой, которую он никогда... Он чуть не подумал о слове "полюбит". *Любовь.*

Что, черт возьми, вообще значит это слово? Все так легкомысленно разбрасывались им. Но что же оно в действительности означало? Неужели, после всего того, что с ним произошло, он был способен на это чувство? Нет. Он так не думал.

У него зазвонил телефон. В столь поздний час это мог быть только один человек... как же не вовремя.

- Да?

- Как она? - тон Рафика был холодным и отстраненным.

- Несколько треснувших ребер и вывихнуто плечо.

Калев провел рукой по своим все еще слегка влажным волосам и сжал их в кулаке. Он не хотел говорить об этом сейчас.

- Не думаю, что трех недель будет достаточно для того, чтобы она поправилась. Поездка может оказаться слишком утомительной.

Последовала долгая пауза и на мгновение Калебу показалось, что звонок сбросился.

- Джаир сказал, что ты взял заложников. Он также сообщил, что ты устроил целое представление, забирая девчонку... что ты на это скажешь?

Калев начал терять терпение. Этот разговор не приведет ни к чему хорошему.

- В заложниках парень и девушка. У них могут быть нужные мне ответы. Я не знаю, у кого еще может быть информация обо мне или о девчонке, и, возможно, есть еще свидетели. Я не знаю, связывалась ли она с кем-нибудь из Штатов. Я прикрываю наши задницы, Рафик. И с каких это пор ты получаешь информацию от Джаира, а не от меня?

Калев с трудом сдерживался, чтобы не перейти на крик. Он не хотел напугать Котенка... Ливви.

- Я получаю информацию от того, кого считаю полезным, и в последнее время, этим человеком являешься не ты.

Рафик говорил это так, как будто это было само собой разумеющееся, словно его слова не несли в себе глубокое оскорбление.

- Ты наломал дров, Калев. Девчонка ранена, есть потенциальные свидетели, и нет никаких сомнений в том, что власти заинтересуются тем долбаным пожаром, который ты там устроил. А теперь, я полагаю, ты привез ее в больницу, где появится еще больше хвостов. Непрофессионально, Калев.

Калев тяжело вздохнул; он был сыт по горло этим разговором.

Но его гнев не унимался, - Несмотря на то, что ты и твой новый друг Джаир думаете; я не дурак. Эта территория контролируется преступным синдикатом и я сомневаюсь, что у нас будут проблемы, от которых мы не сможем откупиться за деньги. В доме замели все следы, поэтому завтра утром мы выезжаем к твоему знакомому. Девчонка поправится, просто поверь мне и дай немного времени.

- Где ты сейчас?

- Не твое дело.

Калев закончил разговор, пока тот не принял еще более крутой поворот. Черт побери! Он просто хотел, чтобы его оставили в покое.

Ливви нуждается в тебе. Медленно выдохнув, он вышел из спальни.

В кухне он услышал раздраженное перешептывание между врачом и его женой. Женщина обвиняла своего мужа в том, что он поставил их в такое затруднительное положение, и пыталась убедить его развязать ее веревку, чтобы они просто убежали, оставив все. На что тот ответил, чтобы она сидела тише и доверилась ему. *Идиот.* Если бы у доброго доктора были хоть какие-нибудь мозги, он бы послушал свою жену.

Калеб был убийцей. Если бы он захотел, он мог бы прикончить их обоих, пока они были привязаны к стульям, и пошел бы прочь. Это, несомненно, было бы самым умным и выгодным решением, но Калеб не горел желанием убивать невинных людей. Особенно после того, как они ему помогли.

Калеб зашел на кухню, и все разговоры тут же прекратились. Женщина с осторожностью рассматривала его, в то время как ее муж, приподняв бровь, вопросительно на него посмотрел. Может быть, именно поэтому он и был врачом. Возможно, он был одним из немногих по-настоящему бескорыстных врачей в мире. Было бы жаль его убивать.

- Где вы храните свою одежду?

Он обратился к его жене, и она уставилась на него непонимающим взглядом. Очевидно, она не говорила по-английски. Врач немного понимал его, но все еще казался недоуменным от услышанного вопроса.

Калеб покачал головой и перешел на ломанный испанский, отчего женщина нахмурила брови. Повернувшись к своему мужу, она сказала ему, где он может найти то, что ему нужно.

- Я вас понимаю. Просто я давно не говорил по-испански.

Она снова уставилась на него с недоуменным выражением на лице. Нет, она не поняла ни слова.

Калеб развернулся и направился по коридору к хозяйской спальне.

По-видимому, врач неплохо зарабатывал, даже здесь, в Мексике. Комната была приятно декорирована - теплые тона, белая мебель, все очень современно. На туалетном столике стояла их свадебная фотография в хрустальной рамке. На ней они выглядели счастливыми, и, несомненно... влюбленными.

Ты стал думать, как женщина.

Калеб улыбнулся сам себе от мысли, такого в его голове еще никогда не происходило. Но с другой стороны, он никогда не думал на тему любви с философской точки зрения.

Я убил ради нее. В больнице держал на прицеле врача ради нее, и последовал за этим беднягой к нему же домой, только ради ее безопасности. Даже сейчас, я пытаюсь найти то, в чем ей будет удобнее. Разве это не любовь?

Тебе лучше надеяться, что нет.

Улыбка Калеба постепенно исчезла. Это направление мысли принесет только больше проблем. Даже если бы он хотел... чего-то. Что он должен сделать? Объяснить это Рафику?

Как будто тот поймет. Или его это будет заботить. Он, скорее всего, всадит по пуле в каждого из них - по крайней мере, в нее точно. И тогда, ему придется пристрелить Калеба, потому что он никогда не позволит причинить девушке вред.

Это мысль его мгновенно шокировала. Он уже признался, что будет скучать по ней, сказав то, чего никогда не говорил прежде, а теперь... он допускает, что рискнет своей жизнью перед Рафиком ради нее.

Он твердо отодвинул эту мысль. Ему лучше не отклоняться от заданного направления. Девушка поправится. Рафик получит то, чего он хочет, и тогда Калев освободится от своих обязательств. После, он освободит девушку, и возместит ей ущерб.

Да, кивнул он; так будет лучше, для всех них, даже для девушки. *Ливви*. Нет. Ее имя - *Котенок*.

Калев нашел то, что искал - одежду для Котенка.

Когда он направился в занимаемую им спальню, он, в очередной раз, прошел мимо своих заложников на кухне. И снова, все их разговоры прекратились. Жена врача плакала, но держалась стойко. Она была храброй.

- Мы уедем завтра утром. Я обещаю никому из вас не причинить никакого вреда, но должен добавить, что у моего милосердия есть условие. Если вы хоть кому-нибудь скажете, что мы были здесь, или о том, что случилось с вами...

- Я дал вам свое слово!

Врач был непреклонен. Он видел, что Калев был весь в крови, и знал, что она - артериальная, он наверняка понимал, что сделал Калев.

Он не сомневался в искренности врача. И пока тот смотрел в заплаканные глаза своей жены, Калев осознал глубину их любви друг к другу. Они либо останутся в живых вместе, либо умрут одновременно, но так или иначе, они будут делать все, чтобы защитить друг друга.

Было странным наблюдать за этим. Но что было более странным, так это испытывать зависть к своим заложникам. Никто и никогда не смотрел на Калеба так, словно жизнь без него не имела смысла. Он никогда не ценил никого выше себя самого. Чем бы ни была любовь - это было понятием, которое он не мог познать.

На обратном пути к Котенку, он заметил бельевого шкафа и достал из него комплект свежих простыней. Когда он снова зашел в комнату, воздух в ней ощущался другим. Дверь в ванную была слегка приоткрыта и из нее в спальню, клубами, проникал пар. Кaleb положил одежду и простыни на кровать и вошел внутрь.

Она нашла зеркало. В каждой ванной комнате было по зеркалу, и в спешке он даже не подумал о том, чтобы накрыть или убрать его от Ливви, пытаясь, таким образом, избежать лишних вопросов с ее стороны.

Он стоял и смотрел на нее, пытаясь понять, что ему делать дальше.

- Они хорошенько надо мной поиздевались.

Она вздрогнула, прикоснувшись к большому синяку, покрывающему большую часть ее щеки и глаз.

- Это пройдет, - сказал Кaleb, пытаясь изобразить безразличный тон.

Они оба знали, что в этой ситуации не было ничего безразличного, но он притворялся, что именно так оно и было.

- Я еще буду достаточно хороша для Дмитрия? - спросила она.

На этот раз ее голос был холодным и твердым, таким он еще никогда его не слышал. Если этими словами она хотела сделать ему больно, то к его великому удивлению, у нее это получилось.

- Через несколько недель, - сказал он хрипло и сразу же пожалел об этом, увидев грусть, прорывающуюся через стену ее спокойствия.

Сейчас, она казалась какой-то странной. Готовой к детонации бомбой. Он не мог с точностью предугадать ее дальнейшие действия, и это нервировало их обоих.

Она повернулась, представ перед ним абсолютно обнаженной. Ее тело было покрыто синяками и ушибами, но она все равно была прекрасна. Все еще... девушкой, которую он хотел.

Что-то было в ее поведении такого, отчего ему захотелось сделать шаг назад, но он поборол этот инстинкт. Он никогда и ни от кого не отступал, особенно от нее. Она... преследовала его, словно пантера или львица и, как это ни странно, он подумал, что дал ей самое подходящее прозвище.

Хотя, на данный момент, она была совсем не Котенком. Котенок не станет гипнотизировать тебя своим взглядом, и слегка опустив голову, входит в образ охотницы, следящей за добычей.

Она остановилась прямо перед Кalebом, так близко, что он почти чувствовал, как ее соски трутся о его одежду. Он не должен был ее хотеть, не тогда, когда она была в таком виде. Но он хотел. Возможно, даже сильнее, чем прежде.

Она была избита и поранена, но она выжила! Она смотрела этим сукиным детям прямо в глаза и пролила первую кровь. В ней скрывался боец и убийца. И в этом было что-то невозможно сексуальное. Он думал об этом, даже тогда, когда она наставила на него его же собственный револьвер.

- Калевб, - прошептала она.

Уставившись на нее, все, что он мог сейчас сделать, это издать ничего не означающий звук.

- Так много всего произошло. Я была такой слабой.

Чушь собачья, подумал Калевб.

- Если бы я могла получить кое-что...одну единственную вещь.

Желание Калеба сделать шаг назад было почти невыносимым, но он стоял на своем месте и просто кивнул.

Ливви взглянула на него умоляющими и голодными глазами.

- Займись со мной любовью, - сказала она настолько тихо, что Калевбу показалось, что он сам произнес это в своей голове.

Но потом он почувствовал, как ее маленькая ручка пробралась ему под рубашку.

- Я хочу оставить этот маленький выбор за собой. Я сделаю все, что ты скажешь. Я больше никогда не попытаюсь сбежать, но мне нужно, чтобы эта единственная вещь, этот выбор... был моим.

Калевб хотел сказать, хоть что-нибудь, но каждая его мысль вращалась вокруг его желания оказаться внутри нее.

Простым ответом на вопрос почему она стала бы предлагать ему подобное, мог быть тот факт, что *потеряй она девственность...*Но ему было плевать. Ему просто на это, мать его, было плевать. Он разберется с этим позже. Поэтому вместо 'нет', он просто сказал, - Я не хочу сделать тебе больно.

- Ты не сделаешь. Я знаю, что не сделаешь.

Больше он не мог себя сдерживать. Наклонившись, он прикоснулся своими губами к ее. Она слегка вздрогнула, именно так, как Котенок, которого он помнил. Его сердце ускорило свой ритм, а член затвердел и начал пульсировать. Она застенчиво потянулась к нему своим язычком, и, открыв для нее свой рот, он позволил ей оказаться там, куда она хотела попасть.

Калевб испытывал настолько сильное желание прикоснуться к ней... но он по-прежнему себе не доверял, поэтому, наконец, сделав шаг назад, он прижался своими

руками к дверному проему, в то время, как она придвинулась еще ближе, целуя его более уверенно и агрессивно.

Ее вкус был мятным - от зубной пасты и соленым - от ее слез. Он не хотел, чтобы она плакала. Не сейчас, и не по какой-либо причине.

Он медленно отстранился, - Остановись.

Она уставилась на него испуганным и ранимым взглядом.

- Я сделала что-то не так? - спросила она и эти слова задели что-то глубоко внутри него.

- Боже, нет. Ты идеальна. Просто я... я не хочу сделать тебе больно. А то, что я чувствую сейчас...

Если он когда и краснел в своей жизни, то сейчас был именно тот случай.

- Я знаю, что сделаю тебе больно.

Он чуть не застонал, когда она вспыхнула, улыбнулась и отвела свой смущенный взгляд.

- И, что теперь?

- Пойдем со мной.

Осторожно взяв ее за руку, и подведя к кровати, он медленно уложил на нее Котенка. Сейчас она казалась более застенчивой, чем несколько минут назад, но она не сомневалась.

Мягко поцеловав ее в губы, он лег рядом с ней, уговаривая ее слегка раздвинуть ноги. Приемом, которым он пользовался с ней так много раз, он проложил дорожку из поцелуев вниз по ее шее, к груди, а затем от груди к животу.

- Ох! - всхлипнула она, как только его губы коснулись мягкой, влажной поросли волос между ее ног.

Он еще даже не лизнул ее, а уже чувствовал ее возрастающее напряжение.

Поцеловав верхнюю часть ее киски, он тем самым, надеялся избавить ее от испытываемого страха. Это не должно причинить ей боли, ни капельки. Он собирался сделать ей приятно, подарить ей то наслаждение, которое она заслуживала.

Когда он почувствовал, что ее бедра медленно открылись, предоставляя ему возможность для ласки, он наклонил свою голову, и провел кончиком языка от самого низа к твердому бутону ее клитора, заставляя ее мяукнуть от удовольствия и раскрыться ему еще больше.

- Хочешь, чтобы я остановился? - прошептал он в ее влажные губы, не имея никакого намерения этого делать.

- Блять, нет. Я убью тебя, - сказала она с такой искренностью, что Каледб не смог сдержаться и рассмеялся.

- Где ты научилась так разговаривать? - поддразнил он.

В ответ, она немного приподняла свои бедра.... и слегка вздрогнула.

Черт, они оба забыли о том, что ей должно быть было больно.

Он не хотел заставлять ее просить еще раз. Лаская ее ножку, он погрузил свой язык немного глубже, пробуя и всасывая ее темно-розовые складочки в свой рот. Неосознанно, она попыталась отстраниться от его рта. Он знал, что это было не потому что ей не нравилось, а потому что одновременное ощущение полизывания и посасывания было слишком сильным, чтобы его вынести.

Его разум развлекался фантазиями о том, как она засасывает его член в свой рот, облизывая головку своим мягким язычком... и он застонал в нее от этой воображаемой картинки. Вжимаясь своим членом в кровать, он оставался сосредоточенным на ее удовольствии.

Чуть сбавив обороты, он позволил ей приспособиться, после чего, снова к ней прижался. Она ахнула и застонала, двигая своей маленькой киской вдоль его нетерпеливого языка, и на этот раз не было никакой мысли о боли. Было только удовольствие.

Пробравшись к ней своими пальцами, он еще больше раскрыл ее плоть. В ее влажных складочках, он нашел крошечный вход в ее тело. Он провел по нему языком, и она задрожала.

Лаская подушечкой пальца ее клитор, он наслаждался ее хныканьем и извиваниями. Она простонала, 'Каледб', а затем положила свои руки на его, прижимая его пальцы к своей плоти, умоляя его о чем-то, чего она еще не совсем понимала. Вцепившись в него своей рукой, она произнесла, - Это так... о, Боже. Я, кажется...

Окончание фразы осталось недосказанным, потому что он закружил пальцем вокруг ее клитора, и начал одновременно посасывать губами ее пальчики.

Почувствовав пульсацию ее киски под своими пальцами, он пожалел, что не мог видеть пика ее наслаждения, того как сокращаются ее крошечные мышцы. Но тут на кровать просочилось свидетельство ее удовольствия.

Он бы не отказался слизать и эту лужицу. Но сейчас было важно ЕЕ наслаждение, а не его желания.

Прислонившись своей щекой к ее бедру, в течение нескольких минут, он быстро и шумно переводил дыхание, точно так же, как это делала она. Ее рука медленно пробралась к нему, и он чуть не застонал, когда она провела своими пальчиками по его волосам. И, несмотря на то, что его член был настолько тверд, что им можно было заколачивать гвозди, Калеб хотел, чтобы этот момент продлился как можно дольше.

Калеб не знал ее мотивов, побудивших ее заняться с ним сексом, особенно после всего того, что открылось между ними, но он не мог отрицать, что произошедшее изменило в нем что-то совершенно безвозвратно. Он недооценил ее, и она нашла способ на него повлиять. На данный момент, он не мог заставить себя думать об этом, но совсем скоро, это может означать очень многое.

- А как же ты?

Слова были произнесены ленивым тоном, и он подозревал, что Котенок просто пыталась быть вежливой, не имея никакого намерения двинуться с места, не говоря уже о том, чтобы помочь ему закончить ЕГО дела.

Он улыбнулся.

- Не беспокойся обо мне. Я не склонен к актам самопожертвования, так что давай просто насладимся этим моментом.

Посмотрев на нее, он увидел, как она улыбнулась сама себе и стала мило засыпать.

Он поднялся с кровати, настолько тихо, насколько это было возможно, и взял простыни, которые он принес. Плед был чистым, поэтому его Калеб менять не стал, и просто накрыв им Котенка, не раздеваясь, улегся рядом с ней. В течение нескольких минут, он позволил себе просто смотреть, разглядывая ее под этими синяками.

Ему хотелось ее поцеловать. Ему хотелось снять с себя одежду и потереться своим членом о ее мягкую кожу, оказаться внутри нее.

Из этих заблудших мыслей Калеба вырвал раздражающий звуковой сигнал. Отбросив их в сторону, он встал с кровати, чтобы поднять с пола телефон.

Ему пришло сообщение:

Р: Я ВЫЛЕТАЮ. СКОРО УВИДИМСЯ.

Сначала он почувствовал смятение и гнев, от которых хотелось кричать и разбрасывать по комнате вещи, а потом... глубокую, глубокую потерю. Он подумал о трех с половиной неделях, проведенных с Ливви и о том времени, которое теперь было для них потеряно. Долг напомнил он себе.

Он смотрел на текст сообщения, и совершенно ничего при этом не чувствовал.

Переведя свой взгляд на спящую Ливви, ярость, всегда сжимающая и кипящая в его жилах, стала утихать.

Рафик, подумал он, *Рафик*. Все стало куда сложнее, чем он когда-либо мог себе представить.

Пока он рассматривал спящую на кровати девушку, в его голове крутилась одна единственная мысль - *БУДЬ СИЛЬНЕЕ*. Кому предназначались эти слова - ему самому или Котенку, он был не в состоянии понять.

Единственное, о чем он знал наверняка - это о том, что он снова хотел лечь к ней в постель и притвориться, что последних минут никогда не было.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ.